

Васильева А.М.

Курган

Времена минувшие

РУССКИЕ НА ТОБОЛЕ В 17 ВЕКЕ.

Необъятные просторы Сибири всегда привлекали внимание русского человека. Уже в XV веке в русских летописях начинает попадаться название «Сибирская земля» с рассказами о тамошних жителях в фантастических формах. Во второй половине XV века начинаются походы в Северное Зауралье по приказу московских государей, и с этого времени к их титулу добавляются названия «Государь Югорский», а позже «Кондийский» и «Обдорский». Но подлинное заселение и освоение Сибири начинается после похода Ермака в 1581 – 1595 гг. Легко было завоевать Сибирь, труднее было удержать ее за собой. Русское правительство стремилось как можно быстрее основать в Зауралье побольше городов и слобод, главным образом вблизи рек, которые были связующими путями.

Захватив реки в свои руки и свободно плавая по ним на стругах, русские проникали все дальше и дальше вглубь Сибири, распространяя свое влияние с северо-запада на юго-восток. Так пришли русские на среднее течение Тобола, где сейчас раскинулась Курганская область. Поднимаясь вверх по Тоболу и его притокам, которые в XVII веке были гораздо полноводнее, землепроходцы выбирали места, наиболее удобные для заселения. Крестьяне-переселенцы успешно осваивали плодородные земли, вырубали леса, прокладывали дороги, разводили на обширных пастбищах скот. Но соседство с кочевниками приносило много неприятностей, нужны были опорные пункты, слободы, в которых можно было бы содержать гарнизон солдат, в любой момент способный выступить на защиту крестьян. Первым русским поселенцам приходилось свои поселения превращать в небольшие крепости, обнесенные валом, рвом, частоколом, которые не всегда спасали от набегов степняков. Уходя в поле, землепашец надевал кольчугу, всегда имел при себе оружие. По словам сибирского историка Н. Абрамова, русские крестьяне часто становились легкой добычей кочевников, потому что в поле уходили пахать поодиночке или небольшими группами. А дальнзоркие степняки, завидев человека, набегали и за несколько метров набрасывали ему на шею аркан. Затем прищпоривали коня и стремглав мчались прочь, а бедный пленник вынужден был бежать со скоростью лошади, либо падал на землю и волочился на аркане, пока не задыхался в этой петле. К женщинам относились более снисходительно. Их усаживали на лошадь позади себя и связывали им ноги под брюхом коня, чтобы они не свалились, нечаянно или специально. Пленники становились рабами, а чтобы они не могли убежать, им надрезали пятки и засыпали раны изрубленным конским волосом. После заживления пятки становились колкими и болезненными, и даже на короткие расстояния было трудно передвигаться.

Неудивительно, что слободы, возникшие в XVII веке на Тоболе, были маленькими крепостями. Поднимаясь вверх по Тоболу на дощаниках и вступая в пределы сегодняшней территории Курганской области, гребцы на левом берегу реки видели сначала Усть-Суерскую слободу. Она была основана в 80-е годы XVII века и всегда носила два имени – Усть-Суерская и Пухова. По преданию

второе название происходило от фамилии основателя, а первое - от географического положения слободы, находящейся напротив места впадения в Тобол реки Суерь. Слобода была окружена деревянной стеной с проезжею башней, рвом, валом и рогатками. В центре возвышалась деревянная церковь во имя Св. Николая, много позже замененная каменной. И к этой маленькой крепости лепились деревушки, тоже лежащие при Тоболе или на окрестных озерах Степном, Коноплянном, Грачевском и Сладком Логе. В тихую погоду звон колоколов Никольской церкви достигал окрестных деревень и возвещал им либо о празднике, либо об опасности. И крестьяне, побросав свои дома, торопились укрыться за стенами слободы. В сферу влияния Усть-Суерской слободы входили 2 села и 21 деревня, в том числе Вагина, Заозерная, Волосникова, Речкина, Памятная, Стенникова, Варакосова, Мысовая и другие.

Но раньше Усть-Суерской слободы Степаном Нестеровым была основана Белозерская – в 1665 г. Она была укреплена точно так же стенами, башней и рвами. Хотя слобода раскинулась по берегам Тобола, название получила от Белого озера, которое лежало на равнине, довольно далеко от слободы. Здешний комиссар имел в своем ведении 19 деревень, которые составляли и приход белозерской церкви. В XVII-XVIII веках в деревнях церковей не было вовсе, и редкое село имело храм, а чаще небольшую часовенку. Церкви были в слободах, куда и стекались крестьяне на праздник. А потом в эти праздники и бойкую торговлю открыли, и стали слободы не только духовным и оборонительным центром своего прихода, но и торговым. Первая деревянная церковь в Белозерской слободе была заложена в 1698 г. во имя Св. Алексея – Человека Божия. Когда она обветшала, в 1755 г. заложили новую Алексеевскую церковь, но опять - же деревянную, а в 1784 г. заменили на каменную того же имени.

От Белозерской слободы до Царева Городища считалось в летнее время 57 верст, а зимою – 50 верст. До Усть-Суерской слободы – 33 версты. По самому селению шел почтовый тракт из Тюмени и Ялуторовска на Курган. Некоторые из местных крестьян уже в XIX веке возили проезжающих по тракту поверстно, или, как тогда говорили, из прогону. Это давало дополнительный заработок. Основным же занятием жителей слобод и деревень было хлебопашество и скотоводство, много занимались и рыболовством по Тоболу и окрестным озерам. Лесов вокруг Белозерской слободы не было, а окружена она была двумя большими рощами, которые придавали ей красивый вид.

Между Белозерской слободой и Царевым Городищем в 1680 г. Кондратий Замятин и Григорий Кондратьев основали слободу Иковскую. Слобода лежала на берегу Тобола, ниже впадения Ика, недалеко от деревни Кошкиной, и тоже имела укрепления, подобные Усть-Суерской и Белозерской слободам. И церковь была сначала деревянная, а потом каменная, возведенная во имя Владимирской Божьей матери. К слободе относились 17 деревень, в самой Иковской было в середине XVIII века 65 дворов, и все-таки она захирела и превратилась в деревню. Причиной было то, что место для поселения было выбрано неудачно: во время половодья слобода всегда оказывалась на долгое время затопленной или оставалась окруженной водой, как на острове, даже летом. И к слободе проехать

можно было только одним сухим проходом. Постепенно жители разошлись по соседним деревням, и слобода опустела.

От Иковской слободы оставалось совсем немного до Царева Городища (Кургана). Основан Курган предположительно в 1678-1679 гг. и носил первоначальное имя Царево Городище. Основателем слободы был крестьянин Тимофей Невежин, уроженец Невьянской слободы Верхотурского уезда. Царево Городище занимало выгодную позицию для защиты русских поселений от набегов кочевников. Укрепления здесь были более мощными, чем в вышеописанных слободах – «город кремль рубленый с двумя башнями проезжими, да город лежачей в столбах, при них четыре проезжих ворот да восемь бастионов, и оные крыты дранницами, надолбы, рогатки и ров». Проще сказать, вокруг слободы было две стены городьбы (отсюда «город»). Внутренняя часть поселения – кремль, состоял из срубленной стены, которая в XVII веке пришла на замену однородной тыновой стене. Внутри кремля стояла церковь, гарнизонные службы, дома первопоселенцев. Вторая стена была из бревен, положенных горизонтально между столбами, т.е. заплотом; между звеньями заплота было восемь срубов – бастионов, внутренность которых заполнялась землей. На площадках этих бастионов были устроены бойницы, и отсюда отражалось наступление, а защитники слободы оставались недосягаемыми.

Расположение бойниц в башнях и стенах было равномерным. Доступ к верхним бойницам осуществлялся по лестницам, устроенным внутри башен. Вал и ров придавали дополнительную мощь оборонительным сооружениям. Недаром слободчикам вменялось в обязанность не только острог поставить, но «и рвы покопать, и надолбы поделать, и всякими крепостями укрепить». Гарнизон Царева Городища не раз оказывал серьезную помощь своим соседям. 11 июля 1740 г. степняки напали на Утятскую слободу. Утятский гарнизон не смог отбить врагов. Тогда на помощь ему из Царева Городища пришел отряд в 105 человек во главе с обер-офицером и помог отбить налетчиков.

Первоначально Царево Городище стояло на Арбинском (Алгинском) яру, где пережило несколько серьезных налетов, а к началу 18 века жители вынуждены были перенести свои дома на восемь верст ниже по течению Тобола и наново построить укрепления (сейчас на Арбинском яру раскинулся поселок Энергетиков). Но и на новом месте набеги не прекратились, в августе 1709 года комендант слободы доносил в Тобольск: «Прибежали из степи воровские люди под слободу Царево Городище из-за Тобола реки и деревню Смолину осадили, и трех русских взяли в полон». К этому времени вокруг Царева Городища было уже довольно много деревень – Смолина, Кетова, Курганская, Арбинка, Черемуховская, Чеусова, Воронова, Белоярская и некоторые другие. И все они находились под защитой слободы.

Следующим опорным пунктом на Тоболе была Утяцкая, или Утятская, слобода. В 1671 г. ее основали Игнатий Репин и Антон Меньшиков. Но вскоре она была разорена и сожжена дотла кучумовыми царевичами. Игнатий Репин погиб, но остался в живых его сын Тимофей, который в 1680 г. получил разрешение наново строить Утяцкую слободу, во владения которой были отведены земли по

обеим сторонам Тобола, на левом берегу на 35 верст, на правом – на 25 верст. Там тоже было укрепление – «город лежащий в столбах, с надолбами и рогатками».

Едва успели поселиться русские в Утятской слободе, как она сделалась предметом нападений кочевников. Из документов известно, что кроме частых мелких нападений Утятская слобода пережила три страшных набега. Самый ужасный был в 1691 году. Жители были убеждены, что набег сделан был киргизами, людьми Тевки-хана. Налетчики выжгли дворы, приказчика и многих крестьян изрубили до смерти, многих взяли в плен. Набеги продолжались и в последующие годы. В апреле 1694 г. тобольский воевода Андрей Федорович Нарышкин отправил к Тевки-хану двух казаков в качестве послов. Те потребовали, чтобы хан учинил розыск тех людей, что грабили наши слободы, в т.ч. и Утятскую, и подверг их наказанию. Но Тевки-хан ответил, что на Тобол ходят не они, а каракалпаки. Тем дело и кончилось.

Следующие два больших налета были в 1701 и 1707 гг., когда на помощь Утятской слободе шли отряды из Царева Городища, сюда были направлены роты Шадринская, Мехонская, Суерская и другие. Каждое лето в самой Утятской слободе стояли значительные отряды драгун в ожидании нападения степняков. А зимой отправлялись в свои постоянные гарнизоны потому, что глубокие снега не позволяли вражеской коннице ходить на далекие расстояния и жители тобольских слобод могли вздохнуть свободно.

Таким образом, в XVII веке мы видим на Тоболе ряд крепостей, из которых только Царево Городище превратилось в город Курган, остальные же сделались крупными селами и только Иковская слобода захирела.

ВО ВРЕМЕНА ДРАГУН ЛИХИХ

Каким был наш город сто, двести, триста лет назад? Кто в нем жил, кто и чем занимался? Давайте обернемся на два с половиной столетия назад и попытаемся представить себе Курган и курганцев тех лет. Прежде всего, нашему взору предстанет не город с прямыми улицами и многоэтажными домами, а маленькая деревянная крепость с клубком кривых проулков, которую обегают две стены с башнями и бастионами. У городских ворот лениво прохаживается драгун, обозначенный в служебном реестре, как «воротник». Иногда он всходит на бастион посмотреть – не едет ли крестьянин с сенокоса или не пылит ли дорога под копытами набегающей ватаги степняков. Тогда откроет «воротник» крепкие запоры и пропустит крестьянина либо ударит в набат, и начнут выбегать из домов драгуны, на ходу одеваясь и не сразу попадая в рукава синих кафтанов. Быстро

оседлают коней, и вот рота уже выстроилась у крепостных ворот. На лошадях – удалые красавцы, обязательно с усами, волосы острижены выше плеч и слегка припудрены, прическу венчает двуголка – форменная шляпа. Но если приглядеться внимательнее, заметим, что синие кафтаны имеют разные оттенки, а у многих они вообще сшиты из домашнего серого некрашеного сукна. Это потому, что на окраины редко поступает с русских малочисленных мануфактур добротное сукно и приходится одевать сибирские полки в домоткань. Даже шляпы у многих потеряны, и носят драгуны круглые шапки с козырьками и без полей, которые зовут карпузами или картузами.

Вот, пришпоривая коня, подскакал капитан, которого можно было узнать по серебряному шейному знаку в виде широкого полумесяца и по шарфу, сплетенному из красных и синих шелковых нитей и серебряной канители. Шарф перекинут через правое плечо и завязан на левом бедре двумя серебряными кистями. Весь отряд вооружен кремневыми фузеями, висевшими на правом плече дулом вниз, у каждого за поясом заткнуты по два пистоleta, у левого бедра – палаш. Звучит короткая команда, и понесся отряд навстречу «ворам», чтобы отогнать их от стен слободы. Часто драгуны царекурганской крепости уходят в поход – под Иковскую или Утятскую слободы, чтобы помочь их малочисленным гарнизонам.

И снова «воротник» видит с бастиона, как несется отряд к крепости. Это возвращаются драгуны, короткие плащи-епанчи развиваются за спинами всадников. Встречать их высыпало все население слободы, крестьянский люд. Сразу видно, что одни выходцы с русского севера – архангельские, вологодские, новгородские, другие пришли с тобольского севера. Первые светловолосы и голубоглазы, вторые темноволосы и черноглазы. Особенно хороши женщины. Сибирячки красивы, с тихим и приятным лицом, с глазами черными, томными и всегда потупленными. Прическа их состоит в искусном переплете черных волос с разноцветными платками, что делает их особенно прелестными. Уроженки русского севера белокуры, белолицы, голубоглазы, со звонким смехом. У девушек длинная коса по спине струится, а на голове убор, который называется лентой. Это широкая повязка из шелковой ткани с золотыми галунами, с бисерными и жемчужными подвязьями. Спереди под ленту подкладывается кусок бересты, и когда концы ленты завязывают на затылке, то она получает вид короны.

Женщины постарше – в платках, накинутах поверх чепцов и повойников. Они одеты в синие, красные, коричневые, желтые сарафаны поверх белых длинных рубах, которые служат и нательным бельем и одновременно играют роль кофты с длинными рукавами, присобранными у кисти руки. Прямые воротники рубах застегнуты медною или серебряною запонкой с цветным камешком посередине. На ногах ботинки – черевички с высокими каблуками. Все нарумянены, брови подведены сурьмой.

Мужчины более степенны. Все с окладистыми бородами, все острижены под гребенку. Одеты в длинные рубахи доходящие до колен, и подпоясанные ремнем или тесьмою. По рубахе виден недостаток – парень победнее в холстине или пестряди, мужик побогаче – в рубахе кумачовой или полшелковой красного и

синего цвету. Рубахи одного покроя – без воротников, с широкими рукавами, застегнуты, как и женские, на медную или серебряную пуговицу. Разрез рубахи обложен шелковым, серебряным или золотым шнурком, иногда узким позументом. Портки холстяные или из пестряди собственного рукоделия. На голове лихо заломленные круглые, поярковые шляпы, ради праздника украшенные полевыми цветами или цветными лентами.

Веселая и кричащая толпа спешит к воротам. Поддавшись общему настроению, торопится местный поп Иван Антонов, уже старый, в темном подряснике с медным крестом на груди и суковатой палкой в руке. Отца Ивана знает вся Курганская слобода, и он знает каждого. На святую исповедь хоть раз в год да приходят драгуны и крестьяне, молодые и старые, в грехах каются и снова грешат. А он хранит их тайны, никому не рассказывает, даже попадье, и люди благодарны ему. Почтительно обегают священника, кто-то замедляет шаг и склоняет голову под благословение, а потом торопится догнать товарищей. Наконец отряд драгун подошел уже близко, ворота распахиваются, и народ карабкается на высокий вал. Девушки ловят взгляды лихих усачей, жены бросаются к стремянам своего хозяина, ребятишки громко зовут тятку по имени.

КУПОЛА НАД ГОРОДОМ

Слободы, возникшие на Тоболе уже в 17 веке, обязательно имели церковь. Сначала это были деревянные храмы, срубленные местными плотниками, «как мера и красота скажут». В 18 веке стали появляться планы, утвержденные в епархии, а в 19 веке без предварительного проекта, прошедшего несколько инстанций, к строительству даже не приступали. Курганские храмы не стали исключением. Когда Царево Городище, как называли в 17 веке наш город, стояло еще на Алгинском, или Арбинском яру, одной из первых там была выстроена деревянная однопрестольная церковь во имя Св. Великомученика Дмитрия Солунского, считавшегося покровителем Сибири. Во время многочисленных налетов церковь грабилась неоднократно, а может быть, и сжигалась. Когда слобода была перенесена на новое место, то для церкви выбрали высокое место, которое не заливалось паводком. Два раза строили деревянный храм, Христорожественский, но пожары уничтожили его, а в третий раз выстроили каменный трехпрестольный собор. И всегда церкви, сменяя друг друга, строили в районе универмага, сквера Декабристов (так назывался в 1960-е годы сквер возле современной филармонии), а на месте каменной церкви стоит сейчас памятник Наташе Аргентовской. Каменный храм назывался Троицким, но в 19 веке в церковных книгах он пишется как Христорожественский. Объясняется это тем, что после очередного пожара заложили каменную большую церковь на три престола: главный – во имя Св. Троицы, левый – во имя Св. Великомученика Дмитрия Солунского, правый престол заложили во имя Рождества Христова.

И поскольку денег у города было очень мало, и поднять сразу все здание не было возможности, то пришлось сначала достроить правый придел и освятить его в 1767 году. И так как он был во имя Рождества Христова, то и книги писались по Христорождественской церкви. Знаменитый путешественник П.С. Паллас в 1771 г. отмечал, что в Царевом Городище «вместо старой деревянной церкви начали строить каменную, но как в окрестности сего места в извести недостаток и должно оную привозить из Шадринска и Тюмени, то строение производится медлительно». В начале XIX столетия церковь достроили и освятили полностью. По главному престолу во имя Св. Троицы, церковь и стала называться Троицкой. Пока город был маленьким (в 1800 г. в Кургане жило 1569 человек), Троицкая церковь вмещала всех желающих. Но в большие праздники стекались жители окрестных деревень, и тогда толпа молящихся плотной стеной окружала храм и зажженные свечи издали казались золотым кольцом на каменных стенах. Особенно много людей собиралось на Троицу. В Кургане это был самый популярный церковный праздник. Именно в этот день совершался длительный крестный ход.

За день до Троицы из часовни деревни Курганской с крестным ходом приносили икону Св. Троицы в курганскую церковь, перед ней шла всенощная служба, и в самый день праздника после обедни начинался крестный ход и, казалось, что весь город принимает в нем участие. Икону несли обратно в деревню Курганскую и там, на высоком берегу Тобола, начиналось народное гулянье с хороводами, с борьбой, девушки плели венки и пускали их по реке, веселье длилось до глубокой ночи.

В 18 веке наши деревянные церкви имели крестообразное строение, шатровые крыши, главы были обшиты тесом, но не знаем, были ли они гладкими или чешуйчатыми. Кресты на главах были восьмиконечными. Входное крыльцо делали высоким. Стекла тогда не было, и оконницы, обычно небольшие, забирались слюдой. Иконы в церкви были только деревянные, священные сосуды были только оловянными. Книги в основном были рукописными, хотя уже в 18 веке начали доходить до нашей церкви и печатные. Деревянные колокольни строили отдельно от храма, рассчитывая, что во время пожара хоть что-то уцелеет. Когда стали строить каменную церковь, то колокольню поставили в одной связи с самим храмом, то есть это было единое здание, и ход на колокольню был внутри храма. Каменная Троицкая церковь как бы выростала из земли и производила впечатление основательности и прочности. Все купола покоились на восьмигранниках, окна на гранях барабанов были узкими, высокими, с закругленным верхом, и они немного облегчали тяжеловесность куполов. Купола, как и крыша, были крыты железом, окрашенным зеленой краской, «малахитом». Над церковью было два больших купола и три маленьких – над тремя престолами. Церковь была оштукатурена внутри и снаружи. После капитального ремонта в 1891 году церковь внутри расписали. Уже в начале 19 века церковь была обнесена оградой, внутри которой со временем были выстроены сторожка и небольшой дом под архив и канцелярию.

Именно в Троицкой церкви присутствовал на службе Великий князь, Наследник престола Александр Николаевич, будущий император Александр II. Он прибыл в Курган в ночь с пятого на шестое июня 1837 года, накануне Троицына дня. Его сопровождал В.А. Жуковский, бывший воспитатель Великого князя. Известный русский поэт был другом нескольких декабристов, живших в это время на поселении в Кургане, и провел с ними в разговорах всю ночь. Декабристы собрались в гостиной М.М. Нарышкина и беседовали с Жуковским до утра. Н.И. Лорер пишет в своих заметках: «Стали благовестить к обеду. Жуковский ушел будить наследника. Только что он ушел, как прибегает к нам опять объявить, что его Высочество желает, что бы и мы были в церкви... Тут, в храме божем, мы... в первый раз видели нашего... наследника. Он стоял на ковре один, скромно и усердно молился. Ему едва минуло 18 лет и он был прекрасен...».

Долгое время в Кургане была одна церковь и, значит, один приход. Кроме горожан сюда же были приписаны крестьяне всех окружающих деревень. Со временем храм перестал вмещать всех молящихся и было решено строить большой собор во имя Рождества пресвятой Богородицы. В 1834 году в Тобольской консистории был получен план церкви, а с весны 1836 г. начались подготовительные работы. Построить такой громадный храм такому маленькому городку, как Курган, было очень тяжело. Деньги могли быть получены не от государства, а от духовной консистории. Но этого было слишком мало. Стали собирать пожертвования от населения. Но население было малочисленным и не столь богатым, чтобы давать большую лепту. Исправник А.И. Дуранов, взявшийся быть попечителем строительства, в 1842 году умолял Курганское хозяйственное управление хоть немного помочь, потому что «церковь со стороны прихожан уже третий год оставлена решительно без пособия их...». Попечители вкладывали свои деньги, обращались к купечеству и чиновникам и наконец в 1845 г. была освящена летняя неотапливаемая часть собора. Теплая часть с колокольною была пристроена в 1868 г. усердием купца Семена Ивановича Березина.

Все здание церкви было каменное, одноэтажное, в одной связи с колокольною, обнесенное кругом каменною оградой с чугунными решетками. В этой ограде было сделано со временем несколько захоронений священников, служивших в этом храме, в том числе здесь нашли свое упокоение три настоятеля храма. Но кладбища как такового возле храма никогда не было. В храме было пять престолов и одновременно могло совершаться пять различных служб: в одном престоле – обедня, в другом – крещение, в третьем – венчание и т.д. В летней части собора было три престола. Главный – во имя Рождества пресвятой Богородицы, правый придел – во имя архистратига Михаила, левый придел – во имя Св. Алексия, человека Божия. Иногда весь храм называли именем последнего. В теплой части церкви было два престола – справа во имя Св. Симеона Богоприимца, слева во имя Святителя и Чудотворца Николая. Зимой служба в основном и велась в двух последних приделах.

Собор славился своими иконостасами, резными, золочеными, с прекрасными иконами. Многие из них были выполнены местными мастерами, но нам известна только одна фамилия – Дворников, который писал иконы для Богородице-Рождественского храма еще в 1842 г. Были и привозные иконы. И лучшей была икона Святого Великомученика Пантелеймона. Писана она была на Святой горе Афон в Русском Пантелеймоновском монастыре с чудотворной иконы Великомученика и прислана в благословение от Святой горы жителям Кургана в 1880 г. по заказу купца Ф.С. Березина. Живопись на ней была прекрасная. Перед иконой горела неугасимая лампада от того же купца.

К концу 19 века городу стало мало двух храмов. Проведение железной дороги ускорило рост населения настолько, что стали возникать не только новые кварталы, но целые улицы и даже поселки. Требовался еще один приходской храм. Когда в 1860 г. закрывали городское кладбище, предполагали превратить его в сад и со временем выстроить здесь приходскую церковь. Тем не менее, благие намерения долго оставались пустым звуком, пока не появился в Кургане деятельный образованный исправник Иван Яковлевич Трофимов. Он снова заговорил о храме на кладбище, привлек к решению вопроса архиепископа Тобольского и Сибирского Агафангела. Составилась подписка на сооружение храма, купцы давали деньги тысячами, мещане сотнями, крестьяне копеечками.

Торжественная закладка храма состоялась 2 июня 1896 г. Весь город собрался, чтобы поглазеть на это редкое зрелище. С утра от Богородице-Рождественского собора двинулся крестный ход во главе с одним из самых достойных священнослужителей Кургана, протоиреем соборной церкви Иоанном Волковым. Ему было поручено архиепископом совершить обряд закладки храма. Заранее были выполнены рвы под фундамент, приготовлены крест под престол и краеугольный камень с надлежащими надписями. Придя к старому кладбищу, духовенство приступило к молебствию, потом к освящению воды и елея, к окроплению святой водою места закладки и всех предметов.

Под восточной стеной был положен четырехугольный камень с надписями. Священники камень обложили кирпичами и замазали известью, в которую по принятому обычаю клали золотые и серебряные монеты. После повторного священнослужения духовенство и присутствующие прикладывались к кресту и были окроплены святою водою. Строительство велось 6 лет. Попечителем строительства храма был Дмитрий Иванович Смолин, щедро субсидирующий необходимые затраты. Даже в своем завещании он оговорил сумму на окончание постройки нового храма: «...завещаю моим наследникам из сумм моего капитала, что будет недоставать, кроме уже выданных мною 30 тыс. рублей, пожертвовать и означенную постройку по своему усмотрению довести до конца». В 1902 г. работы были окончены, и церковь освящена во имя Св. Великого князя Александра Невского. Храм был однопрестольный, внутри оштукатуренный и расписанный. Служба в этой церкви прекратилась в 1929 г. и возобновилась в декабре 1991 года. И это единственная дореволюционная церковь, сохранившаяся в городе. А ведь кроме трех приходских храмов, о которых рассказано выше, в Кургане было три домовых церкви – Преображенская при

тюрьме, Пантелеймоновская при больнице, Иоанно-Богословская при духовной училище. Были костел, кирха, синагога, мечеть и молельные дома старообрядцев. Теперь о них знают и помнят только единицы, а ведь это история нашего города, духовной культуры и веротерпимости.

ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ И СВЯТЫЕ МОЩИ НА ЗАУРАЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

Издавна на Руси было развито хождение на поклонение святым образам и мощам. Обычай этот закрепился и в Сибири, где уже с первых лет освоения стали появляться свои святыни. В Южном Зауралье первой и самой чтимой святыней была икона « Успения Божьей матери », которую принес в 1644 г. старец Далмат из Невьянского Богоявленского монастыря. Эта икона дала название монастырю, основанному Далматом, Успенский, хотя часто в просторечии монастырь называют Далматовским. Первое испытание икона прошла в 1657г., когда калмыки при набеге сожгли деревянные строения монастыря. Многие монахи погибли, но Далмат избежал злой участи, после пожара он стал искать свою икону и нашел ее целой, лишь один угол был оплавлен огнем. Икона была защитницей и покровительницей монастыря, который подвергался многочисленным набегам, неоднократно горел, но икона всегда оставалась невредимой. Монахи считали, что только благодаря чудотворной иконе монастырь, несмотря на бедствия, которые он терпел от нападений врагов и от пожаров, никогда не имел крайней нужды в своем содержании, а относился к числу богатых монастырей. В 1703 г. икона была подновлена иконописцем Иваном Никитиным, чтобы скрыть следы пожара, в 1801 г. икону « одели в ризу », т.е. в оклад, который специально был заказан в Москве. Сохранилось описание иконы в окладе: « Риза на ней серебряная под золотом, с семью по полям финифтями, в стразовых камнях, оглавия над ликами по приличию украшены аметистами, аквамаринами, внизу по серебру черненными словами надпись « Образ Успения пресвятыя Богородицы основателем обители сея монахом Далматом на место сие принесенный в царство благочестивейшего Алексея Михайловича... »

Свои святыни были и в других местах Зауралья. Это были « явленные » иконы, т.е. явившиеся неизвестно откуда и творившие чудеса. Хранилась до самой революции в селе Утяцком икона чудотворца Николая. Как гласит предание, в середине 18 в., за день до весеннего праздника в честь святителя Николая, 8 мая, неизвестно откуда воды Тобола принесли икону и прибили ее к

берегу возле Утяцкой слободы. Пришла на реку женщина и увидела икону. Хотела взять ее, но икона отплыла от берега и остановилась. Тогда женщина побежала в село к священнику рассказать об иконе. Тот священник собрал народ и пошел к реке. Читая молитвы, он вошел в холодную воду и икона далась ему в руки и была принесена в церковь. С этого времени стали чтить эту икону Святого Николая не только утяцкие прихожане, но и жители Кургана и всего округа. На поклонение иконе народ стекался в Николин день 9 мая и 6 декабря.

Еще одна чудесная явленная икона была в селе Салтосарайском. В летописи церкви этого села в 1847 г. был записан рассказ 90 - летнего старца Петра Сергеевича Бабушкина о том, что когда - то слобода Салтасарайская стояла еще на старом месте, на берегу озера, где был густой непроходимый бор. Пошли в этот бор две старых девицы по фамилии Дружинины по грибы. Там на сосновом пне увидели икону Знамения Божьей Матери, принесли ее в село, но утром икона опять оказалась в бору, на том же месте. Пробовали еще несколько раз уносить икону из бора – и все повторялось: икона снова оказывалась на пне. Тогда жители слободы, видя в этом указание Божие, свое старое местожительство оставили и переселились на настоящее место и тут задумали строить храм во имя явленной иконы Знамения Божьей Матери. Храм выстроили, он просуществовал около 100 лет, в конце 18 века был за ветхостью разобран и вместо него на том же месте была построена вторая деревянная Знаменская церковь, которая весной 1820 г. сгорела от молнии. Но и новая, третья церковь, освященная в 1836г. стояла недолго и сгорела до основания 3 декабря 1857г. от неосторожности сторожей. В этот раз спасли все имущество кроме колоколов, растопившихся от сильного жара. Новая салтасарайская церковь, каменная, была заложена осенью 1858г. строилась медленно на средства купцов Мясниковых, на деньги прихожан села и на пожертвования, собранные в пределах епархии. 25 сентября 1866 г. церковь была освящена отцом Федором Поповым.

Как попала в село Чернавское (будущее Введенское) чудотворная икона мученицы Параскевы, или как ее еще называют, Параскевы Пятницы, неизвестно. Среди населения сохранилась память, что появилась икона с половины 17 века. На поклонение к ней съезжались богомольцы не только Курганского округа, но даже Тобольска, Челябинска, Ялуторовска, других мест. В девятую пятницу по Пасхе в с. Введенское собирались паломники, двory крестьян были гостеприимно распахнуты, самовары круглые сутки кипели, вокруг села горели костры. Особым гостеприимством отличался священник Степан Петрович Наумов, прослуживший в Введенской церкви 37 лет и приобретший всеобщую любовь и уважение. Не только храм был заполнен богомольцами, но и вся

обширная площадь перед ним бывала наводнена людьми, пришедшими поклониться святыне, испросить перед образом Великомученицы исцеления от болезней, избавления от напастей и скорбей. 20 апреля 1894г. в селе Введенском, которое тогда еще называлось селом Чернавским, была совершена закладка нового трехпрестольного храма в честь Введения во храм пресвятой Богородицы, с двумя приделами: в честь уральского святого Симеона Верхотурского и Великомученицы Параскевы Пятницы, куда и поместили потом чудотворную икону.

Редкая церковь имела возможность иметь чудотворную икону или нетленные мощи какого-либо святого. Поклонение святыням имело большое значение в религиозной жизни человека, но далеко не каждый имел силы и возможность предпринять дальнейшее путешествие – паломничество. Иоанн Юрьевский, священник шмаковской Михайло-Архангельской церкви, решил ходатайствовать о приобретении в свою приходскую церковь частицы мощей Св. Варсонофия, казанского чудотворца. Святой Варсонофий, в миру Иоанн, родился в Серпухове, и отроком был уведен в плен татарами. В плену Иоанн выучился татарскому языку. Когда через три года отец выкупил его из плена, Иоанн решил посвятить себя Богу и принять монашество в Андрониевом монастыре с именем Варсонофия. В 1555г. за духовные подвиги он был поставлен помощником епископа Гурия в Казань и устроил здесь новый, Преображенский, монастырь. Занялся миссионерством. Знание татарского языка и умение лечить болезни помогали ему успешно обращать многих иноверцев в православие, его проповеди имели большой успех. 11 апреля 1576г. Варсонофий скончался и был похоронен рядом с Гурием. В 1595г. при строительстве в Преображенском монастыре храма были обретены нетленные мощи Варсонофия. Мощи, по преданию, давали исцеление, поэтому священник Юрьевский и решил обратиться к настоятелю казанского монастыря, где хранились нетленные мощи Варсонофия.

Настоятель монастыря, Преосвященный Антоний, изъявил готовность послужить столь благому делу. Была написана икона святого и вложена в нее частичка его мощей. Икону отправили по железной дороге из Казани в Курган. Прихожане села Шмаковского, ожидая прибытия столь драгоценной святыни, решили перенести икону с мощами из Кургана в село крестным ходом, торжественно. Икона прибыла 25 августа 1899г. Ее несли через села Черемуховское, Барабинское, Утяцкое. Везде служили молебны перед иконой. 30 августа торжественный звон колоколов возвестил жителям села Шмаковского о вступлении крестного хода в пределы их селения. Было уже 10 часов вечера. Храм сиял полным освещением. Икону поставили среди церкви и

священник Иоанн Желницкий отслужил молебен св. Варсонофию и зажег перед иконой неугасимую лампаду. Стали подходить для поклонения святым мощам. Ведь согласно преданию, Варсонофий еще при жизни своей на земле исцелял как душевные страсти людей, так и телесные болезни. При неугасимой лампаде всегда находилась лжица - зачерпнуть елей от мощей св. угодника. Народ стекался в храм даже из других приходов. Проезжающие через село, узнав о присутствии в местном храме святых мощей, заходили в церковь, считая своим долгом облобызать св. мощи и внести посильную лепту на украшение св. иконы.

Следуя примеру шмаковцев, священник Троицкой церкви села Чашинского Алексей Воскресенский начал ходатайствовать о приобретении из Почаевской лавры в свой храм частицы святых мощей преподобного Иова. Первые документальные упоминания о Почаевском монастыре относятся к началу 16 в., а первым известным настоятелем монастыря был Иов Желизо, умерший в 1651г. и причтенный к лику святых. Уже в начале 17 века при Почаевском монастыре была типография. В 1831г. монастырь был назван лаврой, куда стекалось много богомольцев для поклонения ее святыням – стопе пресвятой Богородицы и чудотворной иконе и мощам преподобного Иова. 30 мая 1904г. прихожане чашинской церкви на своем сходе дали согласие иметь в своем храме икону преподобного Иова с частицею его святых мощей. 29 декабря 1904г. тобольским епархиальным начальством священник Воскресенский был командирован в Почаевскую лавру, чтобы доставить в Чашинское икону с мощами преподобного Иова.

В Курган икона прибыла 21 февраля 1905года и десять дней стояла в Троицкой церкви. Толпы паломников спешили не только из предместий, но и из ближайших деревень. 1 марта икону понесли в село Чашинское на руках, с молебнами во всех населенных пунктах, по которым проходил крестный ход - через села Иковское, Белозерское, Мендерское, Пьянковское, Салтасарайское. Не доходя пяти верст до Чашинского, крестный ход был оглашен торжественным звоном в большой колокол и навстречу вышел ход из села, который коленопреклоненно встретил образ преподобного Иова. При этом чашинской Троицкой церкви было решено, чтобы перед иконой со святыми мощами всегда горели три неугасимые лампы, из которых при помощи лжицы давался верующим елей от мощей св. угодника. В каждом богослужении должно было упоминаться имя преподобного Иова и три раза в год проводиться торжественное богослужение с крестным ходом, во время которого икона вносится в дома прихожан по их желанию: 6 мая в день тезоименитства преподобного Иова, 28 августа – в день открытия его мощей и 28 октября – в день кончины угодника.

ВЫРОС ГОРОД НА ИЗВИЛИСТОЙ РЕЧКЕ

Одной из самых крупных и процветающих слобод в Южном Зауралье была слобода Куртамыш. Названа она по речке, левому притоку Тобола. «Куртамыш» – слово тюркского происхождения и означает «извилистая река» (курт – червяк, извилистый; мыша – речка). Когда-то река была чистой и светлой, но в XIX веке от множества мельниц, построенных на ее берегах, вода стала непроточной, застаивалась и летом сильно отдавала затхлостью. Для питья стали брать воду из колодцев и речки Хмелевки, впадающей в Куртамыш. На берегах речек были когда-то густые леса, в которых водилось множество дичи.

В 1745 г. пришел в эти края крестьянин Антон Лоскутников из Окуневского острога, который по указу Исецкой провинциальной канцелярии заложил новую слободу на реке Куртамыш в устье речки Хмелевки, и поселились здесь крестьяне из старых слобод, довольно быстро освоив обширную территорию. В 1756 г. Куртамыш становится центром вновь учрежденного дистрикта (уезда), который стал называться по имени слободы Куртамышским. В этот же дистрикт вошли еще две слободы – Таловская и Каминская. Все три слободы были заселены государственными крестьянами из соседних дистриктов – Исетского, Шадринского и Окуневского. Выпахав старые земли, крестьяне искали новые плодородные пашни и заселяли новые слободы и основывали новые деревни. Но переход крестьян на новые земли не был самовольным, переселение дозволялось при условии, что крестьяне вновь заселенных слобод обязывались поставлять муку, крупу, овес и другой провиант на пограничную линию, в крепости Звериноголовскую, Усть-Уйскую и Крутоярскую. Возить должны были на своих подводах и столько, «сколько по нарядам понадобится».

Хотя пограничная линия и сдерживала набеги степняков, Куртамыш для большей безопасности был обнесен палисадом и укреплен рогатками, а в 1760 г. там расквартировали Азовский драгунский полк. Сделано это было в связи с тем, что начались волнения крестьян, приписанных к Уральским заводам. Азовский полк должен был обеспечить безопасность Далматовского монастыря, и на покупку овса для полковых лошадей деньги выдавались из монастырской казны. Когда в 1763 г. монастырь был окружен восставшими, туда пошел отряд Азовского полка во главе с поручиком Телепневым. Драгуны сурово расправились с крестьянами, «у Алексея Петрова в доме жену били, причем серьги из ушей выбили и волосы выдергали, а крестьянину Степану Рудных в двух местах голову проломили, а сверх того и плетью стегали. Крестьянина Пимена Волосникова били, Тимофея Хохорина стегали плетью так, что и жить едва ли будет. В домах крестьянских чинили немалые обиды и разорение и выбивали в дверях крепи и двери рубили». Жили драгуны в Куртамыше постоем, то есть не в казармах, а в частных домах, которых в 1762 году было около ста. Вся слобода тогда имела в длину 300 сажен и в ширину 150 сажен, и было к ней приписано одно село и семь деревень, в коих по переписи было 1253 души.

Все эти деревни составляли приход куртамышской Петропавловской церкви. В XVIII веке она была деревянная и небольшая. Строить ее начали сразу после основания слободы и освятили 29 апреля 1753 года. Храм был виден со всех сторон потому, что стоял на высоком месте, да и дома, окружавшие его, были невысоки. И храм, и дома были срублены из толстых сосновых бревен, закрыты тесовыми крышами, и лишь редкие дома имели кровлю, покрытую дранью, т.е. колотыми, а не пилеными сосновыми досками. Окна домов были небольшими, не более аршина, вставлялась в них скотская брюшина, поддерживаемая лучинами. Чаще окна смотрели во двор, из опасения набегов. Двор же обносился заплотом и крепкими воротами. Много было изб, но были и дома на два сруба. Рубили рядом избу и горницу, узкое пространство между ними забирали двумя стенами, и получались сени. В избе жили круглый год, в горнице только летом, потому что она не отапливалась. В избе же стояла большая печь, которую мы сейчас называем «русская». Была она не из кирпича, а битая из глины, при ней голбчики, т.е. деревянные лавки-лежанки. Обстановку дополняли две длинные лавки вдоль передних стен и массивный стол в углу под образами. В ту пору в домах ничего не красили, а пол, лавки, полати и стены мыли с песком, до желтизны. Впрочем, были избы, которые топились по-черному, а крыши их были засыпаны назьмом. Назьмом называли перепревший навоз и использовали его для утепления пригонов и стен для скота – насыпали его и утрамбовывали между двумя рядами жердей и для тепла насыпали на крышу.

Жители Куртамышя – государственные крестьяне – никогда не знали барщины. Их предки пришли в эти края с Устюга Великого. Не зря в Зауралье весьма почитаем был Святой Прокопий Устюжский. Крестьяне долго сохраняли медленность движений и плавность речи, со множеством древних великорусских слов. Но, несмотря на свою медлительность, местные жители приняли самое активное участие во время пугачевского бунта. Азовского полка в Куртамыше уже не было, и 10 февраля 1774 года слобода восстала. Были арестованы приказные служители и управитель Куртамышского уезда поручик Никита Губин. Послали гонцов в Окуневскую слободу к пугачевскому есаулу Ивану Алферову, призывая его вместе с куртамышанами идти в Звериноголовскую крепость и там переловить полковых офицеров и расправиться с ними: так надоели им постои, доставка продовольствия, перевозка воинских команд. Алферов откликнулся сразу же и уже 12 февраля подошел к Куртамышу. Но путь его лежал не в крепость, а в Утяцкую и Курганскую слободу. К нему присоединилось 100 человек, и это из полутора тысяч мужчин, которые были во всем приходе.

После подавления восстания многие куртамышане были наказаны. Жизнь постепенно вернулась в обычное русло. Основная часть жителей слободы и всего прихода были крестьяне и в основном занимались земледелием и частью скотоводством. Почва здесь песчаная, покрытая слоем чернозема, не очень мощным. Крестьяне быстро выпаживали свои участки и начинали получать мизерные урожаи, иногда не более 60-80 пудов на десятину, но удобрения не производили, хотя назем горами лежал возле стай и пригонов. Сеяли главным образом пшеницу, затем овес, рожь, просо, горох, лен и коноплю, часто сеяли мак.

Огородничество, особенно к концу XIX века, существовало не только для домашних потребностей, но и как промысел. Садили огурцы, морковь, свеклу, капусту и редьку. Садоводство существовало в малых размерах, и разводили малину, калину, смородину.

Куртамышане прилежно ходили в церковь. Петропавловский храм был первой церковью слободы, освященной 29 апреля 1753г. Был он деревянным и спустя полвека Великим постом 1801 г. храм сгорел со всеми церковными документами. Считается, что причиной пожара была неосторожность одного из служителей, который лазил в подполье за церковным вином и нечаянно заронил искру от лучины, и сухое дерево храма быстро занялось огнем. Самолюбие прихожан, как жителей большого торгового села, заставило их начать хлопоты о постройке уже каменного большого храма, и 12 марта 1802 года разрешение от епархиального начальства было получено. В 1808 году строительство было окончено. Главный престол освящен 28 июня 1808 г. во имя Св. Апостолов Петра и Павла, как и было прежде, а придельный святили 21 сентября в ознаменование Богоявления Господня. Этот храм сохранился доныне. Святыней храма была и остается Абалацкая икона Божьей Матери, украшенная массивной серебряной ризой, или окладом. Один чиновник, католик по вере, в минуту горя молился перед иконой Абалацкой Богоматери, и беда прошла стороной. Чиновник приобрел для иконы красивую чугунную решетку и серебряную лампаду.

В связи с наплывом жителей для Куртамышя потребовался еще один храм. Строить его стали с размахом, на три престола, строили пять лет и 20 сентября 1873 года освятили главный престол во имя Воскресения Господня, и, значит, весь храм стал называться Воскресенским. Правый придел во имя Абалацкой иконы Божьей Матери святили 27 июня 1875 г., левый во имя благоверного князя Александра Невского святили 22 ноября 1875 г. Предполагалось посвятить этот придел великомученику Георгию, но как раз в это время произошло неудачное покушение на жизнь Александра !! и в ознаменование благополучного избавления государя от опасности решили посвятить престол святому, соименному с ним. Новый храм затмил собою Петропавловскую церковь и стал лучшим украшением слободы. Он был почти копией курганского Богородице-Рождественского собора: те же башенки по углам квадрата, составлявшего основу здания, между ними мощный купол, те же порталы со всех сторон, образуемые двумя парами высоких круглых колонн, увенчанных фронтоном. Внутри собор был расписан. И в этой церкви тоже была икона Абалацкой Божьей Матери.

Кроме того, в Куртамыше была выстроена большая каменная часовня, обращенная в 1903 г. в церковь Абалацкой иконы Божьей Матери. Все это говорит о том, что культ этой иконы в Куртамыше был очень велик. У стен церковей кипели базары и ярмарки. Сами храмы владели большим количеством лавок. У Петропавловской церкви в 1829г. было 38 лавок и 65 балаганов, в 1837г. – 42 лавки и 100 балаганов. В иные годы эти лавки приносили церкви до трех тысяч рублей дохода. Когда балаганы и лавки обветшали, церковь не стала строить новые, а отдавала все обществу в аренду и со временем совсем утратила

эту статью дохода. А общество все свои лавки, как базарные, так и ярмарочные, в 1886г. сдало в аренду на 12 лет курганскому купцу Марку Дунаеву за 40 тыс. руб.

Каждую субботу в слободе бывал большой базар, на котором было такое обилие продуктов, что в иные дни скупалось до 50 тыс. пудов зерна и тотчас отправлялось на железную дорогу. Кроме того, в Куртамыше было 5 значительных многодневных ярмарок. Крещенская проходила с 2 по 6 января. Накануне всегда состоялся большой конный торг, куда пригонялось несколько сот лошадей со всей округи, а покупатели приезжали даже с Волги и из Средней Азии. Семидневная Мясновская ярмарка была перед мясопустной неделей, Благовещенская – с 18 по 25 марта, Петровская – с 15 по 28 июня, Ростовская – с 14 по 21 сентября. И во время Великого поста проходил торжок в четверг, пятницу, субботу и воскресенье. Во время ярмарок торговля велась весь световой день, во время базарных дней она была строго регламентирована. Никто не открывал лавки по праздникам, в остальные дни они закрывались не позже 7 часов вечера. Правило это было введено с согласия всех торговцев в 1890г. К этому времени всех торговых лавок было в Куртамыше: каменных – 26, деревянных – 208, палаток из тесу – 65.

Состоятельные торговцы выстроили при домах своих «затейливой архитектуры нескораемые кирпичные кладовые для хранения в них товаров и имущества.» Такие кладовые были особенно нужны тем торговцам, которые занимались преимущественно оптовой торговлей, как П.А.Воинов, М.М.Дунаев, снабжая своим товаром деревенских торговцев. Выбор товаров в Куртамыше был очень хороший: мануфактурный, москательный, кожевенный, галантерейный товар, изделия из железа и меди, посуда и пр. Здешние купцы закупали товар на ярмарках в Ирбите и Крестцах Пермской губернии, с проведением железной дороги стали стремиться вступать в непосредственные сношения с московскими и нижегородскими фирмами. Среди торговых заведений нельзя не упомянуть о двух казенных винных лавках, открытых в 1895г. и одной пивной. В пику этим лавкам Попечительство народной трезвости в ноябре 1896г. открыло чайную, организованную на средства, собранные по подписке у жителей слободы. За три копейки любой посетитель чайной, чаще всего это были приезжие на базар или ярмарку, получали горячий чай и два куска сахара.

Кроме торговли Куртамыш славился своими ремеслами и промышленными заведениями, пусть небольшими, но предоставляющими все необходимые услуги населению. Ремесленники звались в Куртамыше разночинцами. Ремесленники и торговцы способствовали процветанию слободы. На их средства выстроили часовню-храм, для их промышленного развития было открыто почтовое, а потом почтово-телеграфное отделения и местный торговый банк.

К концу XIX века в слободе было только мельниц 22, из них 19 ветряных и 3 водяных и множество мелких заводиков: 23 кирпичных, 15 овчинных, 23 пимокатных, 6 маслобойных, 2 салотопенных, 2 дегтярных, 1 мыловаренный, 1 шорный, 5 гончарных, 1 столярная мастерская, 2 слесарни, 4 кожевенных, 15 овчинных, 2 клееваренных, 1 свечной, 21 кузница. Всегда в слободе можно было найти портных, стекольщиков, часовщиков и др. А всех жителей в Куртамыше

было 3,5 тысячи. В летнее время слобода охранялась караулом, нанятым на деньги общества. С ноября ночной обход караульных прекращался на все зимнее время и только немногие нанимали для себя особых караульных сторожей. В 1896г. посреди Куртамышя выстроили пожарное депо с каланчею. Пожарная команда работала только в летнее время, а зимой борьба с пожарами предоставлялась самим домохозяевам.

К началу XX в. в Куртамыше было 585 домов. И стоит подчеркнуть, что из них 35 были каменными и 51 – полукаменными. Не каждый город мог этим похвастать. Только один дом был глинобитным и 498 – деревянными. Куртамыш уже был волостным центром, где жили земский начальник, становой пристав, судебный следователь и судебный пристав, податный инспектор, лесничий и его помощник, доктор и ветеринарный врач. Здесь была сельская участковая лечебница, а в 1896г. приступили к постройке больницы, при которой были квартиры для доктора, фельдшера и акушерки. В июне 1895г. открыли почтовое отделение, через год провели телеграф. Современники отмечали, что в умственном и культурном отношении жители Куртамышя сильно отличались от населения окружающих сел и деревень. Значительное число детей школьного возраста, преимущественно дети разночинцев, отдавались родителями в местные училища. Первым было открыто мужское училище в 1843году . Сначала оно было одноклассным

и принимали в него от 20 до 40 учеников. В 1877г. училище преобразовали в двухклассное , там преподавали законоучитель, два учителя, один помощник учителя. В 1896году при училище открыли класс ручного труда, в котором в вечернее время желающие обучались столярному мастерству. Е жегодно в училище обучалось около 150 человек.

С конца 1860-х гг. в Куртамыше появилось женское одноклассное училище Министерства народного просвещения, которое могло принять на учебу 50 девочек. Желающих учиться было гораздо больше и приходилось многим девочкам отказывать в приеме. На Рождество в обоих училищах устраивались елки на средства благотворителей с подарками, играми, с детским спектаклем. Для просвещения населения при мужском училище с 1892г. по праздникам стали устраивать народные чтения с показом картин при помощи волшебного фонаря. С 1896г. начала работать бесплатная народная библиотека . Деньги на библиотеку были собраны по подписке – 200 рублей , по тем временам большая сумма. Для пополнения этой суммы в училище устраивались платные концерты силами учащихся, выручка составляла до 25 рублей. Челябинское Попечительство народной трезвости выслало для этой цели еще 85 рублей. Куртамыш являлся волостным селом Челябинского уезда Оренбургской губернии.

ПРИРОДА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ЗАУРАЛЬЕ

На заре своего существования и своей трудовой деятельности человек осознавал себя частью природы, на дальнейшем этапе развития человек начал обожествлять природу, затем стал понимать, что природа дает ему возможность существовать. Сначала человек брал от природы только необходимое, потом стал брать с избытком, потом стал забывать о своей зависимости от природы и, наконец, стал просто грабить природу, тем самым уничтожая ее, а затем и себя. Неудивительно, что природа порой мстит человеку засухами, наводнениями и другими стихийными бедствиями. Проследим взаимоотношения с окружающей средой наших предков в Курганском округе.

Западная Сибирь во многих отношениях территория уникальная. Она почти целиком лежит на идеальной равнине с классическим расположением природных поясов. В Курганской области представлены зоны степи, лесостепи и леса. Одной из особенностей степной и лесостепной зон Западной Сибири и нашей области в том числе является усыхание и возобновление местных озер. Во время экспедиций 1862-1864 годов, предпринятых для открытия сухопутного и водного сообщения в Сибири от реки Енисея через Уральский хребет до реки Печоры, были записаны сведения о том, что в окрестностях села Кривинского Курганского округа до 1854 г. было лишь шесть озер, а после 1854 г. их стало 30. Ипполит Завалишин в своем «Описании Западной Сибири» тоже указывает, что некоторые из озер замечательны особым физическим явлением. Они то исчезают, то наполняются вновь. Иной год они глубоки и обильны рыбой, а потом исчезают, и на днище являются великолепные покосы с высокою сочною травой.

В 30 км. от Куртамьша расположено озеро Большое Косулинское, которое в XIX веке называлось просто Большое. Диаметр его составлял 14 верст. В 1899 г. в газете давалось описание озера, перекликающееся со сведениями Завалишина и других исследователей – «озеро хотя и обмелело, но в нем ловят рыбу. На мелких местах – камыш. Около середины озера, с южной стороны на северо-восток тянется через все озеро чистая полоса воды. Эту ленту народ называет дорогою. Старики рассказывают, что 50 лет назад это озеро совершенно высохло и здесь проходила дорога на сенокос, т.к. на всем пространстве, занимаемом озером, косили сено, которого собирали ежегодно до 14.000 копен».

У озер селились еще древние племена, а после освоения Сибири русскими на каждом большом озере стояла деревня, а то и две-три. Вся грязь, все нечистоты стекали в озеро, скот заходил на водопой по брюхо, а лошади плавали во время купания, отчего летом озера цвели и заражали воздух зловонием. Примером того могло служить озеро Становое, на котором стояло одноименное село. Вокруг озер и вдоль рек вырубались леса, что привело к обмелению водоемов уже в конце XIX века. Газета писала в 1902 году про местные озера: «Исчезновение лесов в

природе резко отразилось на измельчении озер. С каждым годом они покрываются плесенью и в лучшем случае зарастают камышом. Когда-то славившиеся обилием рыбы, карасей и окуней, озера служат теперь только притоном для водяной птицы. Недалеко то время, когда на месте озер появится безжизненная песчано-илистая пустыня». И тут же автор добавляет: «Старожилы уверяют, что многие озера периодически, через 40 лет исчезают и вновь появляются».

Расширение производственной деятельности человека ухудшало водоемы с каждым годом. Но одновременно стали появляться протесты против бездумного загрязнения рек и озер. В августе 1908 года тобольскому губернатору поступило прошение от мещан Ульяновых, в котором указывалось: «Строения наши расположены в районе Малочаусовской волости на берегу Сотникова озера, которое служит водопоем для нашего скота, также необходимо и в домашнем быту... Соседи наши братья Мякинины устраивают мукомольную мельницу и стек всех мельничных нечистот намерены пустить в это же озеро, чем самым и лишат нас возможности пользоваться водою». На это прошение совещательное присутствие техников потребовало от Мякининых воду с мельницы сначала спускать в поглощательные колодцы, коих и выстроено было два.

Местные власти постоянно обращали внимание на чистоту реки Тобол, потому что вплоть до 1940-х годов многие горожане пили речную воду. Еще в 1880 году курганская дума приняла обязательное постановление, согласно которому городским жителям строго воспрещалось вывозить и сваливать на берегах Тобола, его притоках и заливах навоз, мусор и другие нечистоты, а зимой на лед запрещалось сваливать даже снег с улиц. Всем владельцам паточных, салотопенных, кожевенных и других заводов строго запрещалось проводить в реку сточные канавы или трубы со своего производства и настоятельно требовалось для этого строить отстойники. На плотках и мостках, с которых бралась вода для питья, воспрещалось полоскать белье, мочить кожи, промывать шерсть, а также бросать в реку ядовитые или сильно действующие и вредные для здоровья вещества. Особо оговаривалось, что запрещается бросать в Тобол мелких домашних животных – собак, кошек, кур и прочее. Еще в 1860 г. жители Кургана возмущались тем, что мельники завладели Тоболом, перепрудив его мертвыми плотинами, состоящими из навозу и всяких нечистот. А в 1893 г. «Тобольские губернские ведомости» публикуют статью под инициалами «С.К.», где прямо указывается на купца Шветова, который перегородил Тобол «плотиною своей мельницы, отстоящей в семи верстах выше города, совершенно задержал воду, так что смирный Тобол местами стал представлять из себя лишь жалкие ручейки. В более глубоких местах реки образовались небольшие озера, в которых от застоя и жары вода покрылась плесенью и издает зловоние». Проблема чистой воды уже 100 лет назад вставала перед жителями Курганского округа и обострялась с каждым годом из-за холерных эпидемий, бушевавших в крае. Вода в Тоболе была уже настолько мутна и грязна, что ею было запрещено пользоваться. В городе спешно были устроены два общественных колодца, но воды для всех не хватало; частных же колодцев было немного, а с водою, годною

для употребления в пищу, и того меньше. Так что часть горожан продолжала пить речную воду. Не в лучшем положении находились и малые реки. Например, на реке Утяк у деревни Увальской имел паточное заведение Фаддей Колташев. Для производства на заводе промывался мерзлый гниющий картофель водами речки, а все негодные отбросы поступали в тот же Утяк, загрязняя воду на 8 верст по течению. Жители деревни Увальской и села Шкодинского вынуждены были ездить за водой на Тобол, куда поступала и вода из Утяка.

Большой вред экологическому состоянию природы приносили кожевенные заводы, которых в конце XIX века в Шадринском уезде было 90, в Курганском округе - 65, в том числе в пригородной деревне Мало-Чаусово – 7 заводов. В 1886 г. было проведено обследование санитарного состояния этих заведений, которое показало, что мочка кож в известковом молоке для удаления шерсти производилась, в так называемых, мертвых колодцах, зловонием заражавших воздух; промывали после этого кожи в реках и озерах, вода которых употреблялась для питья, отбросы производства гнили на территории заводов и вывозились за околицу без всякой дезинфекции. А ведь владельцы кожевенных заводов не брезговали собирать кожи павшего скота, в том числе и от сибирской язвы, и пускали их в переработку. Неудивительно поэтому, что в крае свирепствовали холера, оспа, сибирская язва, сыпной, брюшной и возвратный тиф. Также загрязняли водоемы своими нечистотами овчинно-шубные мастерские, которые сливали в реки и озера отработанное содержимое красильных чанов. В селе Шатрово три богатых крестьянина в начале XX века нанимали до 400 сезонных рабочих, которые перерабатывали в сезон до 150 тыс. шкур. Помещения, где обрабатывались овчины, назывались «овчинницами», их обычно ставили подальше от жилья, поскольку от них шел очень неприятный запах, пропитывающий одежду, кожу, волосы работников. В овчинницах стояли огромные чаны для квашения и дубления. Можно себе представить, что делалось с водоемом, куда попадали отходы из чанов.

Были промыслы, которые помогли исчезнуть густым зарослям с берегов водоемов. А ведь лес вдоль реки и вокруг озера сохранял их от измельчания или даже от высыхания. Например, только в Шадринском уезде было 119 хозяйств, которые занимались плетением ездовых коробков, для которых использовались прутья черемухи и ивняка, для остова коробка дуги делались из осины или березы. Все это заготавливалось по берегам Исети и Миассу. Миасс был когда-то окаймлен кустами черемухи, боярки, тальника, смородины, с далеко расстилающимися по берегам лугами, озерами, заводями, он изобиловал рыбой. А в 1903 г. газета уже констатировала: «В настоящее время рыба в реке ловится только весной, летом же встречается в заводинах и мельничных прудах. Обмеление Миасса – большой вопрос для жителей поселений, расположенных на этой реке, т.к. в летнее время она во многих местах течет небольшой, едва заметной змейкой, чего прежде не бывало».

Уничтожению лесов способствовало и смолокурение из хвойных пород и «сидка», как называли прежде выгонку дегтя из коры березы, углежжение и получение древесной золы. При огневой сидке дегтя в ямах из кубической сажени

бересты выходило 28 ведер чистого дегтя, но сколько нужно было спилить берез, чтобы набрать достаточное количество бересты. При смолокурении сначала велась подсочка сосны, а так как в нашем климате сосна дает мало смолы, то сразу обнажается большая поверхность ствола и дерево уже через несколько лет погибает. С одной десятины соснового бора собирали ежегодно от 8,5 до 10 пудов живицы, из которой при смолокурении получали канифоль и серный скипидар. Для одной выгонки в печь загружалось до 60 пудов смолы, это означало, что 6-8 десятин бора источало смолу год, чтобы выгнать 30 пудов канифоли и 5 пудов скипидара. Распространено было и бондарное ремесло, например, в деревне Передергиной из 85 хозяйств в 64-х занимались бондарным делом. Так как лес для этих ремесел вырубался сплошь вблизи деревень, в результате получились большие безлесные пространства, притом большей частью у водоемов, в округе появились сыпучие пески, ухудшались почвы.

Словно в отместку, природа насылала на край стихийные бедствия: пожары от молнии, наводнения, засухи, бури, град, холеру. 13 июля 1860 года через Ялымскую волость прошла с северо-западной стороны при холодном и сильном ветре громовая туча с градом величиной с голубиное яйцо. Град покрыл землю на 4,5 см (один вершок). Этим градом выбило 101,5 десятин хлеба, разметало 1000 копен сена (это 10 тыс. пудов), в деревенских огородах избил овощи и сильным ветром сорвало крыши с некоторых домов, поломало до 10 мукомольных мельниц, побило много домашней птицы. Через пять лет такая же ужасная буря пронеслась над Курганом. В 3 часа пополудни 21 мая 1865 г. внезапно поднялась буря с молнией, громом, проливным дождем и крупным градом. Моментально улицы города покрылись стремительными потоками воды, не прошло и 10 минут, как все стекла с западной стороны зданий были выбиты градом. Буря началась так неожиданно, что жители не успели запереть ставни.

Но самыми страшными бедствиями были засухи. Известно, что сильнейшая засуха была в 1826 году, которая повторилась в 1891 году. Между этими датами, конечно, были неурожаи, местами хлеба выгорали, но 1891 год стал настоящим бедствием. В этот год весна наступила рано, уже 7 марта ездили на колесах. Озимые хлеба из-за малоснежности вымерзли. Пшеница и овес на всходах были хороши, но от жары погибли. Вследствие небывалого бездождия и засухи реки пересохли и многие озера высохли. Появившаяся в несметном количестве кобылка начисто истребила травы и хлеба, так что на лугах совсем не видно было зелени, а на пашнях нельзя было отличить засеянного поля от паров. Для истребления кобылки из каждого дома должен был выходить один человек. Чтобы поощрить ловцов, было издано постановление кормить в открытых бесплатных столовых только тех, кто набрал не менее 3-х фунтов кобылки.

В 1892 г. засуха несколько уменьшилась, нашествие кобылки тоже ослабло. В 1893 г. весна снова была засушливой, урожаи плохими, и бедные крестьяне решили уповать только на Бога. 5 сентября 1893 г. в слободе Иковской состоялся церковно-приходской сход, на котором прихожане Васильевской церкви постановили приговор следующего содержания: «Как христиане, мы ясно сознаем, что в минувшие три года Господь Бог посетил нас голодом со всеми его

ужасами, в видах нашего наказания и нравственного исправления... Чтобы не оказаться глухими к вразумляющим призывам Всеправедного судьи Бога и не быть безблагодарными перед Ним премилосердным, единогласно постановили: в пределах нашего прихода впредь 3 года не открывать питейных заведений, как неблагоприятно влияющих на нравственность, здоровье народное и благосостояние». Под постановлением стояло 343 подписи.

Но обращений к Богу было недостаточно. Нужен был регулярный надзор за санитарным состоянием населенных пунктов, за чистотой водоемов, за правильной рубкой лесов и за производственной деятельностью человека. Надзор этот был возложен на уездного исправника, без разрешения которого не вступал в строй ни завод, ни мельница, ни баня. В 1909 г. мещанка Рябинина выстроила на берегу Битевки торговую баню, в которой отработанные воды по деревянным трубам поступали в отстойный колодец, но комиссия усмотрела, что воды из колодца просачиваются в Тобол. Владелицу обязали в трехнедельный срок исправить положение, или баня будет закрыта. В 1912 г. владелец пивоваренного завода Гампль на запрос курганского исправника отвечает, что с его завода ежедневно будет спускаться в Битевку из бродильни 300 ведер воды, из мойки и разливного отделения - 400 ведер, из варочного отделения – 300 ведер, из солодовни и мочильных чанов – 1200 ведер, а всего 2200 ведер. Исправник разрешает устроить стоки в старицу Битевку, но только после устройства рациональной канализации с биологической очисткой вод. В те времена предприниматели были законопослушны, и распоряжения исправника исполнялись неукоснительно. Тем не менее, Зауралье, как и вся Сибирь, уже в XX веке было окончательно разорено: это территория экологических катастроф, отравленной воды, вырубленных лесов, распроданной нефти. Словно глядя в сегодняшний день, курганский купец Федор Васильевич Шишкин написал о Сибири в 1880 году: «Материк Сибирь, столь богатый неисчерпаемыми естественными богатствами, остается вовсе непочатым в научном отношении. Если же в настоящее время и черпаем золото... то где же оно? Мы в последние 50 лет добыли его многие тысячи пудов, но что же, спрашивается, приобрели мы капитального для нашей отечественной промышленности взамен этих опустошенных богатых россыпей? Ровно – ничего. Все это громадное богатство прошло как туча без благодетельного дождя, доставшегося в удел лишь чуждым нам народностям, нам же по нашей неумелости и непростительной беспечности, остались только опустошенные места и, если этот горький опыт не научит нас более созидательной осмысленной жизни в будущем, то и остатки богатств наших пройдут для нас бесследно и непроизводительно». Слова его сбылись.

ПЕРВЫЙ ССЫЛЬНЫЙ XIX ВЕКА

В 19-м веке Курган, город малолюдный и ничем не примечательный, становится местом политической ссылки. Сюда приезжают декабристы и участники польских событий, народовольцы и социал-демократы, мы сталкиваемся с именами Кюхельбекера и Трувеллера, Феликса Кона и Якубовича, Долгополова и Чикоидзе. Но первым политическим ссылкойм 19-го века был Август-Фридрих-Фердинанд фон Коцебу. Он родился в 1761г. в Германии, в Веймаре и был земляком великого Гете. Двадцати лет окончил курс наук в Йенском университете и был вызван прусским посланником при русском дворе в Россию. Там был определен домашним секретарем к главному начальнику артиллерийского корпуса инженер-генералу Ф.А.Бауеру. В 1783г. Коцебу был назначен ассессором апелляционного суда в Ревеле, а затем президентом тамошнего магистрата. По выходе в 1795г. в отставку он поселился в своем имении Фреденталь, в 48 верстах от Нарвы, откуда в 1797г. переехал на житье в Вену и там был назначен режиссером придворного театра с титулом « придворного драматического писателя». Коцебу написал 216 пьес и в свое время пользовался незаурядным успехом у зрителей.

В 1800г. Коцебу решил съездить вместе с семьей в Россию, чтобы повидаться с родственниками жены и двумя старшими сыновьями, Вильгельмом и Оттоном, воспитывавшимися в Петербургском кадетском корпусе. На границе он совершенно неожиданно был арестован. Император Павел подозревал в нем политического агитатора и не мог простить либеральных взглядов, высказываемых Коцебу в его сочинениях. Коцебу был отправлен в Тобольск, куда и прибыл 30 мая 1800г. Сопровождавший его надворный советник Щекотихин в тот же день донес рапортом тобольскому гражданскому губернатору Дмитрию Родионовичу Кошелеву, что « во время следования к Тобольску от разбития дорогою Коцебу сделался болен и по приезде сюда чувствует... болезненные припадки, для выпользования от коих просит на некоторое время остаться в Тобольске». На следующий день Коцебу был осмотрен инспектором врачебной управы Иваном Петерсеном, который засвидетельствовал, что Коцебу действительно одержим хроническою болезнью, а именно: затверделою окрепостью в брыжечных железах, к которой от разбития дорогою соединились судорожные припадки лежащих во внутренности чрева частей». 11 июня Иван Петерсен донес Кошелеву, что Коцебу « от болезненных припадков получил некоторое облегчение, так что может он отправиться в назначенное ему место».

В тот же день Коцебу в сопровождении унтер-офицера Тюкашева был отправлен в Курган. Он ехал 6 дней и не знал, что в Петербурге решается его судьба. В эти дни начинающий писатель Краснопольский преподнес императору Павлу свой перевод пьесы Августа Коцебу « Лейб-кучер Петра Великого». Павел прочел ее и был тронут, приказал наградить переводчика богатым перстнем, но печатать рукопись запретил. Спустя несколько часов он опять потребовал рукопись, прочел ее снова и дозволил печатать с купюрами. Потом просмотрел ее в третий раз и разрешил печатать без всяких пропусков. В тот же

день император объявил, что поступил с Коцебу нехорошо и должен исправить свою ошибку. 15 июня генеральный прокурор Оболянинов пишет тобольскому губернатору Кошелеву: «Его Императорское Величество повелеть соизволил: отправленного к Вашему Превосходительству господина Коцебу освободить и возвратить с посланным с сим с сенатским курьером, снабдя его по пристоинству экипажем и всем потребным ему для проезда...» 16 июня сенатский курьер Карпов с этим письмом поскакал в Тобольск.

Тем временем Коцебу подъезжал к Кургану. В своей книге «Достопримечательный год моей жизни» он так описывает окрестности Кургана: «Около четырех часов вечера увидел я город Курган. Небольшая и притом единственная колокольня возвышалась среди разбросанных и небольших домов. Город расположен на противоположном, немного возвышенном берегу Тобола и окружен бесплодными равнинами, поросшими вереском. Равнину эту пересекают в разных местах озера, обросшие тростником. Посередине деревянных лачуг возвышается один только каменный дом, довольно нарядно выстроенный; он казался дворцом в сравнении с остальными домами...» Да, вид тогдашнего Кургана не мог утешить человека, повидавшего дворы европейских государей.

18 июня в Тобольск был отправлен рапорт Федора де Граве, курганского судьи, временно исполняющего и должность городничего. В рапорте губернские власти уверялись в том, что «за тем Коцебой должной присмотр установлен». Коцебу прожил в Кургане только три недели, но за это время он смог увидеть и оценить добросердечие местных жителей. «Как мало встречал я людей жестоких и нечувствительных во время моих бедствий... Сделайся несчастлив и везде найдутся друзья... К числу таких людей в особенности принадлежат честные и добрые обыватели Кургана. Они всегда приглашали меня на свои праздники, заставляли делить с ними каждое удовольствие, каждый лакомый кусок. При приезде моем они не знали, что я сочинитель, но одна статья московской газеты («Московские ведомости, получаемые секретарем уездного суда»), в которой говорилось о лестном приеме, оказанном мне в Германии, сообщила им о моем литературном существовании и увеличила в глазах их мое значение».

Жил Август Коцебу на Береговой улице, снимал небольшой новый домик за баснословно высокую по тем временам плату – 15 рублей в месяц. Как он ни старался, просвещенный европеец, ограничить круг своего знакомства, это ему не удавалось. Уже наутро после приезда к нему явились все местные чиновники, за ними потянулись остальные. Приглашения на обеды следовали беспрерывно. Наиболее замечательным за эти три недели пребывания Коцебу в Кургане было празднование дня ангела у заседателя уездного суда Иуды Никитича. Коллежский регистратор Иуда Чертуфьев, будучи 31 года, недавно женился на 19-летней Настасье Петровне и богатым застольем хотел поразить не только гостей, но и молодую жену. Имея привычку вести дневник, Коцебу очень подробно описал это пиршество, и оно сейчас выглядит этнографической картинкой. «Я пришел к 12 часам, - писал Коцебу, - и застал там всех именитых жителей Кургана. При моем входе меня приветствовали радостным криком пять человек, называемых здесь певчими. Так встречали каждого входящего. На громадном столе стояло

блюд двадцать, но не было ни приборов, ни стульев вокруг. Это имело вид завтрака или закуски. Преимущественно тут находились пироги с рыбою, по случаю поста. Кроме этого, стояло множество холодной рыбы и несколько пирожных. Хозяин с большой бутылкою водки в руках ходил по комнате и торопился угощать своих гостей, которые постоянно пили за его здоровье, но, к величайшему моему изумлению, не обнаруживали ни малейших признаков опьянения. К пяти вечера все собрались снова. Сцена несколько изменилась: большой стол попрежнему стоял посреди комнаты, но вместо пирогов, рыбы и водки на нем красовались во множестве сладкие пироги. Подали чай с французскою водкою, пунш, в котором сок клюквы заменял лимон. Поставили карточные столы и составили бостон, тянувшийся до тех пор, пока спиртные напитки позволяли игрокам отличать карты.»

Но вот настало утро 7 июля, переменившее судьбу опального комедиографа. Прискакавший из Тобольска драгун привез депешу об освобождении Коцебу. Сборы были недолги. Через несколько часов Коцебу садился в коляску. Драгун вез рапорт де Граве губернатору Кошелеву: « Во исполнение повеления... господин Коцеба с нарочным Деевым при сем к Вашему Превосходительству представляется. Что же принадлежит до снабдения его для дороги нужными потребностями, на что господин Коцеба отозвался мне, что он ни в чем надобности не имеет...» И вот Коцебу уже в Москве и назначен директором придворного немецкого театра. При Александре 1 он вышел в отставку и уехал в Германию. Впоследствии Коцебу за свои заслуги перед русской дипломатией получил чин статского советника и звание генерального консула в Кенигсберге. В 1817г. по поручению Александра 1 он стал присылать в Петербург отчеты о политической жизни Германии, чем вызвал широкое возмущение, и студент Мангеймского университета Карл Занд 23 марта 1819г. заколол его кинжалом.

КУРГАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ДЕКАБРИСТЫ

Курганское общество во второй четверти 19 в. состояло из чиновников, духовенства, учителей и лекарей, отставных статских и военных. В 1830г.в Кургане появились первые декабристы, которых перебывало здесь до 1857г.тринадцать человек: Иван Федорович Фохт (1830-1842), Владимир Николаевич Лихарев (1830-1837), Михаил Александрович Назимов (1830 – 1837), Андрей Евгеньевич Розен (1832 – 1837), Михаил Михайлович Нарышкин (1833 – 1837), Николай Иванович Лорер (1833 – 1837), Александр Федорович Бригген (

1836 – 1857), Петр Николаевич Свистунов (1838 -1842), Флегонт Миронович Башмаков (1838 – 1851), Иван Семенович Повало-Швейковский (1840 – 1845), Николай Васильевич Басаргин (1842 – 1846), Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский (1842 – 1856), Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1845 – 1846). Хотя декабристы старались держаться друг друга, и редко кто-то посторонний сживал в их кругу, жизнь заставляла их общаться с местным населением. Чаще всего это были учителя уездного училища, которое находилось в 200 метрах от дома Нарышкина.

Во времена декабристов смотрителями уездного училища были Александр Иванович Гольмстрем (1827-1833), Тимофей Корнилович Каренгин (1834 – 1854), и Михаил Иванович Костя (1854 – 1858). Гольмстрем, человек больной и раздражительный, мало сошелся с первыми декабристами, приехавшими в Курган. В 1833г. он умер от чахотки и 9 февраля 1834г. его место заступил 23-летний Тимофей Корнилович Каренгин, чье пребывание на этой должности длилось 20 лет. Его имя фигурирует в воспоминаниях и письмах многих декабристов. Будучи моложе, не имея большого жизненного опыта и чувствуя, что его знания, его кругозор не идут ни в какое сравнение со знаниями этих государственных преступников, Каренгин стремился как можно ближе сойтись с декабристами. Он часто бывал у Николая Васильевича Басаргина, который писал Ивану Ивановичу Нущину: « Тимофей Корнилович...человек хороший и всем телом и душой нам предан». Кюхельбекер записал в своем дневнике 1 апреля 1845г.: « Вечером был у Басаргиных и видел там Швейковского, одного поляка и смотрителя училища».

Именно Басаргин рассказал Каренгину о ланкастерской школе Ивана Дмитриевича Якушкина, открытой им в августе 1842г. в Ялуторовске, дал рекомендательное письмо к Ивану Пущину, с которым Тимофей Корнилович отправился в Ялуторовск. Письмо Басаргина помогло Каренгину завязать знакомство с Якушкиным, Пущиным и другими декабристами в Ялуторовске. Восхищенный преподаванием в школе Якушкина, Каренгин 11 декабря 1842г. писал ему: « Г.Директор от вашей школы в восхищении, считает ее образцовой не только в Дирекции, но даже в Сибири. Мне говорил и даже просил меня, чтобы постарался устроить приготовительный класс по образцу ее. Радуюсь за Вас, радуюсь и тому, что правое дело торжествует».

17 февраля 1844г. Каренгин пишет Стефану Яковлевичу Знаменскому, некогда преподававшему Закон Божий в курганском уездном училище: « При помощи Божьей и добрых людей в скором времени надеюсь в богоспасаемом Кургане открыть приходское училище, т.е. преобразовать приготовительный класс. По этому случаю должен к Вам явиться учитель мой, которого поручаю особенному покровительству Вашему и милостивому расположению Ивана Дмитриевича. Усерднейше прошу обоих вас растолковать ему хорошенько весь ход методы.» Учитель этот , Клементий Иосифович Воротынский, сын ссыльного поляка Иосифа Адамовича Воротынского , окончил курганское училище и в 1843г. начал в нем же преподавать, вел приготовительный класс, преобразованный в 1844г. в приходское училище.

Вникая в нужды училища, декабристы принимали активное участие в комплектовании его библиотеки. Списки книг, подаренных ими училищу, публиковались уже неоднократно. Хочется только подчеркнуть, что наравне со всеми дарил книги и Иван Федорович Фохт, невзирая на свои скудные средства. О его материальных затруднениях говорят документы окружного казначейства об отпуске государственному преступнику Фохту по 2 рубля 14 копеек ежемесячно на покупку солдатского пайка. Сумма эта иногда колебалась, опускаясь до 1 рубля 60 копеек или временами поднимаясь до 5 рублей. Кроме жертвования книг декабристы принимали участие в летних сборах средств на нужды училища. Чаще всего эти сборы происходили на торжественном акте в честь окончания учебного года в июне-июле, на который приглашались местные чиновники, купечество (как основные жертвователи) и декабристы.

Кроме Каренгина, который привлекал декабристов к участию в училищных делах хотя бы косвенно, было еще несколько учителей близко сошедшими с государственными преступниками. Одним из них был Стефан Яковлевич Знаменский, священник местного Троицкого собора. С мая 1830г. он преподавал в уездном училище Закон Божий, а в 1836г. был переведен в Тобольск для служения в кафедральном соборе и присутствия в духовной консистории. Позже служил в Ялуторовске и Омске. Во всех этих городах Знаменский был близко знаком и дружил с декабристами. Большим уважением декабристов пользовался молодой и талантливый учитель математики Александр Гаврилович Худяков. Под руководством Бриггена он в 1838г. перевел с немецкого книгу Ж.Джерандо «Нормальный курс первоначальных наставников, или Руководство к физическому, нравственному и умственному воспитанию в первоначальных школах.» В 1840г. Худяков выслал свой перевод Назимову на Кавказ. Басаргин отзывался о Худякове в самых лестных выражениях. Бригген в письме к Нарышкину от 11 апреля 1839г. писал: «Александр Гаврилович свидетельствует Вам почтение».

В январе 1844г. Александр Федорович Бригген закончил перевод Кесаря. Он искал человека, который бы взял на себя труд переписать его. В это время Бригген служил в окружном суде вместе с Алексеем Петровичем Рихтером. И тот предложил своего младшего брата Николая. Братья были сыновьями бывшего туринского городничего, оба окончили курганское уездное училище, затем учились в тобольской гимназии с разницей в шесть лет. После окончания гимназии Николай Рихтер был определен в курганское уездное училище. Был он человеком с возбудимой психикой, легко вступал в конфликты, имел авантюристические наклонности. Бригген же отзывался о нем хорошо. В письме к дочери Марии от 15 марта 1845г. он сообщал: «Через две недели я отправлю письмо... Жуковскому. Две трети первого тома переписаны набело. Я очень доволен человеком, который взялся за это дело, он справляется очень хорошо. Я прошу Вас, дорогая Мария, напомнить вашей маменьке просьбу, с которой я обращался к ней: послать мне 4 аршина хорошего сукна и 50 рублей, чтобы предложить их как свидетельство признательности моему помощнику».

В марте 1845г. в Курган прибыл Вильгельм Карлович Кюхельбекер. По дороге он заезжал в Ялуторовск, гостил там некоторое время у Ив. Ив. Пушина,

встречался с остальными декабристами. Михаил Александрович Фонвизин попросил выправить его рукопись, и Кюхельбекер привез ее в Курган. Из-за сильной глазной болезни сам он переписывать не мог, и Бригген предложил ему воспользоваться услугами Рихтера. Отношения поэта и учителя были довольно напряженными, они часто ссорились, но Кюхельбекер нуждался в услугах молодого человека и первым шел на примирение. 25 января 1846г. он даже в стихах просил прощения у Николая Петровича:

Мой бедный Рихтер, я тебя обидел,
 Не я тебя обидел, а недуг,
 Я самого себя возненавидел
 За вспышку глупую – прости мне, друг!
 Слепому ипохондрику – поэту
 Ведь и простить-то можно кое-что,
 Возьмем же , брат, все дразги бросим в Лету
 И пусть с тобой не ссорит нас никто

Уже уехав из Кургана в Тобольск, Кюхельбекер в мае 1846г. диктует сыну Мише письмо к своей любимой племяннице Наталье Григорьевне Глинке, в котором рассказывает: « Жил в Кургане со мной под одним кровом молодой человек, товарищ Н.П.Р. Он был у меня как сын родной и между тем каждое мое слово передавал особе, не любившей меня, а когда я стал собираться из Кургана, совершил свой подвиг словами: Пусть бы уж он по пути на меня сердился, а жаль, что я не украл его дневников». После смерти Вильгельма Карловича жена его Дросида Ивановна не захотела возвращаться в свой курганский дом и 7 июня 1849г. продала его Василию Федоровичу Романову, за которым была замужем родная сестра Рихтера –Глафира Петровна. Возможно, они жили в этом доме сразу после отъезда Кюхельбекера и позже купили.

Довольно часто декабристы общались с курганскими землемерами – Андреем Каратаевым, Василием Тарховым, Михаилом Федоровым, Никодимом Чайковским, почти все эти чиновники были приняты в домах декабристов. В январе 1835г. курганским земским судом были составлены « Ревизские сказки» на декабристов, проживающих в Кургане. Через три месяца государь повелел отвести каждому государственному преступнику, находящемуся в Сибири, по 15 десятин пахотной земли, « дабы предоставить через образование оной средства к удовлетворению нужд хозяйственных и обеспечению будущей судьбы детей их, прижитых ими в Сибири». Отвод участков Розену, Назимову, Лореру и Фохту за озером Бошняковским прошел спокойно, но когда Андрей Ильич Каратаев начал нарезать участки Нарышкину и Лихареву возле озера Шум, к востоку от города, крестьяне деревни Большой Чаусовой возмутились. Лихарев отдал свой участок Нарышкину, потому что Михаил Михайлович планировал завести там конный завод, тем более что в 1834г. ему прислали орловского жеребца и хороших заводских кобылиц. Но мечты эти не были осуществлены. К тому же крестьянин Агап Павлов сумел подать прошение лично наследнику престола, посетившему Курган в 1837г. В прошении крестьяне жаловались, что « отрезаны у крестьян

деревни Большой Чаусовой лучшие угодья, и они через это терпят недостаток в земле».

После отъезда первой партии декабристов на Кавказ в 1837г. Иван Федорович Фохт попросил сменить ему участок от озера Бошняковского на озеро Шум, на бывший нарышкинский. 3 июля 1838г. землемер Каратаев, имея свиту в составе заседателя земского суда Плотникова, волостного старшины Кузнецова, поверенного Шушарина, сельского старосты и 12 человек понятых, приступили к межеванию, но неожиданно явились 30 человек крестьян деревни Большой Чаусовой, вооруженные дубинами и заявили, что «они ни почему не дадут учинить раздел этой земли, так как она нужна им для выгона скота и водопоя». Опасаясь, чтобы не произошло «буйств действия» землемер был вынужден вернуться в город. В своем рапорте он писал: «Покорнейше прошу означенных крестьян привести в должное повиновение, а также не оставил бы сей суд своим законным распоряжением о поступлении с виновными по законам, дабы другим учиненный поступок крестьянами деревни Большой Чаусовой не мог впредь послужить поводом к подобным действиям».

Нарезать землю удалось только со второй попытки – 8 июля 1838г. До 1842г. участок числился за Фоктом и Свистуновым, с 1842г. по 1846г – за Повало Швейковским и Башмаковым. Затем он был включен в фонд оброчных статей, сохраняя название «нарышкинский». В 1898г. этот участок был передан в безвозмездное пользование курганскому отделению МОСХа. Д.А.Щепину-Ростовскому землю нарезали на бывших участках Розена, а Кюхельбекер, как доносил губернский землемер Тобольской казенной палате, отказался от выделенного ему земельного участка, мотивируя тем, что «большая часть из этой земли занята в настоящее время крестьянами Смоленской волости посевами хлеба, почему он, Кюхельбекер, просит отвести ему землю в другом месте с тем, чтобы половинное количество оной было удобно для покосов». Известно, что Кюхельбекер сельским хозяйством так и не занимался.

Среди курганских землемеров выделялся Михаил Петрович Федоров, который в 1838-1845гг. руководил межевой партией, работавшей в различных волостях Курганского округа. По документам видно, что у него, как и у других землемеров, были конфликты с крестьянами и подчас очень острые, при всем при этом Федоров стремился поступать так, чтобы найти лучший выход из положения. Он писал начальнику межевания в Сибири, что «при отмежевании крестьянам земель необходимо строго придерживаться законов и правил, во избежание справедливых жалоб крестьян и вредных последствий, могущих произойти между казенных поселян...при нарушении сего». Признавая крестьянские жалобы справедливыми, Федоров стремился защищать крестьянские интересы. Землемеров сопровождали воинские команды, всячески притеснявшие и обиравшие крестьян. Федоров требовал от конвоя дисциплины и порядка. 30 сентября 1840г. он приказал казаку Ульяну Разневу, который должен был ехать по деревням за понятыми: «будучи в пути, обывателям обид и притеснений не чинить под опасением строгой, по законам, ответственности». Крестьяне Чернавской волости 13 октября 1840г. на сходе составили бумагу, в

которой прописали, что Федоровым « во время проживания своего в течение сего лета в здешней волости у крестьян для своего продовольствия с партией съестных припасов безденежно поневоле и никаких сверх узаконенных подвод и рабочих людей брано не было и нигде какого-либо мздоимства как он, господин землемер Федоров, равно партии его чины, отнюдь не чинили». Подобный отзыв дан 22 декабря 1840г. крестьянами Ялымской волости. В начале 1840-х гг. началось вслед за центральными губерниями генеральное межевание в Сибири, которое не было доведено до конца.

Начальником межевания казенных земель был назначен подполковник Генерального штаба Валериан Васильевич Пасек. Местом его пребывания какое-то время был Курган. Каково же было удивление Николая Васильевича Басаргина, когда приехав на поселение в Курган, он встретил здесь своего однокашника по школе колонновожатых. Через Басаргина Пасек близко сошелся с декабристами, бывал у всех, очень любил играть в карты, и составлялась хорошая компания для бостона из Башмакова, Повало-Швейковского, Басаргина и Пасека. В мае 1843г. Пасек, Басаргин, Башмаков и поляк Клячковский были поручителями при венчании находившейся под надзором курганской полиции политической преступницы 20-летней шляхтенки Магдалины Саковской, которая выходила замуж за вагштемпельмейстера Петропавловской таможни, коллежского регистратора Иосифа Боярского. Венчание состоялось 21 мая, а 19 мая, за два дня до него, Иосиф из католической веры перешел в православную, невеста осталась католичкой. Пасек был в дружеских отношениях с Бриггеном, и когда у того от гражданского брака 6 апреля 1844г. родилась дочь Мария, Пасек был ее крестным отцом и стал кумом Бриггену.

В кумовьях у Бриггена был и местный исправник Пимен Павлович Мерный. В 1841 и 1842гг. он крестил двух сыновей декабриста, оба были названы Иванами и оба умерли – один в младенчестве, другой – в отрочестве. Об отношении Бриггена к Мерному можно судить по письму Александра Федоровича к дочери Марии от 30 ноября 1845г. : « Если вам случится увидеть Пимена Павловича Мерного...прошу оказать ему внимание ради меня». Мерный способствовал примирению Петра Николаевича Свистунова с невестой, воспитанницей бывшего исправника Дурановой Татьяной Александровной. Взаимоотношения декабристов с исправниками и городничими складывались по-разному: с одними они дружили, с другими – конфликтовали. За время пребывания декабристов в Кургане городничими были четыре человека: Федор Иванович Бурдзенкевич (1825-1838), Антон Антонович Соболевский (1839-1849), Родион Мартынович Тарасевич (1850-1853), Адам Николаевич Бучковский (1853 – 1862). Все они были поляками и водили дружбу с католиками-поляками, которые были сосланы в Курган после восстания 1830-1831гг. Поляки и декабристы довольно тесно общались, в круг их общения входили и городничие. Известно, что план и фасад курганского Богородице-Рождественского собора, утвержденный архиепископом в 1834г., был составлен поляком Францем Чернецким. Андрей Евгеньевич Розен в своих записках сообщает, что Михаил Александрович Назимов начертил план для новой курганской церкви по плану храма в имении его жены в селе Большой Каменке.

Вероятно, при общении с Чернецким Назимов передал ему план, и на его основе Чернецкий составил окончательный вариант. О дружбе поляков и декабристов говорилось уже многое. Все они собирались у городничих, особенно у Соболевского, у которого Флегонт Миронович Башмаков сживал целыми днями. Он был кумом жене городничего Евгении Андреевне, вместе с которой они крестили дочь Басаргина Марию, у председателя земского суда Дмитрия Александровича Долгова крестили сына Михаила.

В период пребывания в Кургане декабристов местное купечество еще только формировалось. Большую его часть составляли выходцы из Владимирской губернии, ее восточных уездов: Ковровского, Гороховского и Вязниковского. Все они были склонны не только к торговле, но и к предпринимательству. Почти все они были бывшими крепостными, выкупившимися на волю. Один из них, Федор Яковлевич Букарин, открыл в Кургане в 1846г. первый в Сибири картофелепаточный завод; сделал попытку создать производство поташа и соды для мыловаренных и стекольных заводов. Активное участие в этом деле принял Бригген. Через своего родственника в С-Петербурге подполковника Терентьева он передал партию поташа для химического анализа в Технологический институт, откуда были получены положительные отзывы. Завод, тем не менее, Букариным не был открыт. Дружеские общения между ними на этом не прервались, чему свидетельствует акт крещения сына Бриггена Николая 23 мая 1848г. , восприимчиками которого стали Анна Никифоровна Букариня и бывший крепостной графини Борх купец Семен Иванович Березин.

Все это пестрое курганское общество совершенно не удовлетворяло декабристов. Бригген писал: « Существование растительное, однообразное, надоевшее, ничтожное и скучное...Курган, хотя и лучшее место в Сибири, не способен предложить возмещение потерь: нет общества, нет никого, с кем можно было бы обменяться мнениями...»

ДЕКАБРИСТ ПОВАЛО - ШВЕЙКОВСКИЙ И СОЛДАТСКАЯ ВДОВА РОЗЕНКОВА

Иван Семенович Повало-Швейковский прибыл в Курган 9 февраля 1894г. Это был уже старый человек с сильно подорванным здоровьем. По пути следования в Курган из Петровского завода, где в июле 1839г. закончилась его каторга, заехал он на Туркинские минеральные воды, целебная сила которых

славилась по всей Сибири. Расположены они были на юго-восточном берегу Байкала и способствовали созданию там местного курорта. 27 июля 1839г. Иван Семенович описывает курорт в письме к Якову Дмитриевичу Казимирскому, плац – майору Петровского завода, с которым многие декабристы были в дружеских отношениях: « Вся деревня, составленная из 15 дворов, или лучше сказать лачуг, представляет самую жалкую картину. Казенное строение ...в самом плохом состоянии, стены, где устроены ванны , покривились от гнилости наподобие нашей артельной бани в Петровском... Завтра начну брать ванны и пить воду; она чрезвычайно горяча, в колодце по Реомюру 42 градуса, но вот странное дело: ее пьют и не чувствуют, что она так горяча, но простоявши возле колодца одну минуту, чувствуете испарину самую сильную по всему телу...»

На водах Швейковский пробыл до осени, заехал в Иркутск, где оставался почти до конца января, опасаясь после лечения на горячих водах пуститься в дорогу по сильной стуже. В Иркутске постоянно встречался с Юшневскими, у них же и денег занял на дальнейшую дорогу. Покидая Иркутск и своих товарищей. Швейковский был так слаб, что все боялись за него и с нетерпением ждали весточки уже из Кургана. Иван Семенович , который с надеждами ехал ближе к Уралу, был глубоко разочарован..Декабрист Алексей Юшневский сообщает: « Получил письмо от Ивана Семеновича. Видно, там только хорошо, где нас нет. За плохую квартиру платит он в Кургане 10 рублей в месяц, без дров, человеку – 10 рублей, кроме харчей. О хваленой дешевизне умалчивает, а жалуется, что трудно найти услугу, от того , что край наполнен негодьями, которых, по его мнению, там больше, чем здесь...»

Где первоначально жил в Кургане Швейковский установить пока не удалось. В скором времени он перебрался во флигель на усадьбе Петра Николаевича Свистунова, тем более, что Свистунов отдал в полное распоряжение Ивану Семеновичу под арбузы и дыни свои парники, расположенные на его усадьбе. Описание этой усадьбы читаем в купчей: « 1839года июня 8 дня совершена купчая от поселенца Курганского округа Петра Николаевича Свистунова, на купленный им у поступившего в военную службу в Кавказский корпус рядового Михаила Назимова, деревянный дом, с пристройками и местом земли в двух правильных четверугольниках, а именно: в первом спереди по улице длиннику 17, поперечнику 31 сажень, а в другом позади первого и смежном с сим длиннику 10, а поперечнику 18 сажень, состоящие в Кургане на Дворянской улице за 3000 рублей ассигнациями. Купчая крепость писана на шестирублевой гербовой бумаге, пошлин взыскано с цены – 120 рублей, за акт – 10 рублей ».

В 1841г. П.Н.Свистунов определен канцеляристом Тобольского общего губернского правления. Он собирался венчаться с воспитанницей бывшего курганского исправника Александра Ивановича Дуранова Татьяной и сразу после свадьбы молодые должны были уехать в Тобольск. Свадьба была назначена на 14 января 1842г., но состоялась только 25 января. А 15 января 1842г. составлена купчая крепость на переход усадьбы П.Н.Свистунова в собственность И.С.Повало-Швейковского, который заплатил за нее 514 рублей 28 копеек

серебром. Свистуновы выехали в Тобольск 12 февраля. Через месяц, 15 марта 1842г. , в Курган приехал Николай Васильевич Басаргин с молодой женой, младенцем-сыном и тещей. Остановился у И.С. Повало-Швейковского. По этому поводу Николай Васильевич писал Ивану Пушину: « Старик принял нас с таким радушием, что нельзя было и подумать о другой квартире... Домик совершенно по мне – четыре теплых и хороших комнаты и все нужное для хозяйства, даже маленькая кухня с плитой. Швейковский живет во флигеле отдельно от нас, до сих пор я еще не могу решительно сказать, кто у него – простая стряпка или... Во всяком случае le decorum хорошо соблюден».

Имя женщины, упомянутой Басаргиным, стало известно из завещания Ивана Семеновича, составленного под его диктовку Н.В.Басаргиным 30 апреля 1845г. и переписанного В.К.Кюхельбекером. Суть этого завещания излагает А.И.Дмитриев-Мамонов в работе « Декабристы в Западной Сибири» : « Иван Семенович , желая вознаградить лицо, которое ухаживало за ним во все время долговременной его болезни, оставил завещание, которым отказывал флигель и часть движимого имущества Анне Даниловне Розенковой». Анна родилась в семье Данилы Даниловича и Домны Васильевны Абалмасовых, выходцев из крестьян Смоленской волости, в 1801г. уже числившихся в поселенцах по городу Кургану. Кроме Анны , в семье было еще пятеро детей: братья Степан и Алексей, сестры Матрона, Наталья и Марфа. Анна первой из детей покинула родительский дом. 7 ноября 1823г. она обвенчалась с рядовым курганской инвалидной команды Федором Базановым. Жениху было 30 лет, невесте - 18. Поручителем у молодоженов был унтер-офицер Павел Худяков. Через два года, 1 ноября 1825г., родился сын Михаил, воспитателями которого стали унтер-офицерская жена Елизавета Козлова и священник Троицкой церкви Алексей Иванович Аврамов, потомок одного из десяти священников, присланных по распоряжению московского патриарха в Сибирь вскоре после ее завоевания Ермаком. Известно, что в семье Базановых 16 июля 1829г. родилась девочка Елена, которую крестили унтер-офицер Иван Козлов и Матрона Абалмасова, родная сестра Анны Даниловны. Девочка прожила десять дней и умерла от родимца. Сам Федор Никифорович Базанов умер в 1830г. в чине унтер-офицера, оставив молодую жену и сына. Марфа, младшая сестра Анны Даниловны, в июле 1832г. родила сына вне брака, для крещения незаконнорожденного мальчика позвали ближайших родственников – двоюродного брата Василия Тимофеевича Абалмасова и молодую вдову Анну Базанову.

Через три года Анна Даниловна вторично вышла замуж. 19 октября 1833г. в Троицкой церкви она обвенчалась с поселенцем Смоленской волости деревни Увальской Федором Михайловичем Розенко. В документах его фамилия имеет различные написания – Ресенко, Ризенко, Розенко. После свадьбы молодые поселились в Смолино и там у них 20 октября 1834г. родилась дочь Анастасия, которую крестили секретарь земского суда Иван Иванович Гольмстрем и поселенческая жена Наталья Андреевна Бедарева. Таинство совершал Стефан Знаменский. 4 апреля 1836г. родилась Мария, воспитателями которой были записаны дети Михаил и Анастасия Розенко. Через неделю девочка умерла от

слабости. В тот же год 27 октября умер Федор Михайлович Розенко от апоплексического удара. Анна Даниловна осталась беременной и 15 мая 1837г. родилась Елена, которую крестили уже упомянутый Иван Гольмстрем и мещанка Наталья Семеновна Бардина. Через месяц девочка умерла от поноса. Потом куда-то исчезает Миша. В метрических книгах нет указания, что он умер. Его могли забрать родственники Базановы, или могли отдать куда-то в учебу. В 1840г. Анна Даниловна числится крестьянкой по деревне Смолино только с дочерью Настей.

Возможно, именно в 1840г. она знакомится с Иваном Семеновичем Повало – Швейковским и становится его экономкой. Возможно, по его совету она начинает хлопотать о перечислении в мещанское сословие. В ответ на ее ходатайство из Тобольской казенной палаты 13 октября 1841г. поступает на имя курганского городского старосты Гавриила Суханова следующий документ: « По выслушании прошения жены умершего поселенца Курганского округа Смолинской волости Федора Резенко Анны Даниловой, объясняющую, что она, родившись в городе Кургане и живя в собственном доме, вознамерилась перечислиться из крестьянского звания в мещанское, по обозначенному Кургану, почему представляя увольнительный и приемный акты, просится с малолетней дочерью Настасьей исключить из крестьянского звания и причислить по городу Кургану в мещанское сословие. По учиненной справке, по коей оказалось по сказкам 8 ревизии под № 17 показаны окладной поселенец Федор Резенко 33 лет, его жена Анна Даниловна из здешних уроженок 26 лет, приказали: как вдову, поселенческую жену из сибирских уроженок Анну Данилову Резенкову, крестьянское общество Смолинской волости увольняет, а мещане города Кургана в свое общество принимают, и потому согласно просьбы Резенковой и общественным приговорам, перечислить ее, Резенкову, к обществу курганских мещан с начала 1842г.»

Анна Даниловна вела скромное хозяйство Швейковского. Они продолжали жить во флигеле даже после того, как в августе 1843г. теща Басаргина Степанида Ивановна Маврина купила на свое имя усадьбу декабриста Михаила Нарышкина. С домом Швейковского у Басаргина было связано несколько горестных воспоминаний. Здесь 17 июля 1842г. умер его первенец, сын Василий, а 28 июля 1843г. умерла дочь Мария, Мария родилась в Кургане 18 марта 1843г. и восприемниками ее были Швейковский и жена городничено Евгения Андреевна Соболевская. После переезда Басаргина Иван Семенович начал сдавать свой дом под окружной суд, за что получал 114 рублей 28 копеек серебром в год.

Денег все равно не хватало и, умирая, Швейковский оставил значительные долги. Тот же Дмитриев-Мамонов сообщает: «...граф Орлов уведомил, что он находит возможным отдать завещанное имущество Казенковой (он ошибается в написании фамилии) принадлежащий же Швейковскому дом продать и из вырученных денег уплатить долги покойного, если вырученных денег на долги не хватит, то обязать Казенкову доплатить ..» Умирая, Иван Семенович оставил не только долги, он оставил Анну Даниловну беременной. Разумеется, она присутствовала при его смерти вместе с В.Кюхельбекером, Н. Басаргиным и А.Бриггенном. Кюхельбекер указывает в дневнике, что Иван Семенович скончался

с 9 на 10 мая 1845г., а в метрической книге Богородице-Рождественской церкви указаны числа: 6 мая как день смерти, 8 мая как день погребения. Исповедал Швейковского иерей Иоанн Торопов еще 1 мая, а отпевал и участвовал в погребении протоиерей Иосиф Попов. Тот же Иосиф Попов крестил сына Швейковского и Анны Даниловны и нарек его Иваном. Мальчик родился 30 сентября 1845г. , восприемниками были Николай Басаргин и жена городничего Евгения Соболевская. Сын Анны Даниловны, как незаконнорожденный , носил фамилию и отчество по умершему мужу ее - Розенков Иван Федорович. Нянькой ему была сестра Настя.

Чтобы иметь какой-то доход , Анна Даниловна потеснилась в своем флигеле и приютила декабриста Флегонта Мироновича Башмакова. В 1846г. в Курган был переведен из Ялуторовска Капитон Голодников, который в своих записках сообщает: «Башмаков, старик лет семидесяти, довольно тучного телосложения, был большой говорун и анекдотист, жил он на маленькой квартире в доме мещанки Розенковой и по старости лет ничем уже не занимался.» Большой дом с усадьбой был продан после смерти Ивана Семеновича с аукционного торга , состоявшегося в помещении городской полиции. Покупательницей выступила дочь протоиерея Иосифа Попова, жена местного стряпчего Серафима Тверитина. 8 июня 1846г. Серафима Иосифовна уже получила документы на усадьбу, за которую она заплатила 510 рублей серебром. Декабристы в письмах называли Серафиму Иосифовну « Лореровой невестой». Действительно, Николай Иванович Лорер намеревался жениться на ней, но неожиданный отъезд на Кавказ в 1837г. нарушил эти планы. Серафима Иосифовна 20 марта 1858г. скончалась 36 лет « от воспаления в желудке». Усадьба перешла к ее незамужней сестре Павле Иосифовне Поповой. 29 сентября 1861г. Анна Даниловна продала ей часть усадьбы с баней за 150 рублей серебром, за ней остался только флигель.

Жила Анна Даниловна с сыном Иваном. Дочь Анастасия вышла замуж 6 мая 1851г. за мещанского сына Никиту Петровича Бологова. Иван женился в 21 год. Венчание состоялось 4 мая 1866г. Невеста Мария Васильевна Седяева была из крестьянской семьи Лебяжьевской волости. За жениха поручались его двоюродный брат Дмитрий Алексеевич Абалмасов и крестьянин Смолинской волости Яков Антонович Соколов. За невесту поручались крестьянин деревни Курганской Филипп Семенович Савин и крестьянин деревни Шевелевой Сергей Иванович Воинков. Брачное таинство совершал священник Константин Троицкий с диаконом Ясоном Лебедевым и причетниками Константином Михайловским и Николаем Волковым.

В 1868г. у молодоженов родился сын Алексей, единственный ребенок в семье. Затем семья на несколько лет исчезает из Кургана вместе с Анной Даниловной, и когда Иван Розенков в 1874г. снова появляется в городе, в семье у него числятся только жена и сын, а матери нет. Возможно, к этому времени она уже умерла, ей было около 70 лет. Жизнь молодых Розенковых была недолгой. 17 мая 1876г. умирает от горячки Мария Васильевна. Исповедовал и соборовал священник Троицкой церкви Дмитрий Иванович Попов, погребал священник Василий Гвоздицкий. Тем же летом, 23 июля 1876г. во время купания утонул в

Тоболе Иван Федорович. Умерших от несчастного случая хоронили по отношению полиции. И соответствующее отношение было составлено полицейским надзирателем 1 участка 24 июля, погребение состоялось 25 июля с тем же священником Василием Гвоздицким. Что случилось с их сыном Алексеем – неизвестно. Но неожиданно в 1913г. снова всплывает фамилия Розенковых. «Курганский вестник» рассказывает, что 7 ноября 1911г. топограф А. Миллионщиков и его гражданская жена П.Розенкова пришли на спектакль во Второе общественное собрание и были там ограблены. Вдруг эта П.Розенкова – дочь Алексея Ивановича и правнучка декабриста Ивана Семеновича Повалова-Швейковского.

КЮХЕЛЬБЕКЕР ВИЛЬГЕЛЬМ КАРЛОВИЧ

Среди декабристов, отбывавших поселение в Кургане, менее всех здесь прожил Вильгельм Карлович Кюхельбекер. Лицейст, друг Александра Сергеевича Пушкина, поэт, драматург, участник восстания 14 декабря 1825г. Немец по происхождению, русский душой. Его отец - саксонский дворянин, статский советник Карл-Генрих фон Кюхельбекер, учился праву в лейпцигском университете одновременно с Гете и Радищевым, знал агрономию, горное дело, в юности писал стихи. Переселился в Россию в 1772г. Управлял в Петербурге Каменным островом, принадлежавшим Вел. Кн., позже императору Павлу 1-му, был директором и устроителем его имения Павловска. Мать - Юстина Яковлевна, урожденная фон Ломен, происходила из служилого балтийского дворянства. Ее двоюродная сестра была замужем за князем Михаилом Богдановичем Барклаем де-Толли. Пока был жив император Павел, Кюхельбекеры жили в Петербурге, после его смерти - в Эстляндии, в имении Авинорм, подаренном императором за труды своему верному управляющему. У супругов было четверо детей: сыновья Михаил и Вильгельм, дочери Юстина и Юлия. Юстина Карловна была замужем за Григорием Андреевичем Глинкой, писателем и переводчиком, занимавшим кафедру русского языка и русской литературы в Дерптском университете. Юлия Карловна служила классной дамой в Екатерининском институте благородных девиц, позже - гувернанткой в доме княгини В.С.Долгоруковой, затем лектрисой в богатых домах. Михаил Карлович, морской офицер, принимал участие в экспедиции одного из братьев Лазаревых на Новую землю. Член Северного

Общества, в составе Гвардейского экипажа принимал участие в восстании на Сенатской площади, был осужден на 8 лет каторги, его гражданская казнь состоялась 13 июля 1826г. на флагманском корабле «Владимир». Срок каторги был сокращен до 5 лет, поселение отбывал в Баргузине.

Вильгельм Карлович родился 10 июня 1797г. в С-Петербурге, детство провел в Авинорме. В немецкой семье до 6 лет не знал ни одного слова по-немецки. В 1835г. он писал племяннику Николаю Глинке: «природный мой язык-русский, первыми моими наставниками в русской словесности были моя кормилица Марина, да няньки мои Корниловна и Татьяна». Учиться начал в частном пансионе в городке Верро, что недалеко от Авинорма. В 1811г по протекции Баркляя де - Толли был определен в Царскосельский лицей, который окончил с серебряной медалью. Еще будучи лицеистом посещал заседания Священной артели, хотя и не был ее членом. Позже, в 1816г. участники артели основали «Общество истинных и верных сынов Отечества» или «Союз спасения».

После окончания Лицея, с 1817 по 1820гг. Кюхельбекер служил в Главном архиве иностранной коллегии и читал лекции по русской литературе в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте. Один из выпускников этого пансиона (Маркевич Николай Андреевич) вспоминал: «Кюхельбекер был очень любим и уважаем всеми воспитанниками... Это был человек длинный, тощий, слабогрудый; говоря, задыхался, читая лекцию пил сахарную воду. В его стихах было много мысли и чувства, но много и приторности». 9 августа 1820г. Вильгельм был вынужден подать прошение об отставке, которую и получил. В это время обер-камергер Александр Львович Нарышкин собирался ехать за границу, и ему был нужен секретарь, который мог бы вести переписку на трех языках. Выбор его пал на Антона Дельвига, но тот отказался и порекомендовал Кюхельбекера. 8 сентября 1820г. Вильгельм выехал в Европу. В Германии он познакомился с Гете, однокашником его отца, который подарил ему свои труды с автографом, познакомился с главой немецких романтиков Людвигом Тиком, Тидге, Бенжаменом Констаном и другими писателями и общественными деятелями. Посетив Германию и южную Францию, Нарышкин и Кюхельбекер в марте 1821г. приехали в Париж. Он читал во Франции лекции о современной русской литературе, но мысли его показались слишком прогрессивными, и Вильгельм был отослан в Россию.

О его лекциях есть несколько свидетельств. Так Энгельгард писал 25 июня того же года Матюшкину: «Сумасбродный Кюхельбекер, приехав в Париж, вздумал завести публичные лекции по русской литературе... слушали его с довольным участием, но чорт его дернул забраться в политику и либеральные идеи, на коих он рехнулся. Запорол чепуху, так что Нарышкин его от себя прогнал и наш посланник...выслал его из Парижа...». В августе 1821г. в Петербурге Вильгельм пишет в альбом Петра Яковлева, брата своего лицейского товарища, несколько строк о себе: «Кюхельбекер – странная задача для самого себя - глуп и умен; легковерен и подозрителен; во многих отношениях слишком молод, в других - слишком стар; ленив и прилежен. Главный порок его –

самолюбие: он чрезвычайно любит говорить, думать и писать о самом себе; вот почему все его пьесы довольно однообразны. Он искренне любит друзей своих, но огорчает их на каждом шагу. Он во многом переменялся и переменится, но в некоторых вещах всегда останется одним и тем же. Его желание, чтобы друзья о нем сказали: он чудак, но мы охотно бываем с ним; мы осуждаем его за многое, но не перестанем быть к нему привязанными».

Вернувшись в Россию, Кюхельбекер не мог найти себе службу и, по совету и ходатайству петербургских друзей, отправился на Кавказ под крыло Алексея Петровича Ермолова. С декабря 1821г. по май 1822г. он жил в Тифлисе, где почти ежедневно встречался с Александром Сергеевичем Грибоедовым. В дневнике Кюхельбекер записал: « Грибоедов писал « Горе от ума» почти при мне, по крайней мере мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано». Служба на Кавказе не удалась, и Вильгельм некоторое время жил у старшей сестры Юстины Карловны в имении Закуп, но 30 июля 1823г. в поисках заработка переехал в Москву. Здесь редкие частные уроки поддерживали его материальное положение. Кюхельбекер принимает активное участие в литературной жизни. Публикуется в журналах «Благонамеренный» и « Сын Отечества», вместе с Владимиром Федоровичем Одоевским издает журнал-альманах « Мнемозина», где выступает как поэт, публицист и критик.

Он внимательно следит за творчеством Пушкина, которого обожал. В октябре 1824г. Пушкин закончил поэму « Цыгане», которая в списках тут же широко разошлась. Кондратий Рылеев пишет ему в Михайловское: « В субботу был я у Плетнева с Кюхельбекером и братом твоим ...Прочитаны были « Цыгане». Можешь себе представить, что сделалось с Кюхельбекером. Как он любит тебя! Как он молод и свеж!» А ведь в 1819г. они стрелялись на дуэли. Вызвал Кюхельбекер, взбешенный довольно невинной эпиграммой Пушкина. Они явились на Волково поле и решили стреляться в каком-то недостроенном фамильном склепе. Секундантом Кюхельбекера был Антон Дельвиг. Когда Кюхельбекер начал целиться, Пушкин закричал: « Дельвиг! Стань на мое место, здесь безопаснее». Кюхельбекер взбесился, рука дрогнула, он сделал пол-оборота и пробил фуражку на голове Дельвига. Пушкин бросил пистолет и хотел обнять Вильгельма, но тот потребовал от Пушкина ответного выстрела и насилие его убедили, что стрелять невозможно, потому что в ствол набился снег.

Кюхельбекер был принят в Северное общество в ноябре 1825г. Его деятельность во время восстания на Сенатской площади была кипучей и восторженной деятельностью революционера-романтика, готового на подвиг во имя Свободы. Он был вооружен палашом и пистолетом, ездил в Морской экипаж, где служил его брат Михаил, в казармы Московского полка с известием о начале действий. Он искал заместителя не явившемуся предводителю восстания, пытался стрелять в Вел. Кн. Михаила Павловича и в генерала Воинова. Наконец, он пытался собрать солдат, рассеянных картечным огнем и повести их в атаку. К вечеру, когда все было кончено, Кюхельбекер пришел к себе на квартиру на

Почтамтской улице, совсем рядом с Сенатской площадью, и велел своему верному слуге Семену Балашову быстро собираться, чтобы успеть выбраться из города до арестов. В тот же вечер они пешком вышли за петербургскую заставу, а потом то на лошадях, то пешком добрались до села Горки, имения дальнего родственника П.С.Лаврова. Беглецы прожили здесь 5 или 6 дней, после чего на тройке, которую дал Лавров, поехали через Великие Луки в деревню другого родственника, а оттуда добрались до Закупа, имения Юстины Карловны Глинки. Остановились они не в самом имении, а в соседней деревне Загусино. Здесь Кюхельбекер узнал, что в Закупе уже побывала полиция, и был произведен тщательный обыск. За те две недели, что Кюхельбекер добирался до Закупа, след его был потерян.

От матери, которая жила в семье Глинок, приезд Вильгельма скрыли. Юстина Карловна передела брата в крестьянскую рубаху, тулуп, лапти и шапку, вручила ему подложный «вид» на имя плотника Ивана Подмастерникова, а Семену Балашову - «вид» на имя отставного солдата Матвея Закревского для свидания с родными в Минскую и Могилевскую губернии, снабдила деньгами и отправила на подводе с парой лошадей в сопровождении верного дворового человека Григория Денисова. Кюхельбекер хотел бежать за границу. 3 января 1826г., остановившись в корчме где-то за Оршей, он отпустил обратно в Закуп Григория и послал с ним письмо сестре, в котором прощался с ней и просил дать вольную Григорию Денисову. Добравшись до пограничного района 14 января Кюхельбекер расстался и с Семеном Балашовым, потому что местные жители запросили до двух тысяч рублей за переправу через границу, а у него было всего 200 руб. Вильгельм решил идти один и добраться до Варшавы, где служили его родственник, двоюродный брат по матери, генерал А.И.Альбрехт, лицейский товарищ С. С. Есаков и давнишний приятель семьи барон Маренгейм. Он хотел раздобыть у них деньги, необходимые для перехода границы.

18 января в местечке Слоним был задержан Семен Балашов, который пробирался в Закуп с подводой и двумя лошадьми. Фальшивый паспорт ему не помог, т.к. указанный в нем 50-летний возраст отставного солдата не соответствовал наружности 22-летнего Балашова. Он был посажен в тюрьму в Гродно, затем переправлен в Варшаву, где подвергся допросам, а 24 января в кандалах был увезен в Петропавловскую крепость, где уже находился его хозяин. Кюхельбекер был задержан в Варшаве 19 января унтер-офицером Григорьевым, опознавшим его по приметам. За эту поимку приказом барона Дибича Григорьев был произведен в прапорщики. Кюхельбекера же отправили в Петропавловскую крепость. На одном из допросов Кюхельбекер держал яркую речь в защиту русского народа. «...Взирая на блистательные качества, которыми Бог одарил народ русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного, наконец, по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобию, ему пред всеми свойственному, я душою скорбел, что все это подавляется, все это вянет и, быть может, опадет, не принеся никакого плода в нравственном мире! Да отпустит

мне Бог за скорбь сию часть прегрешений моих, а милосердный царь часть заблуждений, в которые повлекла меня слепая, может быть, недалёковидная, но беспритворная любовь к Отечеству». Приговором Верховного уголовного суда Кюхельбекер был отнесен к 1-му разряду – к смертной казни, но по Высочайшей Конфирмации 10 июля 1826г. осужден « по лишении чинов и дворянства к ссылке в каторжную работу на 20 лет».

В особую вину Кюхельбекеру ставили покушение на жизнь Вел. Кн. Михаила Павловича, к которому по наследству от отца перешла роль официального покровителя семьи Кюхельбекеров. Роль эту Михаил Павлович продолжал играть и после того, как два брата Кюхельбекеры впали в « государственное преступление». По просьбе родственников он выступил ходатаем за смягчение участи Вильгельму, продемонстрировав христианское « забвение зла». Возможно, определенную роль сыграл и Григорий Андреевич Глинка, который с 1811г. был гувернером великих князей Николая и Михаила, в 1813г. преподавал русский язык императрице Елизавете и великой княгине Анне Павловне. 25 июля 1826г. Кюхельбекер был вывезен из Петропавловской крепости и доставлен в Шлиссельбург. При общем пересмотре Николаем 1-м приговоров декабристам, срок наказания с 20 лет был сокращен до 15 лет. Однако этим судьба Кюхельбекера еще не была решена. В отличие от своих товарищей, он не был отправлен в сибирские рудники. По ходатайству Вел. Кн. Михаила каторга была заменена ему одиночным заключением в крепости.

12 октября 1827г. Кюхельбекер был отправлен в арестантские роты при Динабургской крепости. Когда его везли под конвоем, 14 октября на глухой почтовой станции Залазы, возле Боровичей, произошла случайная встреча с любимым другом Пушкиным, который ехал из Михайловского в Петербург. Они не виделись перед этим с 6 мая 1820г., когда Пушкин был выслан на юг. На следующий день Пушкин для себя записал : «...Вдруг подъехали четыре тройки с фельдгегерем. «Вероятно, поляки?» - сказал я хозяйке. « Да»- отвечала она, - их нынче отвозят назад». Я вышел взглянуть на них. Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели... Увидев меня, он с живостью на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга - и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдгегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством –я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали.»

Фельдгегерь 28 октября сообщал дежурному генералу Главного штаба А.Н.Потапову об этой встрече: «...Некто г. Пушкин...вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру и начал после поцелуев с ним разговаривать». После того, как их растащили, Пушкин хотел передать Кюхельбекеру деньги, но фельдгегерь этого не разрешил. « Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорил, что по прибытии в с-Петербург в ту же минуту доложу Его Императорскому Величеству, как за недопущение проститься с другом, так и дать

ему на дорогу денег; сверх того, не премину также сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу. Сам же г. Пушкин между угрозами объявил мне, что он посажен был в крепости и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом; а преступник Кюхельбекер сказал мне: это тот Пушкин, который сочиняет».

Сам Кюхельбекер 10 июля 1828г. в общем письме к Пушкину и Грибоедову писал: « Свидание с тобою, Пушкин, в век не забуду». А через два года, 20 октября 1830г., в письме к Пушкину снова вспоминает об этой необыкновенной встрече: « Помнишь ли наше свидание в роде чрезвычайно романтическом: мою бороду? Фризовую шинель? Медвежью шапку? Как ты , через семь с половиной лет, мог узнать меня в таком костюме? Вот чего не постигаю?» Письма к Пушкину пересылались тайно, через верных людей. Если в Петропавловской крепости у Кюхельбекера было только священное писание, в Шлиссельбурге он получал некоторые книги и даже самостоятельно выучился читать по-английски, то в Динабурге ему в первое время не давали ни книг, ни пера, ни чернил. Но постепенно у него появились кое-какие возможности.

В Динабургской крепости служил дивизионный командир генерал-майор Егор Криштофович, родственники которого были соседями Юстины Карловны Глинки. Их поместье находилось в Смоленской губернии рядом с Закупом, и когда Кюхельбекер в 1822г. проводил лето у сестры, он подружился с этим семейством. По просьбе смоленских родственников генерал выхлопотал Кюхельбекеру разрешение читать и писать, доставлял ему книги, добился позволения прогуливаться по плацу и даже устроил в своей квартире свидание с матерью. Труднее было добиться разрешения на переписку и когда она была дозволена, было много ограничений- писать только близким родственникам, касаться только семейных дел и отвлеченных тем. Это разрешение было большой радостью для Вильгельма. В упомянутом общем письме к Пушкину и Грибоедову он писал: « Я здоров и, благодаря подарку матери моей - природы, легкомыслию, не несчастлив. Живу день за днем, пишу. Пересылаю вам некоторые безделки, сочиненные мною в Шлиссельбурге». В Динабурге Кюхельбекер делает перевод шекспировского «Макбета» и отправляет его Дельвигу. Потом переводит « Ричарда !!». В письме к Юстине Карловне он сообщает: « В пять недель я кончил « Ричарда!!»; не помню еще, чтобы когда-нибудь с такою легкостью работал; сверх того, это первое большое предприятие, мною совершенно конченное; так оно снимает некоторым образом с меня упрек, что не умею кончить начатого». Позже Вильгельм Карлович перевел « Генриха четвертого», « Ричарда третьего» и первое действие «Венецианского купца». Одновременно с переводом Шекспира он пишет поэму « Давид», которую закончил 13 декабря 1829г.

Из Динабургской крепости Кюхельбекеру удастся поддерживать тайную переписку с друзьями. В этом ему помогает не только Криштофович, но и поляки-офицеры крепостного гарнизона. Один из них, А.Рыпинский, оставил о Кюхельбекере восторженные воспоминания. « Этот человек великой души был истинным сыном своей новой родины, которую больше жизни любил, так же, как

сами Рылеев, Бестужев и Пестель. Как ясный месяц блестит среди бесчисленного множества тусклых звезд, так и его благородное, бледное, исхудалое лицо с выразительными чертами выделялось сиянием духовной красоты среди огромной толпы преступников, одетых, как и он, в серый «мундир» отверженных. Сильное и закаленное сердце, должно быть, билось в его груди, если уста...никогда ни перед кем не произнесли ни слова жалобы на столь суровую долю. Молчал он - молчал и ждал конца своих страданий...Кто знал его ближе, тот любил, ценил, восхищался и благоговел перед ним, а кто с ним провел хоть несколько вечерних часов, не мог не обнаружить в нем редкого ума, кристально-чистой души и глубокой образованности. Даже на лице солдата, простоявшего хотя бы несколько минут на страже у его дверей, появлялось выражение преклонения и уважения всякий раз, когда неожиданный свет, излучаемый лицом этого необыкновенного узника, ударял ему в глаза – ибо кого бы не тронул этот волнующий образ невинно терзаемой небесной добродетели, это повторное издание христовых мук».

Весной 1831г. в связи с польским восстанием было решено перевезти Кюхельбекера в Ревель. Он в это время хворал и лежал в крепостной больнице. Несмотря на болезненное состояние, 15 апреля его вывезли из Динабурга и через Ригу доставили в Ревель, где посадили в Вышгородский Замок. Там его лишили всех привилегий, которыми он пользовался в Динабурге. Кюхельбекер настаивал на содержании в отдельной камере, на освобождении от работ, на партикулярном платье, на праве читать, писать и переписываться с родными, а также кормиться на собственные деньги, ссылаясь на то, что все это дозволялось ему в Динабурге. Ревельское начальство запросило высшие инстанции в Петербурге, там, в свою очередь засуетились и стали выяснять, на каком основании Кюхельбекеру смягчили в Динабурге арестантский режим. Выяснилось, что это было сделано с разрешения царя и 8 июня 1831г. из Главного штаба сообщили генералу Опперману, в ведении которого находились все русские крепости, что Николай 1 приказал Кюхельбекера и на новом месте «держать как в Динабурге».

Между тем, еще 25 апреля 1831г. император распорядился перевести Кюхельбекера в Свеаборгскую крепость (в Финляндии). Дело затянулось, т.к. переправлять его было приказано морем, на попутном судне. Только 7 октября он был вывезен на корабле «Юнона» и 14 октября доставлен в Свеаборг, где содержался до 14 декабря 1835г. Здесь Кюхельбекер имел право на переписку с родственниками, в конце 1831г. получил даже разрешение переписываться с братом Михаилом. Первое письмо от брата он получил 8 декабря 1831г. 15 июня 1832г. он записал в дневнике: «Сегодняшнее число я должен считать одним из счастливейших дней моей жизни. Я получил шесть писем от родных и...ответ брата на письмо, которое я к нему писал прошлого года в декабре месяце. Получив первое письмо от него, я еще сомневался, позволят ли быть между нами настоящей переписке; теперь вижу, что могу пользоваться этим благодеянием».

Но в Свеаборге Кюхельбекер лишился даже тех ограниченных возможностей общения со свободными людьми, которые были у него в Динабурге. Допускались

только свидания с пастором, который снабжал его сочинениями немецких проповедников. Возможно, под влиянием этих душеспасительных бесед Кюхельбекер решил покаяться. 15 апреля 1832г. комендант Свеаборгской крепости в рапорте Бенкендорфу пишет: «Государственный преступник Кюхельбекер ...ныне пред исполнением по обряду лютеранской религии исповеди и святого причастия хочет успокоить свою совесть на счет обвиненного им в 1826г. преступника же Ив. Пуцина будто бы безвинно». Дело в том, что на следствии он заявил, что Пуцин побуждал его стрелять в Вел. Кн. Михаила. На очной ставке Пуцин отверг это тяжелое обвинение; это был единственный случай в показаниях Кюхельбекера, когда он своими словами значительно отягощал вину другого и многократно и настойчиво упорствовал в них, призывая в свидетели даже бога. Уже во время следствия Кюхельбекером овладели сомнения в своей правоте, он пытался новыми формулировками смягчить свои первые показания, и это ему удалось: в обвинении против Пуцина этот пункт отсутствует. В крепости он хотел еще раз покаяться. В Свеаборге Кюхельбекер целиком погрузился в творчество. Одно за другим он создает монументальные эпические и драматические произведения: драматическую сказку «Иван, купецкий сын», поэму «Агасфер», переводит шекспировских «Короля Лира» и «Венецианского купца», пишет поэму на сюжет из древней русской истории «Юрий и Ксения», поэму «Сирота», с необыкновенным подъемом работает над одним из самых значительных своих произведений - народно-исторической трагедией «Прокофий Ляпунов».

В конце 1835г. Кюхельбекер был досрочно выпущен из крепости и по ходатайству родных «обращен на поселение» в Баргузин, где уже несколько лет жил его брат Михаил. 14 декабря 1835г. его вывезли из Свеаборга, 20 января 1836г. он был доставлен в Баргузин. Встреча с братом была трогательной. Михаил был осужден на 8 лет каторги, которая была сокращена до 5 лет и в 1831г. он был отправлен на поселение в Баргузин. Здесь он первым начал обрабатывать землю. В его хозяйстве были даже овцы. По инициативе Михаила Карловича в Баргузине было организовано русское приходское училище, а в недалеком селе Улюк - бурятское училище, в том и другом училище Михаил обучал грамоте детей и взрослых. В своем доме он организовал амбулаторию, лекарства изготавлял из трав, одним из первых узнал лечебные свойства мышьяка, лечил даже гангрену. Женился в Баргузине 3 июня 1834г. на очень красивой женщине, Анне Степановне Токаревой, и жили они дружно. До замужества Анна Степановна служила у местного богатея и от него должна была родить. Хотела наложить на себя руки, но Михаил Карлович уговорил ее жить, крестил ее ребенка, стал кумом. Ребенок умер, а Кюхельбекер решил на ней жениться, но раз кум, то церковь запретила. Долго хлопотали, но разрешение на брак все-таки было получено. У самого Михаила родилась в Баргузине внебрачная дочь, которая воспитывалась в семье Трубецких, и было шесть законных дочерей, которые получили хорошее воспитание в Иркутском девичьем институте.

Освобождение из крепости вселило в Вильгельма Карловича новые надежды на возможность вернуться к широкой литературной деятельности и печататься хотя бы под псевдонимом. 13 февраля он пишет Пушкину: « Мое заточение кончилось, я на свободе, хожу без няньки и сплю не под замком». Но скоро тон и содержание писем резко меняются. Настойчивые просьбы похлопотать о разрешении печататься, которыми Кюхельбекер забрасывает родных и Пушкина, ни к чему не приводят. Литература могла стать его единственным источником материального благополучия. За 10 лет сидения в крепостях он физически истощился, хотя и до этого не отличался богатырским сложением, ослаб и был неприспособлен к тяжелому труду, которым кормился его брат. Михаил Карлович был человеком практической складки. Все деньги, получаемые от родных, и те, которые сам умудрялся заработать, он вкладывал в свое хозяйство. Сверх отведенного ему надела он своими руками расчистил и обработал 11 десятин земли, построил избу со службами, завел 13 голов скота, занимался рыбной ловлей. Вильгельм старался помогать брату, таскал бревна из лесу, работал в поле, но сил у него не хватало. Анна Степановна стала выражать недовольство его присутствием и Вильгельм Карлович, отягощенный заботами, втянутый в мелкие дразги, начинает жалеть о своей крепостной камере. 3 августа 1836г. он пишет Пушкину: « Ты хочешь, чтоб я тебе говорил о самом себе... В судьбе моей произошла такая огромная перемена, что и поныне душа не устоялась. Дышу чистым свежим воздухом, иду, куда хочу, не вижу ни ружей, ни конвоя, не слышу ни скрипу замков, ни шопота часовых при смене: все это прекрасно, а между тем- поверишь ли?- порою жалею о своем уединении. Там я был ближе к вере, к поэзии, к идеалу; здесь все не так, как ожидал даже я, порядочно же, кажись, разочарованный насчет людей и того, что можно от них требовать». Эту тему Кюхельбекер продолжает в стихах. Он пишет, что потянулась « вялых дней безжизненная нить и - бледные заботы

И грязный труд, и вопль глухой нужды,
И визг детей, и стук тупой работы
перекричали песнь золотой мечты».

Кюхельбекер был уверен, что про него здесь будут говорить:

Не разумел он ничего,
И слаб и робок был как дети,
Чужие люди для него
Зверей и рыб ловили в сети.
.....
И он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог.

Осенью 1836г. Вильгельм пришел к мысли, что ему надо наладить личную жизнь. В свое время у него была невеста – Авдотья Тимофеевна Пушкина (по некоторым свидетельствам - родственница А.С.Пушкина). Познакомились они в 1822г., свадьба несколько раз откладывалась из-за необеспеченности и неустроенности Кюхельбекера. Потом восстание и крепость. В 1832г. он справлялся у родных о невесте, передавал ей привет и возвращал свободу. Тем не менее, в Сибири у него снова возникла надежда на возможность брака с Авдотьей. Есть семейное предание, что Кюхельбекер сохранил к невесте чувство глубокой любви и вызывал ее в Сибирь, но она, также очень его любившая, по слабости характера не решилась разделить судьбу поселенца. Когда окончательно рухнула надежда на брак с Авдотьей, Вильгельм стал искать невесту в Баргузине. 9 октября 1836г. он известил мать о том, что намерен жениться на дочери местного почтмейстера – Дросиде Ивановне Артеповой. Она родилась в 1817г., когда Вильгельм выпустился из лицея.

В период жениховства Кюхельбекер, со свойственной ему способностью увлекаться, идеализировал свою невесту, поэтически рисуя ее облик в письмах к родственникам и друзьям. Он пишет Пушкину: « Великая новость! Я собираюсь жениться... Для тебя, Поэта, по крайней мере важно хоть одно, что она в своем роде очень хороша: черные глаза жгут душу; в лице что-то младенческое и вместе с тем что-то страстное, о чем вы, европейцы, едва ли имеете понятие». Свадьба требовала расходов и в письме к младшей сестре Юлии он не только описывает красоту невесты, но рассказывает о своем финансовом положении. « ...за нею беру, разумеется, нуль. Свадьба, как ни жмись, все мне будет стоить около 100 рублей; 50 рублей я был должен прежде, а дом, который я купил, обошелся мне недостроенный в 450 рублей; достройка обойдется по смете брата рублей в 300; итак, мой друг, всячески мне в первую половину года необходимы 1000 руб. Сделай милость, одолжи мне их займы, а сверх того не частицами, но в раз».

Свадьба состоялась 15 января 1837г. Молодая жена не знала грамоты, и Кюхельбекер увлеченно занялся ее воспитанием и обучением, но по всей видимости так и не сумел приобщить ее к своим духовным интересам. Он обращался к своему малолетнему сыну в дневнике : «...научись из моего примера, не женись никогда на девушке, как бы ты ее ни любил, которая не в состоянии будет понимать тебя». Почтмейстер, выдавая дочь за дворянина, предполагал, что она будет материально обеспечена. У Кюхельбекера не было ничего, он жил на деньги, присылаемые сестрами. Женитьба заставила его с еще большей настойчивостью просить о дозволении « кормиться своим ремеслом». Он пишет Бенкендорфу: « Я подал просьбу о дозволении мне жениться на любимой мною девушке. Я должен буду содержать жену, но следует вопрос: каким образом? Рана пулею в левое плечо и недостаток телесных сил будут мне всегдашним препятствием к снискиванию пропитания хлебопашеством или каким-либо рукоделием....(Прошу) исходатайствовать мне у государя императора дозволения питаться литературными трудами, не выставляя на них моего имени». Он обращался за помощью к Жуковскому, но царского позволения не последовало.

В одном из писем 1837г. Вильгельм Карлович пишет: « прозябаю, а не живу. Нам нынче выпал не красненький годочек. Все не удается и везде горе. Утешает меня только добрая жена моя , но при мысли и об ней забота сосет сердце... Постыло мне в свете: мочи нет, как долго живу, дожить до хорошего едва ли удастся». В другом письме он признается, что если бы был эгоистом, то просил бы правительство снова его запереть в крепости. Из-за непрерывных засух в Баргузине три года подряд были неурожаи. Зима 1837-1838гг. была очень тяжелой, а следующие – еще тяжелее: не было ни хлеба, ни сена, начался падеж скота. У Кюхельбекера не было средств закончить постройку дома, и жили они в какой-то каморке. 12 июня 1838г. Дросида Ивановна родила мертвого мальчика, хоронили 14-го и при выносе дали ему имя Федор. 28 июля 1839г. родился снова мальчик, Миша. Потребовались дополнительные расходы.

Осенью Кюхельбекер получает приглашение от начальника пограничной крепости Акша майора А.И.Разгильдеева, который нуждался в хорошем учителе для своих дочерей. Он приглашение принимает и пишет племяннице Наталье Григорьевне Глинке : « Будет ли мне лучше в Акше, не знаю. Но оставаться здесь я никоим образом не могу. Здесь все так дорого, что по нынешним годам и на один хлеб не хватит моих доходов...Климат здесь самый суровый, теперь уже третья неделя, как без перерыву стоят морозы свыше 30 градусов, а здоровье у меня с года на год плоше». В конце января 1840г. Кюхельбекер с семьей приехал в Акшу, небольшую крепость на китайской границе. Разгильдеевы встретили его радушно, местный казачий атаман также пригласил его в учителя к сыну. 6 февраля 1840г. Вильгельм пишет своей любимой племяннице Наталье: « У меня сердце теперь расцвело; четыре года прожил я между дикарями грубыми, неотесанными, распутными; здесь что-то похожее...на ваше мне бесценное семейство».

В Акше у Кюхельбекера 21 декабря родился сын Иван, о котором он писал Оболенскому: « Имя его Иван. Это имя дала ему мать по дедушке, но я им очень доволен, потому что напоминает Лицей и товарища (Пушина - А.В.), которого и Вы и я любим.» Мальчик умер 27 марта 1842г. Через год родилась дочь Юстина, в ночь с 6 на 7 марта 1843г. Заочной крестной матерью ее была Наталья Григорьевна Глинка. В Акше Вильгельм Карлович возвращается к творчеству, пишет заключительную часть «Ижорского», обдумывает план трагедии о Дмитрие Самозванце. Здесь происходят встречи с заезжими людьми, с которыми он быстро сходится. За время своего заточения он не утратил своей общительности и жадного интереса к людям. Поддерживает связь с живущими в Селенгинске, сравнительно недалеко от Акши, братьями Бестужевыми. К нему возвращается былая жизнерадостность, есть даже запись в дневнике, что на вечеринке плясал без отдыха кадрили, мазурки, вальсы. Это веселье можно объяснить тем, что Кюхельбекер влюбляется в свою молоденькую ученицу Аннушку Разгильдееву, которой было тогда 15 лет. В письмах к родным он называет ее единственным утешением и своим ангелом-хранителем. Молодой девушке льстило его внимание, но ее мать тоже увлеклась поэтом и настраивала

дочь против него. Эти интриги не прошли мимо внимания майора Разгильдеева, он срочно перевелся в Кяхту и в 1842г. его семья покинула Акшу.

Кюхельбекер очень тяжело переживал конец своего платонического романа. Он записал в дневнике: « Бог с тобою, Анна Александровна! Ты была моею последнею любовью, и как это все кончилось глупо и гадко! А я тебя любил со всем безумием последней страсти, в твоём лице я любил ещё людей». Вильгельм Карлович начал просить начальство перевести его либо в Урик, либо в Иркутск, получил отказ; тогда в марте 1843г. он просится в Кяхту или Туринск и снова отказ. Новый комендант Акши начал притеснять Кюхельбекера, мешать его переписке. И все же он не каялся, что прожил эти годы здесь, по крайней мере, он расплатился со старыми долгами и не сделал новых. В январе 1844г. при содействии деверя сестры Юстины Владимира Андреевича Глинки Кюхельбекер начинает хлопотать о переводе в Западную Сибирь. Глинка в молодости был членом Союза Благоденствия, потом сделал успешную военно-административную карьеру. В 1831г. во время польской кампании он был уже в чине генерал-майора и занимал должность начальника штаба артиллерии действующей армии. Впоследствии состоял главным начальником горных заводов на Урале. Он оказывал Кюхельбекеру существенную поддержку в годы крепостного заключения и в годы ссылки, присылая ему деньги и книги. Его Кюхельбекер называл лучшим, испытанным в счастье и несчастье другом. В марте Юстина Карловна сообщила, что ему разрешено проситься в Курганский уезд, а 27 августа в Акшу пришла бумага с разрешением на отъезд.

2 сентября 1844г. Кюхельбекер выезжает в Баргузин, чтобы повидаться с братом в последний раз. Доехав до Верхнеудинска (ныне Улан-Уде), окружного центра Восточного Забайкалья, он надеялся получить от окружного начальника бланк – документ, относившийся к путевым расходам на казенный счет, но начальник не решился его выдать. Пришлось ему взять подорожную и платить за тройку до Турки. В Турке он нанял лодку за 100 руб., чтобы плыть в Баргузин, но на Байкале разразился такой шторм, что их двое суток носило под Лиственничным островом, заливало волнами, сорвало руль и они с трудом отстоялись на кошке. В Баргузин приехали около 23 сентября. Пускаться в обратный путь по морю было опасно, и Кюхельбекер решил ждать ледостава. В Иркутск по зимней дороге через Байкал они переехали в январе и задержались почти на месяц. Здесь Вильгельм Карлович был весел и спокоен, беседы с товарищами тянулись иногда далеко за полночь. Встречались с Волконскими, Трубецкими и Дросида Ивановна впервые была в обществе княгинь. Особенно ее поразила своими манерами Мария Николаевна Волконская и Дросида потом не уставала вспоминать ее. Недаром Кюхельбекер писал княгине 13 февраля 1845г.: « жена моя, преданная вам сердцем и душою, начала новую жизнь после знакомства с Вами; я ее больше не узнаю. Вам, княгиня, я буду обязан своим семейным счастьем. Вчера и третьего дня она была нездорова, что задержало меня на несколько дней в Красноярске.»

Самой радостной была встреча с Иваном Пуциным, лицейским товарищем, к которому Кюхельбекер заехал в Ялуторовск. Об этой встрече Пущин писал

бывшему директору лицея Энгельгардту : « три дня прогостил у меня оригинал Вильгельм. Проехал на житье в Курган с своей Дросидой Ивановной, двумя крикливыми детьми и с ящиком литературных произведений. Обнял я его с прежним лицейским чувством. Это свидание напомнило мне живо старину: он тот же оригинал, только с проседью в голове. Зачитал меня стихами до нельзя... Не могу сказать Вам, чтоб его семейный быт убеждал в приятности супружества...Признаюсь вам, я не раз задумывался, глядя на эту картину, слушая стихи, возгласы мужиковатой Дронюшки, как называет ее муженек и беспрестанный визг детей. Выбор супружницы доказывает вкус и ловкость нашего чудака: и в Баргузине можно было найти что-нибудь хоть для глаз лучшее. Нрав ее необыкновенно тяжел и симпатии между ними никакой».

22 марта 1845г. Кюхельбекер прибыл в Курган. Хотя ему было предписано поселиться в деревне Смолиной, в трех верстах от города, он снял квартиру в городе и сразу стал хлопотать о разрешении остаться в нем. Тобольский губернатор своей властью такого разрешения дать не мог и 2 мая Кюхельбекера известили, что губернатор запрещает ему оставаться в Кургане. На следующий же день Вильгельм Карлович обратился с ходатайством к шефу жандармов и начальнику 3-го отделения А.Ф.Орлову, мотивируя свое желание остаться в Кургане плохим здоровьем и необходимостью во врачебной помощи. Написал и своему старинному другу Владимиру Одоевскому, надеясь на его служебные и светские связи. В эти же дни в Кургане умирал Иван Семенович Повалов-Швейковский и Кюхельбекер навещал его через день. Он переписывает завещание Швейковского, составленное Басаргиным, присутствует при его смерти и участвует в похоронах. 26 мая был день рождения Пушкина и Кюхельбекер пригласил друзей – декабристов и ссыльных поляков. Пришли Бригген, Басаргин, Башмаков, Щепин – Ростовский и польские друзья – Михаил Иванович Пейкер – письмоводитель городнического правления, Валериан Васильевич Пасек – начальник межевания, Никодим Осипович Чайковский – старший запасный землемер и другие. Правда, Кюхельбекер подозревал, что приход некоторых объясняется тем, что жена городничего была в бане и у него не играли в карты. Было оживленно и шумно. Эти люди, всегда свято чтившие память гениального поэта, вспоминали молодость, старину, Кюхельбекер рассказывал о лицейских годах.

В Кургане начинает резко ухудшаться его здоровье, Вильгельм Карлович катастрофически слепнет. Уже 5 апреля он записывает в дневнике: « Опять письмо от Пуцина. Моя переписка приходит к концу. Глаза мочи нет как болят.» Болезнь делала Кюхельбекера раздражительным и обидчивым. Он и с декабристами ссорился постоянно. В его дневнике можно прочитать: « Опять месяц прошел...Я был болен, меня мучила хандра...Во время хандры я успел поссориться с Басаргиным и понаделал, Бог знает, сколько глупостей» или «Опять погорячился и разбранился с Щепиным; да он, право, лучше меня - первый протянул мне руку, между тем, как я ему, Бог знает, что наговорил.»

В свои именины 28 мая Кюхельбекер получил от Басаргина в подарок часы, от сестры Юстины Карловны письмо и деньги. Через две недели, 10 июня, Вильгельм Карлович записывает: «Минуло мне сегодня 48 лет. Печально я встретил день своего рождения. Пока не сошлись гости, я стал выхаживать стихи, да не удалось составить более того, что следует:

« Еще прибавился мне год
 К годам унылого страданья;
 Гляжу на их тяжелый ход
 Не ропща, но без упования.
 .....
 Что будет, знаю наперед,
 Нет в жизни для меня обмана,
 Блестящ и весел был восход,
 А запад весь во мгле тумана».

В день рождения Кюхельбекера, 10 июня, губернский землемер пишет донесение в Тобольскую Казенную палату о своей попытке отвести государственному преступнику положенные по распоряжению царя 15 десятин земли. Вильгельм Карлович должен был присутствовать при отводе земли, но узнав, что большая часть выделенной земли занята пашнями крестьян Смолинской волости, от участка отказался, но попросил отвести ему землю в другом месте с тем, чтобы половина десятин была пригодна для покосов. Он собирался завести хозяйство, не такое большое, как у брата Михаила, но коровы и лошадь должны были быть обязательно. Между тем решался вопрос о пребывании Кюхельбекера в Кургане. С молчаливого согласия властей его сестра Юстина Карловна купила на имя Дросиды Ивановны дом в городе и Владимир Андреевич Глинка сообщает об этом Управляющему 3-го отделения Леонтию Васильевичу Дубельту. Никаких санкций не последовало. Дом был куплен у Марии Федоровны Киниженцевой, жены отставного сотника. Сумма покупки нам неизвестна, но сама Киниженцева покупала этот дом в 1842г. у Клячковских за 400 рублей серебром, возможно, и продала приблизительно за ту же сумму. Больной Кюхельбекер с семейством перебрался в собственный дом 21 сентября. Фонвизин 8 сентября 1845г., когда оформлялась покупка дома, писал Кюхельбекеру: « О переводе... Вас в самый город Курган я говорил с губернатором. Он готов сделать об этом представление, но для этого ему нужен предлог, т.е. просьба от Вас, в которой бы Вы изложили, что по болезненному Вашему состоянию вам необходима врачебная помощь, которой в деревне Вы лишены. Впрочем, губернатор говорил, что ни с его стороны, ни от прочих властей вам не будет ни малейшего препятствия жить в городе... Все это хотел

сообщить вам с господином Соболевским, доставившим мне ваше письмо, но он уехал днем раньше...» Уж если курганский городничий Антон Соболевский возил письма декабристов, то можно предположить, что на проживание Кюхельбекера в городе, а не в Смолино, он смотрел сквозь пальцы. В декабре в Курган приехал тобольский губернатор Карл Федорович Энгельке и Кюхельбекер обратился к нему за разрешением приехать в Тобольск на лечение. Губернатор сообщает об этом генерал-губернатору и прямо указывает, что Кюхельбекер водворен в Кургане.

Получив постоянный кров, Вильгельм Карлович несколько успокаивается и пишет цикл лирических стихов, которые являются лучшими в его творчестве: «Участь русских поэтов», «Усталость» и др. Осень навеяла поэту образы стихотворения «Работы сельские подходят уж к концу», где он вновь обращается к «нашему Пушкину» который «уж давно подземной мглой одет». Конечные строфы - призыв, несмотря на то, что «все тяжеле путь и плечи все больше ломит бремя», идти вперед : «Иди, иди! Надолго нанят ты: еще тебе не время! Ступай, не уставай, не думай отдохнуть». У него постоянно бывают декабристы, чаще других приходит Щепин-Ростовский, живший одиноко и замкнуто. Они очень подружились. Приходили Бригген и Басаргин и начинались литературные беседы и споры. Бригген читал свой перевод Юлия Цезаря, который Вильгельм Карлович высоко оценил. Кюхельбекер читал своим гостям грустные стихи, в том числе «Усталость».

Да! Чаша житейская желчи полна;
 Но выпил же я эту чашу до дна,-
 И вот опьянелой, больной головою
 Клонюсь и клонюсь к гробовому покою.
 Узнал я изгнанье, узнал я тюрьму,
 Узнал слепоты нерассветную тьму
 И совести грозной узнал укоризны,
 И жаль мне невольницы-милой отчизны.

Еще с середины лета Кюхельбекер почувствовал себя значительно хуже. Подступала полная слепота, прогрессировал туберкулез. Все чаще недуг мешал сосредоточиться и поэт не мог выжать из себя и несколько строк. Тогда он становился вспыльчивым и брюзжащим или погружался в религиозное настроение, думал о смерти. Вспоминал друзей юности, в послании к Марии Николаевне Волконской, которая неоднократно помогала ему материально, есть такие строки: «А в глубине души моей одно живет прекрасное желанье: оставить я хочу друзьям воспоминание, залог, что тот же я, что вас достоин я, друзья». 9 октября он сделал последнюю запись в своем дневнике. Оставалось большое незавершенное

дело. Проезжая через Тобольск, он взял у Михаила Александровича Фонвизина его рукопись, чтобы ее вычитать и кое-что поправить. В связи с неурядицами, болезнями дело двигалось медленно, а наступившая слепота почти прекратила работу. Тем не менее, в письме, отправленном с Соболевским, Кюхельбекер сообщает, что рукопись исправлена и ее можно переписывать. На что Фонвизин отвечает 8 сентября: « Насчет переписки перевода набело я прошу Вас только уведомить меня, что это будет стоить, и я доставлю Вам деньги для заплаты г-ну Рихтеру и бумагу, которую на этих днях ожидаю с нижегородской ярмарки...»

28 октября 1845г. Басаргин пишет Фонвизину: «..Вильгельм Карлович, который еще недели две как страдал сильной глазной болью, поручил мне известить Вас, что болезнь остановила на некоторое время его занятия с Вашей рукописью, - он полагает, что ее иначе нельзя переписывать как здесь, под его надзором, и потому не решается посылать ее к Вам для переписки. Он говорил мне, что уже нашел человека, который берется ее переписать, и сделает это как нельзя лучше – именно учителя Рихтера, занимающегося тем же у Александра Федоровича...» . Николай Петрович Рихтер имел характер взбалмошный, дерзкий и они часто ссорились с Кюхельбекером. Но Рихтер был нужен постоянно, чтобы писать под диктовку письма, ходатайства и стихи. Он находился при Кюхельбекере до самого его отъезда. 25 января 1846г. Вильгельм Карлович обратился к нему со стихами: « Мой бедный Рихтер, я тебя обидел! Не я тебя обидел, а недуг...» Поэт искренне просил прощения. Но Рихтер оказался не только взбалмошным человеком, но и подлым. 11 мая 1846г. уже в Тобольске Кюхельбекер диктует сыну Мише письмо к племяннице Наталье Глинке: «...Жил в Кургане со мной под одним кровом молодой человек, товарищ Н.П.Р.; он был у меня как сын родной, и между тем каждое мое слово передавал особе, не любившей меня; а когда я стал собираться из Кургана, повершил свой подвиг словами: пусть бы он по пути на меня сердился, а жаль, что я не украл его дневников».

23 ноября 1845г. Щепин-Ростовский пишет Наталье Дмитриевне Фонвизиной: «Вильгельм Карлович в эти дни несколько недель подвержен жестокой глазной болезни, до такой степени усилившейся, что до двадцатого числа этого месяца ничего не мог различить. Но в этот день несколько прозрел и мог осмотреть, хотя с трудом, окружающие предметы...Исполненный священного и поэтического энтузиазма, Василь Карлович (так его звали в Кургане – А.В.) сочинил молитву в стихах, которую и поручил отправить к Вам». Друзья были обеспокоены состоянием Кюхельбекера. Используя все свои связи, они стараются добиться разрешения на поездку Вильгельма Карловича в Тобольск на лечение. Сам он ходатайствует об этом же у тобольского губернатора и у 3-го отделения. Кюхельбекер, надеясь на разрешение, просит Фонвизина подыскать ему квартиру в Тобольске. Переписка идет через Басаргина. Приведем выдержки из писем. 27 декабря 1845г. – « Я сообщил Кюхельбекеру то, что вы пишете насчет квартиры. Он, как кажется, располагает приехать в Тобольск один, а Дросиду Иванову с детьми оставляет здесь. Одному глазу его немного лучше, но во всяком случае ему непременно надобно ехать лечиться в Тобольск – здесь он никогда не

восстановит ни своего зрения, ни вообще здоровья...Кюхельбекер часто нуждается в моих фельдшерских пособиях...» 17 января 1846г. – «Бедному Кюхельбекеру несколько лучше, он ожидает разрешения ехать в Тобольск. Вероятно, князь (Петр Дм. Горчаков - А.В.) не мог сам позволить и представил в Петербург. Я не видал его дней шесть, но знаю, что один глаз его поправляется, другой же ровно ничего не видит». 26 февраля 1846г.- « На прошлой почте Кюхельбекер получил разрешение отправиться в Тобольск. Он не замедлит отсюда выехать, как только будет возможно и лишь только кончит свои сборы. Едет он со всем своим семейством и потому поручил мне покорнейше просить вас приготовить ему удобную, хотя и небольшую квартиру. Комнат трех ему будет достаточно, но только надобно позаботиться о том, чтобы она была тепла и не угарна и чтобы в его комнате в особенности не могло быть сквозного ветра. Желает он жить на горе, и если можно, поближе от Вас...Здоровье его чрезвычайно как расстроено кроме глазной болезни; он, бедный, весь иссох, кашляет и несколько времени тому назад харкал кровью. Я подозреваю, что у него чахотка и, признаюсь, не надеюсь, чтобы он выздоровел - тем более, что раздражительность-необходимое следствие этой болезни и грустное его положение очень много мешает лечению. Он в самом жалком положении. Теперь мы его каждый день прокатываем в возке, чтобы несколько приучить к воздуху. Экипаж, возок, в котором он поедет отсюда, покоен, но все-таки я думаю, что дорога его еще несколько расстроит». К этому письму Басаргин 28 февраля делает приписку: « Кюхельбекер едет сегодня или завтра. Он предполагает быть в Тобольске около воскресенья».

Уезжая, Вильгельм Карлович оставил свой дом и все хозяйство на Басаргина, который через несколько дней после его отъезда схоронил молодую жену, но нашел в себе силы заниматься делами Кюхельбекера. Сам отъезжая в Омск и остановившись в Ялуторовске, Басаргин 5 мая 1846г. пишет Кюхельбекеру: « Ваши дела я перед отъездом...устроил согласно вашему желанию. Постройку и переделку в доме поручил Пелишеву, дал ему на первый случай 162 руб...Одну корову вашу передал Пелишеву, хотел отдать и другую, которая до сих пор находилась у немца, но последний выпросил оставить ее у себя на лето...Он очень хорошо живет в доме, все у него в порядке. Оставленные у меня ваши вещи в сундуке я передал на сохранение Евгенье Андреевне.» Евгения Андреевна - та самая жена городничего Соболевского, которая была в бане в день рождения Пушкина, празднуемого в доме Кюхельбекера.

Кюхельбекер отправился в Тобольск со всем семейством и заехал к Пушкину в Ялуторовск, чтобы проститься и оставить ему свои произведения. Иван Иванович по его указанию разобрал и систематизировал рукописи, каждую обернул в бумагу, озаглавил и перевязал бечевкой. Кюхельбекер продиктовал завещательное распоряжение, которое Пушкин назвал « Заметки, продиктованные В.К.Кюхельбекером 3 марта 1846г., когда он больной ехал лечиться из Кургана в Тобольск». Поэт указал, какие сочинения печатать без исправлений, какие следует исправить, пересмотреть, напечатать в извлечениях. Были и такие, которые автор требовал уничтожить. Хотя надежды на публикации почти не было – еще в январе

граф Орлов уведомил сибирское начальство, что на просьбу Кюхельбекера о позволении напечатать его сочинения последовал отказ.

В Тобольске Кюхельбекера встретили друзья-декабристы Свистунов, Вольф, Фонвизин, Анненков, Оболенский. Они постарались создать для него хорошие условия. Фердинанд Богданович Вольф, опытный врач, прилагал все усилия, чтобы поддержать здоровье поэта. Познакомился и подружился Кюхельбекер с Павлом Петровичем Ершовым, автором «Конька-горбунка». Ершов сделался его постоянным собеседником, чтецом, секретарем. Он записывал стихи под диктовку поэта, писал письма. Кюхельбекер угасал. 11 июня он диктует свое последнее письмо Василию Жуковскому. «Мои дни сочтены: ужели пуцу по миру мою добрую жену и милых детей? Говорю с поэтом, и сверх того полуумирающий приобретает право говорить без больших церемоний. Я чувствую, знаю, я убежден совершенно... что Россия не десятками может противопоставить европейцам писателей, равных мне по воображению, по творческой силе, по учености и разнообразию сочинений. Простите мне...эту гордую выходку! Но, право, сердце кровью заливается, если подумаешь, что все, все мною созданное, вместе со мною погибнет, как звук пустой, как ничтожный отголосок».

Ответа Кюхельбекеру уже было не суждено дожидаться. 11 августа 1846г., Вильгельм Карлович скончался от чахотки. Дросида Ивановна в 1869г. в письме к дочери Юстине рассказала об этом дне. «Не хотелось ему умирать так скоро...он умер в Тобольске в 11 часов пополудни 1846г...при смерти его были доктор и госпожа фон Визина. Он до самой почти смерти был в движении, а за день до смерти ходил по комнате и рассуждал еще о том, что несмотря на дурную погоду, он чувствует себя как-то особенно хорошо. Его похоронили на русском кладбище и, согласно желанию его, устроили ему могилу между могилами друзей его: князя Барятинского и Краснокутского». Схоронили его на Завальном кладбище возле церкви Семи Отроков. По его завещанию положили в рубашке, принадлежавшей любимому племяннику Николаю Глинке, погибшему на Кавказе от ран. В сентябре 1846г., еще не зная о смерти Кюхельбекера, Сергей Петрович Трубецкой писал Бриггену из Омска: «Известия твои о Вильгельме Кюхельбекере подтверждаются письмами из Тобольска. Он, кажется, не жилец на сем свете; и я полагаю, что его убивает поэтическая страсть его. Если б он имел частицу прозы своего брата, то был бы здоровее. Поэты с горячими чувствами долго не живут. Долго жили Вольтер, Гете, люди холодные».

После смерти мужа Дросида Ивановна 4 сентября обращается к генерал-губернатору Западной Сибири Карлу Федоровичу Энгельке с ходатайством: «...Волею Божию 11 августа сего года муж мой скончался, и я осталась с двумя малолетними детьми, сыном Михаилом семи лет и дочерью Устиньей- трех. Со стороны моих родных я не имею никакого состояния и со стороны покойного моего мужа тоже не надеюсь иметь достаточной помощи; а потому вынужденной нахожусь просить Ваше Превосходительство об исходатайствовании у Высшего начальства мне с детьми моими казенного пособия, каковое в подобных случаях Высочайше положено. Сверх того, прошу покорнейше Ваше Превосходительство,

приказать выдать мне кому следует паспорт для свободного проживания и проезда по сибирским губерниям. А на сей раз, прошу усердно Ваше Превосходительство, дать мне возможность возвратиться в город Курган, чтобы там распорядиться оставшимся домом и пожитками, ибо я заехала сюда не по своей воле, а по воле мужа и с Высочайшего дозволения.» Казенное пособие по распоряжению князя Горчакова было выдано незамедлительно- 114 руб. 28 коп. сер.

После сорокового дня Дросида Ивановна решила на время переехать в Ялуторовск, возможно, по приглашению Пущина, который решил опекать семью умершего друга. 9 ноября Матвей Иванович Муравьев-Апостол написал Трубецкому: «Наша маленькая колония увеличилась тремя новыми членами- вдовой и двумя детьми Вильгельма Кюхельбекера. Пущин-признанный попечитель наших вдов. Его чудесное сердце и справедливый ум, обладающий большим тактом, дают все возможные права на это. Мы надеемся, что дети нашего покойного товарища будут приняты родственниками... семилетний мальчик посещает нашу приходскую школу, основанную нашим достойным и уважаемым протоиереем, а маленькая девочка играет в куклы...» Дросида Ивановна поселилась во флигеле на усадьбе Бронниковой, а Пущин жил в самом доме. Из Ялуторовска Дросида Ивановна вела переписку с Юстиной Карловной Глинкой, которая сразу же решила забрать детей к себе на воспитание. Дросида Ивановна сопротивлялась, но жены ялуторовских декабристов и Мария Волконская в своих письмах убедили ее расстаться с детьми. Юстина Карловна, получив в начале 1847г. разрешение на поездку в Сибирь, начала хлопотать об отдаче ей на воспитание детей, и 12 апреля 1847г. министр внутренних дел Перовский уведомил князя Горчакова, что император разрешил Юстине Глинке детей забрать, но с тем, чтобы они назывались не по фамилии отца, а были Васильевыми. К этому времени Юстина Карловна с дочерьми Натальей, Александрой и Юстиной уже были в Екатеринбурге, жили в доме Владимира Андреевича Глинки. Они вели оживленную переписку с Иваном Пущиным, готовили подарки для ялуторовских декабристов и их воспитанников. 26 июля 1847г. Наталья Григорьевна пишет: «Как я Вам благодарна за попечение о моей посылке! Не поверите, как я жалею о том, что Гутинька останется долго без красок, а Тиничка (дочь Кюхельбекера) без шляпки, которая для нее необходима...Мы, вероятно, не ранее сентября будем у Вас.»

В августе Пущин в письме к Дмитрию Иринарховичу Завалишину сообщает: «В августе приезжала Устинья Карловна Глинка и повезла их (детей - А.В.) в Екатеринбург...она теперь хлопочет, чтоб сюда перевели Михаила Кюхельбекера из Баргузина...» 29 сентября 1847г. Наталья Глинка пишет тому же Пущину: «Я должна извиниться, что так дурно пишу... Это от непривычки заниматься при детях, они безумолку болтают подле меня, толкают стол, прерывают своими вопросами...» Значит с сентября 1847г. Миша и Юстина жили в Екатеринбурге на попечении бабушки и теток. Пущин отправил им архив Вильгельма Карловича. Юстина Карловна решила возвращаться в Закуп осенью 1848г., зиму провести в Екатеринбурге, а летом отправиться с Александрой и Юстиной за Златоуст, на

лечение кумысом, чтобы подкрепить их здоровье. Кроме того, она собиралась съездить с детьми на Сергинские воды, что в ста верстах от Екатеринбурга. Считалось, что эти воды хорошо помогают от золотухи, которой страдали Миша и Тиночка. Наталья тоже с ними поехала. Осенью уехали гости Владимира Андреевича, осталась только Наталья Григорьевна с детьми. Дядюшка выдал любимую племянницу замуж за своего ближайшего помощника, генерал-майора Одынца. Какое-то время Миша и Тиночка еще жили в Екатеринбурге, а потом Юстина Карловна забрала их.

После отъезда детей Дросида Ивановна затосковала, Пущин ее утешал и в результате 4 октября 1849г. родился их сын Иван, восприемником которого был Басаргин. Дросида Ивановна рожала во время отсутствия Пущина в Ялуторовске. Он еще в начале 1849г. стал ходатайствовать о разрешении ему поездки для лечения на Туркинские минеральные воды и в марте получил разрешение. В Иркутск отправился в начале июня, в Ялуторовск возвратился в декабре. Поскольку курорт находился вблизи Баргузина, Иван Иванович съездил туда, повидался с Михаилом Кюхельбекером, возможно, познакомился с родственниками Дросиды Ивановны.

У Дросиды Ивановны был еще не проданный дом в Кургане. Сама ли она, будучи беременной, ездила в Курган или через доверенное лицо, но 7 июля 1849г. продажа состоялась и была составлена купчая крепость, согласно которой дом был продан за 400 рублей серебром мещанину Василию Федоровичу Романову. Романов был женат на Глафире Петровне Рихтер, родной сестре Николая Рихтера, бывшего секретаря Кюхельбекера. После продажи дома в Кургане и рождения сына, которому была нанята кормилица, Дросида Ивановна уезжает в Иркутск, чтобы жить в доме Волконских по приглашению Марии Николаевны. Отъезд из Ялуторовска состоялся 17 января 1850г., ребенку было всего четыре месяца, и он оставался с Пуциным. Он увез Ваню из Сибири 18 ноября 1856г. семилетним. До смерти Ивана Ивановича Ваня жил с ним, в 1858г. был записан в купеческую гильдию Новоторжского общества под фамилией Пущин. Учиться был определен в известный московский частный пансион Циммермана. Пущин писал Оболенскому 23 апреля 1858г.: « Ты говоришь о полном усыновлении – разумеется, это можно бы сделать, но я не хочу касаться этого, потому что надобно тут дело доводить до престола. Теперь все способы есть к поступлению в университет, следовательно, от Вани уже зависит шагать вперед...» После кончины Ивана Ивановича Ваня был усыновлен братом Пущина - Николаем и носил его отчество. Окончил университет, был врачом, жил в Орле и умер в 1923г.

Пока Иван Иванович был жив, он высылал Дросиде Ивановне денежное пособие, и жила она совершенно безбедно. Якушкин, приехав в Иркутск, часто встречался с ней и писал Пущину: «...она живет здесь очень умно и получаемым ею вспоможением распоряжается как нельзя лучше». Пожив какое-то время у Волконских, она переехала в дом своей племянницы, старшей дочери Михаила Кюхельбекера Аннушки, воспитанной в доме Трубецких, в замужестве Миштовт, которую Якушкин называл преславной женщиной, вполне умеющей ладить с

теткой. Из Иркутска Дросида Ивановна изредка ездила в Баргузин навестить родителей, но визиты эти были недолгими, потому что ей там было скучно. От казны она получала небольшое пособие-114рублей 28 копеек серебром в год; с 1860г. начала получать пособие от Литературного фонда. Судьбой своих детей она была довольна. Миша и Тиночка писали ей письма, которые она зачитывала всем знакомым. В 1879г. Дросида Ивановна переехала в Казань, а затем в Петербург, где и скончалась в 1886г. Последним документом о ней является записка в литературный фонд сына декабриста Волконского, Михаила Сергеевича, в которой он ходатайствует о пособии на ее похороны. Фонд выделил 150 рублей, которые были переданы сыну Анны Михайловны Миштовт.

Дети Вильгельма Карловича и Дросиды Ивановны воспитывались в семье Юстины Карловны Глинки, с которой они подолгу жили за границей. В 1854г. Тиночка писала матери из Ливорно, зиму они проводили во Флоренции. Миша под фамилией Васильев в 1850г. был определен в гимназию в Петербурге, Иван Иванович Пущин в 1852г. писал Федору Матюшкину: « Прошу тебя отыскать в Ларинской гимназии сына нашего Вильгельма-покойника. Спроси там Мишу Васильева. Мальчик с дарованиями, только здесь был большой шалун - теперь, говорят, исправился». В 1855г. Миша поступил в университет на юридический факультет. В 1856г. детям вернули фамилию отца и все права дворянства. В 1863г. Михаил Кюхельбекер служил прапорщиком в Царскосельском стрелковом батальоне, дослужился до майора. В 1876г. служил директором правления Общества для улучшения помещений рабочего и нуждающегося населения в Петербурге. Скончался 22 декабря 1879г. Сведений о его личной жизни не осталось.

Юстина Вильгельмовна в замужестве носила фамилию Косова, по - прежнему часто выезжала в Италию. В 1872г. Александр Поджио встретил ее во Флоренции и писал: « Здесь оказалась госпожа Косова, умная и милая... Мне обрадовалась как родному. Она здесь с теткой Глинкой и с двумя детьми. Была после родов без ног, но теперь прошла...и легко и свободно». В феврале 1872г. во Флоренции умер русский доктор Елин, и Юстина Вильгельмовна оказала большое участие, убрала его цветами, два раза читала псалтырь, шла за гробом. В 1875г. она передала для опубликования редакции исторического журнала « Русская старина» часть литературного архива своего отца и подлинную рукопись его дневника.

ДОЧЬ ДЕКАБРИСТА И ГОРОДНИЧИЙ

С воцарением Александра II Манифестом от 26 августа 1856 года была объявлена амнистия декабристам и многие из них покинули Сибирь в тот же год. В Кургане задержался Александр Федорович Бригген, который хотел устроить дела своей гражданской жены Александры Тихоновны Томниковой и двух дочерей, остающихся с ней в Сибири. Сына Николеньку он забирал с собой. У Томниковой оставалась большая усадьба в центре города, купленная в два приёма на её имя, но на деньги Бриггена. Часть усадьбы с домом и флигелем приобретена в 1841 году, вторая половина куплена в 1856 году. Купчая крепость от 22 марта 1856 года даёт полное представление о покупке: « Крестьянин Смолинской волости деревни Рябковой Алексей Иванович Кирпичёв продал курганской мещанке Александре Тихоновне Томниковой двор свой, состоящий в городе Кургане на Троицкой улице; а строения на том её дворе: ветхий дом деревянного строения, кладовая, завозня и амбар в одной связи, скотская стая некрытая и старый сруб для бани. Мерею под этим двором земли длиннику по улице 7 сажен, а поперечнику 30 сажен. В межах этот двор по правую сторону двора курганской мещанской жены Харитины Шибасовой, а по левую – самой покупательницы Александры Томниковой, а взял он, Кирпичёв, с нею, Томниковой, за этот свой двор денег серебром 114 рублей 71 копейку.» После этой покупки усадьба составила длиннику по улице 19 сажен, т.е. больше стандартного размера.

3 февраля 1857 года Бригген выдал замуж старшую дочь Екатерину за учителя Омского полубатальона военных кантонистов Александра Львовича Кузнецова, с которым она должна была уехать в Омск. С матерью в Кургане оставалась Машенька. Она родилась 6 сентября 1844 года, крестили её в Троицкой церкви, восприемником был подполковник Валериан Васильевич Пассек. К моменту отъезда Бриггена ей не исполнилось ещё и 13 лет. Чтобы обеспечить Машеньку и Александру Тихоновну материально, Бригген 6 июня 1857 года составил доверенность: « Милостивая Государыня Александра Тихоновна! По случаю моего отбытия из города Кургана в город Глухов, потом в Петергоф, прошу Вас покорно, приняв на себя поручения получать вместо меня из курганского окружного казначейства... пожалованное мне пожизненное пособие по 23 рубля 27 ½ копеек серебром в месяц, начиная с 1 июня сего 1857 года по первое января 1858 года.»

Мария, иногда одна, иногда с матерью, подолгу жила у сестры Екатерины в Омске, крестила у неё дочку Машу. В 1859 году Екатерина с дочкой приехали гостить в Курган и здесь 30 июля девочка умерла полутора лет от кашля. В начале 1860 годов в Курган прибывают ссыльные поляки, участники тайных революционных кружков, готовившие восстание 1863 года. Среди этих политических ссыльных оказался дворянин Климент Крукович, который посватался к Марии и она ответила согласием. 21 января 1863 года в Богородице-Рождественской церкви венчались « сосланный на жительство мещанин города Кургана Климент Викентьевич Крукович, католического вероисповедания, первым браком, 29 лет и мещанская дочь, девица Мария Томникова, православная, 18 лет. Брак венчали священники Иоанн Волков и Василий

Гвоздицкий. За жениха ручался курганский земский исправник, коллежский советник и кавалер Игнатий Лаврентьевич Монкевич и Тобольского округа Адбажской волости второй кандидат по волостному голове Андрей Аполлонович Запольский; за невесту – губернский секретарь Николай Дионисьевич Чудинов и ишимский мещанин Пётр Иванович Ступачёв.»

4 февраля 1864 года у молодоженов родилась дочь Валентина, воспитанниками были коллежский асессор Фёдор Капитонович Фарофонтов и вдова бывшего земского исправника Анна Васильевна Дуранова. Девочка умерла 2 января 1865 года от поноса. Замужество Марии Александровны продолжалось недолго, Крукович умер от чахотки 15 июня 1864 года. Этот год был тяжёлым для Марии Александровны. Во время большого пожара, уничтожившего центральную часть города, сгорела и её усадьба. Здоровье матери, Александры Тихоновны, было совершенно расстроено. В Курган был вызван Николай, которому было уже 16 лет. После смерти Бриггена он, по некоторым данным, воспитывался в семье Н.И.Тургенева. В Кургане Николай прожил довольно долго, вместе с сестрой в 1864 году говел и в Великий пост исповедался в Богородице-Рождественской церкви. Вероятно, 2 июня 1865 года Александра Тихоновна умерла при нём.

Мария Александровна осталась сиротой и вдовой без крыши над головой. Ей на помощь пришёл местный городничий Михаил Авенирович Карпинский. В 1859 году он служил частным приставом второй части Тобольской градской полиции, в 1860 или 1861 году переведён в Курган заседателем земского суда. Знакомство Марии и Карпинского произошло в это время, но в конце 1862 года Михаила Авенировича перевели в Ишим на такую же должность. Он использовал каждую возможность приехать в Курган. Известно, что в 1863 году был командирован сюда на несколько месяцев, 9 октября 1864 года переведён в Курган городничим. Здесь он получает новый чин – произведён из губернских в коллежские секретари, в 1866 году – из коллежских секретарей - в титулярные советники. Наследство Александры Тихоновны было поделено между Екатериной, Николаем и Марией, которой досталась часть усадьбы, купленной её матерью в 1856 году. Поскольку Мария была ограничена в средствах, все постройки на пустопорожной после пожара усадьбе были возведены на деньги Михаила Авенировича – деревянный двухэтажный дом, амбар, завозня, погреб. Карпинский не мог жениться на Марии Александровне, так как был женат, тем не менее 1 апреля 1866 года у них родилась дочь Мария. Крестили девочку в Богородице-Рождественской церкви, воспитанниками были смотритель уездного училища Дмитрий Иванович Летешин и жена капитана Шухова Мария Антоновна. Девочка умерла в младенчестве.

В 1867 году Карпинский был переведен из Кургана в Тюмень тоже на должность городничего, получил чин надворного советника. Какое-то время Мария Александровна тоже не живет в Кургане, числится «в отлучке» возможно вслед за Карпинским едет в Тюмень, но возвращается в Курган, чтобы 20 марта 1871 года родить сына Сергея (умрёт в младенчестве), воспитанниками были

купеческий сын Александр Иванович Луговской и купеческая жена Екатерина Егоровна Березина. Свёкор Екатерины Семен Иванович Березин крестил брата Марии Николая Томникова. Александр Иванович Луговской был в тесных отношениях с Карпинским, тот крестил у него 14 сентября 1872 года дочь Людмилу, так что они были перекрёстными кумовьями. У Луговского Карпинский взял крупную сумму денег во время строительства дома для Марии Александровны. Чтобы отдать долг Михаил Авенирович решает продать дом в городе Ирбите, выстроенный им на месте, доставшемся в наследство от отца.

Он даёт 9 марта 1872 года доверенность Николаю Петровичу Коровьеву, крестьянину Пермской губернии Камышловской волости: «Милостивый государь Николай Петрович! Предположив в продание принадлежащий мне каменный двухэтажный дом с флигелем, находящийся Пермской губернии в городе Ирбите на Николаевской улице близ Гостиного двора, покорнейше прошу вас принять на себя труд продажи этого дома... Документы на этот дом имеете получить от проживающей в том доме надворной советнице Пелагее Никифоровне Карпинской, деньги же, которые Вы получите от покупателя за дом, имеете отправить ко мне в город Курган...Продать дом Вы можете всякому постороннему лицу за выгодную цену... если только не согласна будет купить его жена моя Пелагея Никифоровна Карпинская за низшую против посторонних цену...» Пелагея Никифоровна купила дом за 2159 рублей серебром и продолжала жить в Ирбите, а Карпинский жил с Марией Александровной, которая следовала за ним из города в город.

В связи с тем, что с 1872 года в Тюмени было введено Городовое Положение 1870 года, по которому городничий заменялся городским головой, Карпинский был уволен от службы, какое-то время жил в Кургане, затем был определён омским окружным исправником. На этой должности он получил чин коллежского советника, при каждом удобном случае Карпинский старался приехать в Курган, летом 1876 года он провел здесь 28-дневный отпуск, после чего был перемещен на должность помощника тобольского окружного исправника и с этой должности «уволен от службы, согласно прошению, по расстроенному здоровью» .

Оставив государственную службу Михаил Авенирович сотрудничал в Кургане с Общественным банком Василия Багашева. Был ходатаем по его делам, о чем можно судить по доверенности 1879 года: «Милостивый государь Михаил Авенирович! Курганский Общественный банк доверяет Вам ходатайствовать за него по всем делам, касающихся интересов его как производящихся, так и впредь могущих возникнуть в порядке судопроизводства гражданского, уголовного и торгового охранительного и исполнительного, а также и в административном порядке.» Мария Александровна 6 мая 1880г. купила у солдатки Ирины Егоровны Барышевой усадьбу на Троицкой улице, между переулками Телеграфным и Казарменным, как раз против бывшего дома декабриста Кюхельбекера. Старую усадьбу, которой Крукович и Карпинский владели по раздельному акту от 7 мая 1869г., они продали 8 октября 1882г. крестьянину

Ивану Григорьевичу Александрову за 200 рублей серебром. На вновь купленной усадьбе стоял деревянный одноэтажный дом, два амбара, завозня, конюшня, две стаи, баня. По оценке раскладочной комиссии усадьба стоила 175 рублей серебром.

У невенчаных супругов подрастал сын Федор. Все ранее родившиеся дети умирали в младенчестве. 29 марта 1881г. родился Илья, которого крестили в той же Богородице-Рождественской церкви восприемники: акцизный надзиратель Петр Иванович Орлов и чиновничья дочь Екатерина Константиновна Карпинская. Мальчик тоже умер в младенчестве. 1 июня 1883г. Мария Александровна родила сына Георгия. Его восприемниками были начальник курганской телеграфной станции Григорий Стефанович Долбышев и опять Екатерина Константиновна Карпинская. (Установить, была ли она родственницей Михаила Авенировича, не удалось). Обряд совершал о. Иоанн Волков. В 1890г. у Марии Александровны родился последний ребенок – сын Василий. Произошло это в городе Красноуфимске и крещен он был там же, в Свято-Троицком соборе. По какой причине Карпинский и Крукович жили какое-то время в Красноуфимске-неизвестно. После рождения этого мальчика Мария Александровна возвращается в Курган уже навсегда.

Михаил Авенирович решает усыновить своих детей от Марии Александровны. С трудом он получает от своей законной жены, с которой не виделся годами, согласие на оформление документов. Сначала усыновляют Федора, который 23 сентября 1894 г. определен в штат Тобольского общего губернского управления по 1 отделу, с правом канцелярского служителя 3 разряда с производством содержания. 18 июля 1894 г. Карпинский представляет в Тобольский губернский суд прошение об усыновлении Федора Круковича, которое удовлетворено судом 15 апреля 1895 года. Тут же молодой Федор уходит в отставку, но в январе 1898 г. возвращается на службу: «Определяется отставной канцелярский служитель Федор Карпинский (бывший Крукович) на службу в штат вверенной моему управлению Казенной палаты со 2 января 1898 г. с правами – по усыновлению его коллежским советником Карпинским – канцелярского служителя 3 разряда. Таков был приказ управляющего Тобольской Казенной палаты.

После усыновления Федора Карпинский начинает хлопотать об усыновлении Георгия и Василия. Тобольский губернский суд 4 августа 1895 г. рассмотрел дело и направил отношение в Тобольскую духовную консисторию, которое было там оглашено 21 декабря 1895 г. «Коллежский советник Михаил Авенирович Карпинский, жена его Пелагея Никифоровна и мещанская вдова города Кургана Мария Александровна Крукович заявили ходатайство об усыновлении первыми двумя с передачей фамилии и гражданских прав их воспитанников и детей последней Георгия и Василия Круковичей, при чём в прошении своём просители объяснили, что как метрические выписки о рождении названных детей, так и все документы, необходимые для усыновления просителями представлены в суд при прошении от 18 июля 1894 г. об усыновлении ими сына Крукович Федора...то

при деле находятся следующие документы: копия с аттестата о службе Карпинского, метрические свидетельства о рождении обоих Карпинских, свидетельство о рождении незаконнорожденных Георгия Круковича и Василия Круковича и удостоверения полиции о неимении Карпинскими детей.

Рассмотрев настоящее дело и принимая во внимание находящиеся при деле документы, установлено, что усыновители имеют более 30 лет от роду и старше усыновляемых Георгия и Василия более чем на 18 лет; что Карпинские не имеют детей и что на усыновление Карпинскими названных детей изъявила согласия мать их Мария Крукович. Суд полагает ходатайство Карпинских об усыновлении их Георгия и Василия Круковичей удовлетворить, передав последним фамилию усыновителей... (Декабря 21 дня 1895 г.)» Георгий и Василий, теперь уже Карпинские, продолжают жить с матерью в Кургане. Георгий служит по тюремному отделению Тобольского губернского управления. В августе 1903 г. смотритель курганского военного замка получает приказ губернского тюремного инспектора, согласно которому 1 августа 1903 г. «уволен от службы в отставку... состоящей в штате тюремного отделения и откомандированный в Ваше распоряжение канцелярский служитель Георгий Карпинский.» После отставки Георгий уезжает учиться в Томск, женится. Жену звали Анна Васильевна. С Марией Александровной остаётся младший сын Василий, который учится в курганском городском 4-классном училище. Но учится так плохо, что в 1904 году получает годовую оценку за поведение – 4, по истории – 3, по всем остальным предметам – 2, и в итоге оставлен во втором классе на второй год. 5 октября 1909 г. скоропостижно умирает Мария Александровна Крукович. Святых тайн успел её приобщить о. Македон Волков, отпевал и хоронил ее отец Иоанн Волков. Мария Александровна была схоронена на приходском кладбище Богородице-Рождественского собора. В документе о смерти она записана как Крукович-Карпинская. После 1909 года сыновья Марии Александровны, внуки декабриста Бриггена, в Кургане не появляются.

ЗАВАЛИШИНЫ В КУРГАНЕ

История Кургана связана даже с теми декабристами, которые сами никогда не были в нашем городе. Например, с Дмитрием Иринарховичем Завалишиным. В Кургане в разное время жили его брат, дочь и внуки. Дмитрий Иринархович, лейтенант 8-го флотского экипажа, преподаватель астрономии, высшей математики, механики, теории морского искусства и других предметов в Морском корпусе, был арестован как член Северного общества, хотя это никогда

не было доказано. Его младший брат Ипполит, юнкер Артиллерийского училища, уже после ареста старшего брата написал на него донос, в котором припутал и свою сестру. Донос был сплошным вымыслом и настолько отвратительным, что Ипполит был исключен из училища и отправлен по пересылке солдатом в Оренбург. Всю жизнь его будет преследовать болезненная потребность доноительства. Когда по этапу Завалишин прибыл во Владимир, местный губернатор граф Апраксин, сожалея о его загубленной молодости, сделал ему некоторое снисхождение, о котором Завалишин немедленно донес в Петербург и сердобольный граф лишился своего места.

Дойдя в начале 1827г. до Оренбурга, Завалишин нашел там тайное общество масонского типа, состоявшее из юнкеров и молодых офицеров. Объявив себя членом петербургского тайного общества, он вошел в доверие к местным вольнодумцам, а в апреле уже составил донос на 33 человека на имя военного губернатора Эссена. Под стражу было взято 8 человек, но и Завалишин был арестован. Находясь под караулом, он пытался замешать в дело еще много лиц и даже послал донос в Петербург о злоупотреблениях самого Эссена, который для губернатора не имел никаких последствий. 12 августа 1827г. Николай 1 подписал приговор, по которому трое офицеров оренбургского гарнизона и Завалишин были осуждены на каторжные работы в Сибирь сроком от 3-х до 6-ти лет. Все четверо были отправлены в Нерчинские рудники, а в конце 1930г. они оказались в Петровской тюрьме, куда были переведены и декабристы.

Как вел себя Завалишин, рассказывает в своих воспоминаниях декабрист Фролов: «...он пел и посвистывал, проходя мимо нас, не выказывая ничем ни малейшего раскаяния, ни стыда, ни хоть сожаления о молодых людях, которых он погубил. Я шесть лет пробыл с ним в одной ограде и при встрече с ним проходил, не обращая на него внимания. Так же и все поступали». Со временем Ипполит Завалишин, оставаясь в каторжных работах, получил возможность жить вне острога. Вел он себя заносчиво. 23 июля 1842г. управляющий Петровским железным заводом капитан Таскин отправил рапорт генерал-губернатору Восточной Сибири Руперту, в котором доносил, что вынужден был заковать Завалишина в кандалы за его дерзкое поведение. В ответ на этот рапорт генерал-губернатор приказал «употреблять Завалишина в тяжкую работу скованным в течение одного месяца». Петровский завод облегченно вздохнул, когда Ипполит Завалишин был переведен в Верхнеудинск, а потом в Курган.

Приехав в Курган в 1850г., Завалишин нашел здесь декабристов Ф.М.Башмакова, А.Ф.Бриггена, Д.А.Щепина-Ростовского, которые никаких отношений поддерживать с ним не собирались. Он же свою деятельность в Кургане начал с того, что в марте отправил графу Орлову, начальнику 3-го отделения, поэтический опус «Рукопись о государственной эпопее», в котором славил династию Романовых. Резолюция 3-го отделения гласила: «Хотя сочинение Завалишина исполнено хорошего духа, но написано тяжелыми стихами и без всяких литературных достоинств, а потому оставить рукопись без внимания». Как раз в это время сгустились тучи над Бриггеном, в связи с делом

крестьянина Власова, несправедливо обвиненного в убийстве и взятого под защиту декабристом. Бриггена переводят в Туринск. Но Завалишин уже успел настрочить донос и на него, и на Башмакова, и на Щепина-Ростовского. Из Туринска Бригген пишет Евгению Оболенскому 1 июня 1851г. : « ...по случаю глупого завалишинского доноса...я забочусь не о себе, а о старике Башмакове и Ростовском и опасаясь, чтобы пьяный и дерзкий Тарасевич (курганский городничий - А.В.), внушаемый злодеем Завалишиным , не наделал больших неприятностей этим господам, которые не всегда бывают осторожные».

Через месяц с небольшим, 7 июля, Бригген сообщает тому же Оболенскому: «...этого мало, чтобы донос этого поношения рода человеческого, называемого Завалишиным, остался без действия, а надобно, чтобы он вместе с негодяем Тарасевичем был бы за это наказан...Надобно знать, как этот Завалишин на всех перекрестках трубит про бедную М.Н.Волконскую, что она вторая Мессалина, самый же снисходительный его отзыв об наших, с коими он находился в Петровском, это глупец или дурак...Конечно, все это заслуживает презрения, но...если ругательства переходят в действия – и еще какие –то следует принять меры, чтобы унять такую гадину». Дружба Завалишина и курганского городничего была скоротечной. По доносам Завалишина тобольский губернатор В.М.Энгельке назначил произвести следствие чиновнику Тобольского губернского правления Угрюмовскому, но Завалишин заподозрил его в пристрастии и написал об этом генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х.Гасфорду, прибавив попутно донос о грабительствах и взятках своего друга Тарасевича После расследования курганского городничего отправили в отставку с выговором от Совета главного управления. Но следствие шло и по делу Завалишина. В октябре 1851г. Бригген пишет Оболенскому: « Я жду только, чтобы меня запросили и тогда я этого отверженника Завалишина...загроплю и совершенно уничтожу и буду требовать , чтобы, руководствуясь Уложением, его бы публично за ложный донос наказали через палачей».

Через четыре года Гасфорд в рапорте Дубельту от 5 октября 1855г. указывал, что за короткий срок Завалишин под своим и чужим именами сочинил в Кургане 183 кляузы. Завалишин создавал себе ореол борца за справедливость, и к нему потянулись крестьяне с жалобами на власть. Гасфорд указывал в своих рапортах, что Завалишин особенно увлекал своими неблагонамеренными советами и обещаниями крестьян, которые по простоте своей доверяли ему. Он возбудил поселенцев из внутренних губерний к жалобам на неудобство будто бы отведенных им мест и на притеснение местного начальства. Кроме того, он гласно и притом в оскорбительных выражениях порицал действия полиции, оказывал неуважение к местной власти, во всех поступках проявлял характер беспокойный, дерзкий и необузданный. 12 ноября 1854г. по распоряжению генерал-губернатора Завалишина посадили в курганский острог, обвинив в ябедничестве, в подстрекательстве разных лиц к подаче несправедливых жалоб, в буйстве и пьянстве и по подозрению в хищении у одного курганского купца 50 рублей серебром. 19 мая 1855г. из Туринска в Курган возвращается А.Ф.Бригген, вновь поступает на службу в суд и ему, по странному стечению обстоятельств,

приходится судить Завалишина. В письме к Ив.Ив.Пушину от 14 июня Бригген пишет: «Этот несчастный человек, о коем никто не скажет доброго слова, теперь мне даже жалок. Жена его валяется у меня в ногах в тщетном уповании, что я могу много сделать, тогда как он сам вооружил весь свет против себя. Телесного наказания он избегнет...но ссылки не избежит ни в каком случае. Он исключен из списка государственных преступников, следовательно, лишился и пособия».

Подстать Ипполиту Иринарховичу была и его супруга. Он женился в Петровском заводе на дочери отставного служителя Луки Сутурина – Авдотье. Она была моложе Завалишина на 16 лет и по дерзости характера мало уступала мужу. В Кургане на свое имя она купила дом, одобрила решение мужа взять положенные ему 15 десятин земли. 30 августа 1850г. тобольский окружной землемер Завьялов выехал на межу, чтобы нарезать Завалишину положенный участок земли из дач, прежде отводимых А.Е.Розену с товарищами, вблизи Бошняковского озера. Бригген предполагал, что после заключения в острог Завалишина лишат пособия, но ходатайства Авдотьи Лукиничны не пропали даром. Пособие продолжали платить. По приказу Тобольской казенной палаты от 23 мая 1856г. и согласно отношению курганского городничего от 19 июня 1856г. государственным и политическим преступникам и «жене государственного преступника Завалишина, содержащегося в тюремном замке», выдали пособие, общей суммой 514 руб. 28 коп. Авдотья Лукинична и ее мать штурмовали письмами царя, начальника 3-го отделения Орлова, шефа жандармов Долгорукова в надежде, что «сквозь тьму неправды возьмет верх русская правда». В свою очередь Гасфорд в официальных бумагах в Петербург обвинял Завалишина во всех смертных грехах и упрашивал царя, чтобы дело о нем было скорее кончено и чтобы Западная Сибирь была избавлена от этого злонамеренного и дерзкого человека. В одном из донесений генерал-губернатор писал: «я просил бы как милости удалить из Кургана и округа с запрещением вообще иметь пребывание в городах и многолюдных местах Западной Сибири».

В 1857г. Ипполит Иринархович был переведен из Кургана в Пелым. Тобольская казенная палата 3 июля предписала курганскому казначейству немедленно выдать из экстраординарной губернской суммы курганскому городничему Адаму Бучковскому 24 руб. 24 коп. серебром на прогоны до Пелыма, «следующие поселенцу из государственных преступников Ипполиту Завалишину». Завалишин срочно уехал один, сопровождаемый конвоем, жена осталась в Кургане, чтобы продать усадьбу. Сразу после водворения в Курган Авдотья Лукинична купила у крестьянина Бурцова Ефима усадьбу размером 12х30 сажень на улице Дворянской в Троицком приходе, с деревянным одноэтажным домом. Теперь ей был нужен покупатель. Найти его удалось только через год. 2 июля 1858г. Авдотья Лукинична продала усадьбу за 242 руб.85 коп. серебром; заплатив 23 рубля пошлины в казначейство, она выехала к мужу. Так закончилось пребывание в Кургане семейства Ипполита Иринарховича – брата декабриста Дмитрия Иринарховича Завалишина.

Через 60 лет в Кургане оказывается семейство Зинаиды Дмитриевны Еропкиной, дочери Дмитрия Иринарховича Завалишина. Шестеро детей Дмитрия Иринарховича (4 дочери и 2 сына) родились в Москве от второго брака, после его возвращения из Сибири. Зинаида Дмитриевна родилась 30 апреля 1876г. и была четвертым ребенком в семье. Уже будучи замужем , она окончила с отличием медицинский институт в Петербурге. Специальностью своей избрала женские и детские болезни. Совершенствовалась в Германии и Париже. Владела французским, немецким и английским языками, знала латынь и греческий. Еропкина сменила несколько мест службы. Работала в московском и тверском земствах, в санатории чахоточных в Крыму, в клинике детских болезней при Петербургской Военно-медицинской академии, преподавала в университете и медицинском институте. Перед революцией работала школьным санитарным врачом и врачом охраны материнства.

Зинаида Дмитриевна рано овдовела, имея на руках пятерых детей. Когда началась гражданская война, она оказалась вместе с детской колонией на Урале, а потом судьба забросила ее в Курган. Это был уже 1919 год. В городе царил разуха, все врачи были мобилизованы, и Зинаида Дмитриевна оказалась единственным дипломированным врачом. На ее плечи легла организация курганского советского здравоохранения. Она одновременно исполняла обязанности главного врача крестьянской больницы, переименованной во 2-ю Советскую, возглавляла организованную ею детскую больницу – 3-ю Советскую и была врачом коммунальных столовых помощи голодающим. 22 сентября 1919г. был организован уездный отдел здравоохранения, а при нем коллегия, председателем которой назначили З.Д.Еропкину. Кроме работы в городе, приходилось часто выезжать в уезд. Дома оставались дети. В Кургане с нею было четверо сыновей. Старший из них, Митя, был для братьев за мать и за отца. Но это не мешало ему прекрасно учиться, увлекаться физикой и астрономией, много читать. В 1923г. он уезжает в университет. В 1925г. уезжает и Зинаида Дмитриевна с сыновьями. Но связь с Курганом не прервалась. Дмитрий Еропкин постоянно пишет письма своей любимой учительнице Любове Васильевне Крючковой. Он рассказывает об учебе, о посещении музеев и присылает открытку, на которой изображен фрагмент картины А.Иванова « Явление Христа Марии Магдалине». Он пишет на обороте: « Эта картина (я ее видел) написана тем самым Ивановым, о котором писал Гоголь в своей « Переписке с друзьями». Он только недавно оценен, как надо. За это время был на опере « Князь Игорь» Бородина и балете « Фея кукол». Дмитрий находил время на знакомство с искусством, хотя заниматься приходилось много. Он обещал стать выдающимся ученым. Уже в 1929г., вскоре после окончания университета, он присылает Л.В.Крючковой сборник « Доклады Академии наук СССР» со своей статьей « К определению поглощения в атмосферах планет». В 1934г. Еропкин выступает с докладом на конференции « Теория стратосферы с точки зрения астрофизики». Он высылает публикацию в Курган с надписью « Дорогой Любове Васильевне Крючковой от автора – бывшего ученика Д.Еропкина. 22.4.1935.»

На следующий год Любовь Васильевна узнает, что Дмитрий арестован. 22 декабря 1936г. она пишет письмо президенту Академии наук СССР, депутату Верховного Совета СССР Комарову. « Владимир Леонтьевич! Вам, имя которого знают в нашем Союзе, пишет учительница, проработавшая в одном из городов Челябинской области бесценно 18 лет. Я получила письмо от матери своего бывшего ученика Д.И.Еропкина (он работал в Пулковской обсерватории и был секретарем Академии по отделу изучения стратосферы). Она пишет о сыне. Письмо тяжелое, полное страданий. Я не знаю, что он сделал, что с ним случилось. Вижу только глубокое волнение за участь сына. У ней горячая надежда на Вас, Владимир Леонтьевич, как свидетеля большой работы ее сына в науке...Д.И.Еропкина я знала с 12 лет. Он учился несколько лет в нашей курганской школе. Это был живой и пылкий ум...Его любовь к работе, необыкновенная начитанность, интерес к науке выделяли его из среды товарищей. Уже в те годы он читал необыкновенно много, уже двенадцатилетнего его занимали и Фламарион и Кеплер. Знаю, что первые годы его ученья в университете дались ему тоже в трудах...Я не переставала следить за ним. Сведения по газетам, сообщения окружающих доносили весть о нем как о работнике, целиком ушедшем в науку. Я видела его дипломную работу, статьи в бюллетене Академии , заметку о его последнем труде (озонирование неба) в «Известиях» 1935 года. Я верила в него, как большого будущего работника науки. Ваше слово веско. Вы знаете о его работоспособности. Вам судить его...»

Прошел год. Академик Комаров не помог. 15 декабря 1937г. Зинаида Дмитриевна пишет: « Дорогая Любовь Васильевна! Вот уже 3,5 месяца, как мой бедный Митечка томится в совершенной изоляции. За все это время ни одной строчки не получила от него, кроме подписи на передаче! Пишу ему и открыточки с обратным ответом, посылаю деньги с обратной распиской и ничего ему, наверное, не передают, ответа не получаю. Пишу и толкаюсь во все двери, но толку мало. Из Москвы был запрос прокурору ЛВО, бываю у него раз в месяц на приеме, вылепилось, что враги Мити так ужасно мстят ему за то, что он, будучи ученым секретарем КИСО (коллегия по исследованию солнца), исключил их из числа членов. Сейчас вижу, что туберкулез ему обеспечен, т.к. сидит на северную сторону без света и воздуха, не говоря уже о психике. Писала отчаянные письма Е.П.Пешковой (бывшая жена М.Горького). Она возглавляет помощь политзаключенным, но получила официальную бумажку, что надлежит мне обратиться к прокурору! Стараюсь поддерживать его питанием, посылаю все самое лучшее, не знаю, доходит ли? Каждый раз перед закупкой гоняю по больным по городу до 2 часов ночи, была на волосок от смерти – лежала под автобусом, к счастью, он остановился. Но ушиб был такой, что думала без паралича не обойтись. ..Знаю, случись что со мной, Митя совсем погибнет, потому что братья и невестки очень мало заботятся о нем! Кажется, писала Вам, что Комаров был здесь и не принял меня, хотя очень просила это сделать через жену его. Знакомые партийцы сейчас от всего и от меня отрешиваются. Так и умрешь за правду, не добившись ее!»

Дмитрий Еропкин, названный в честь деда – декабриста, погиб в 1937г. Сама Зинаида Дмитриевна прожила до 1956г. До самой смерти она не порывала связи с Курганом, посылая и получая редкие весточки от Любови Васильевны Крючковой.

ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ ГОРОДА КУРГАНА.

В 1817г. в Кургане открывается первое учебное заведение - мужское уездное училище и с этого времени можно говорить о курганских учителях. Правда, до этого существовала частная школа Игнатия Осиповича Ольшевского. Это был ссыльный из малороссийских шляхтичей, уроженец Родомыльского уезда Киевской губернии. С 1804 по 1814 гг. проживал в Ялуторовске, давал частные уроки, даже открыл небольшую школу, которая просуществовала до 1809 г., чем и зарабатывал себе на жизнь. Будучи переведенным на поселение в Курган, он и здесь занялся обучением мальчиков, дело шло прекрасно, учеников было много. Открытие уездного училища постепенно лишило его учеников. Учительский корпус первоначально состоял исключительно из мужчин, выходцев из различных сословий и с разным уровнем образования. Служили они в Кургане от одного года до нескольких лет. Ответственность за училище лежала на смотрителях, которые к тому же вели занятия в каком-либо классе и только позже, с появлением учителей-предметников смотрители стали заниматься непосредственно своими обязанностями. Первым смотрителем уездного училища был Кондрат Семенович Сосунов, сын дьячка из Ишимского округа, окончивший тобольскую духовную семинарию. Он вел уроки во втором классе и преподавал Закон Божий, но хозяйственные и организационные хлопоты заставили с февраля 1818г. привлечь к преподаванию Закона Божия диакона Троицкого собора Иоанна Андреевича Климовского, тоже выпускника тобольской духовной семинарии, как раз в феврале переведенным в Курган из иковской Васильевской церкви. Климовский, как и Сосунов, был из духовного звания. Только учитель первого класса и рисовального искусства Евгений Михайлович Кочурин, из обер-офицерских детей, был казенно-коштным воспитанником тобольской гимназии. Дети пришли в училище совершенно неподготовленными и Сосунов уже на следующий год добился открытия приготовительного класса и учителем для него был вынужден взять с разрешения начальства все того-же Ольшевского. Ему платили ежемесячно из сумм училища 8 рублей и Сосунов из своего жалованья доплачивал 7 рублей. Продолжалась ли эта практика при других смотрителях – неизвестно.

5 декабря 1820г. « нечаянною смертью » скончался смотритель Сосунов. Среди жителей Кургана ходил слух, что он играл в карты у окружного стряпчего и проиграл училищные деньги. Вышел во двор и бросился в колодец, в котором и был обнаружен уже мертвым. На его место смотрителя и учителя второго класса был перемещен Кочурин, Климовский был вынужден кроме Закона Божия вести уроки в первом классе и в таком составе они работали до 1823г. 10 марта 1823г. учителем Закона Божия определен священник Афанасий Стефанович Бирюков, тоже выпускник тобольской семинарии и Климовский остался учителем только первого класса. Он очень редко посещал училище, часто являлся в пьяном виде, знаний детям почти никаких не давал. Евгений Михайлович Кочурин проявил себя слабым руководителем, не мог справиться с Климовским и в городе сложилось общественное мнение не в пользу училища. Чтобы пресечь беспорядки, в 1827г. весь училищный штат был заменен. Кочурин был перемещен в Тобольск и в 1837г. сделался Директором училищ Тобольской губернии, при том очень жестким. Несколько раз в этом статусе приезжал ревизовать курганское училище.

Вместо Кочурина Советом Казанского университета смотрителем был определен канцелярист Общего тобольского губернского управления Александр Иванович Гольстрем. Он был молод, всего 25 лет, но , вероятно, очень ответственен. Привез в Курган мать и 17-летнего младшего брата Ивана, который поступил в окружной суд канцеляристом. В Кургане Александр Иванович 22 октября 1828г женился на дочери покойного коллежского асессора Гурьева - Александре , но в мае 1830г. она умерла от чахотки. Гольстрем снова женился, 26 августа 1832г. он обвенчался с Александрой Федоровной Серебряковой, дочерью бывшего земского исправника. В училище он начал править твердой рукой, строго следил за преподавателями и если его замечания не имели воздействия, докладывал по инстанции. В 1829г. Гольстрем доносил Директору тобольской гимназии Ивану Павловичу Менделееву о том, что законоучитель Дмитрий Иванович Федоров « кроме недостатка познаний необходимых для преподавания Закона Божия оказывает явное нерадение к должности, каждый почти класс должно вызывать его в училище посредством сторожа, но и сие не всегда бывает удачно, ибо он часто отлучается из квартиры и даже из города».

Смотритель просил отстранить отца диакона от должности и добился этого. Федорова сменил священник Троицкого собора Стефан Яковлевич Знаменский. Имя этого пастыря станет известно по всей Сибири. Он будет дружить с декабристами, с Федором Достоевским, который выведет его в « Бесах» в образе Тихона Задонского. Ялуторовская воспитанница декабриста Мат. Ив. Муравьева-Апостола Августа Созонович в своих воспоминаниях писала: « Дети собирались в школу как на праздник. Протоиерея Знаменского они всегда нетерпеливо ожидали и слушали с благоговением. Его прекрасная наружность вполне соответствовала сану священнослужителя: немного выше среднего роста, худощавый, но при слабом здоровье, он не имел следа утомления или болезненного изнурения постника, походка его была легкая, все движения просты и естественны, кротость

и спокойствие чистой совести отражались в его черных глазах и одушевление его лица было как бы человека не от мира сего»). В своих «Добрых и полезных наставлениях» Знаменский размышляет о том, что если хочешь подать кому-либо добрый совет в пользу дела, то не надо говорить учительским тоном, который всегда имеет нечто суровое, напротив «с тихостью наставляй, советуй, увещивай примером». Стефан Знаменский родился в августе 1806г. в Барнаульском округе в семье священника, учился в тобольской семинарии, после окончания курса в 1824г. женился на Александре Львовне Земляничной, дочери умершего кафедрального протоиерея. 15 сентября того же года был рукоположен священником к Петропавловскому собору г. Барнаула, откуда 10 сентября 1826г. перемещен к Троицкому собору г. Кургана. В Кургане служил секретарем земского суда его старший брат Илья. Стефан Яковлевич намеревался жить в Кургане долго, здесь у него родились сыновья Николай и Михаил. В 1835г. он попросил отвести ему усадьбу под строительство дома. Как сообщает Александр Сулоцкий, прихожане по собственному желанию привезли ему из соснового бора по бревну с дома и помогли выстроить хороший дом, но едва это строительство закончилось, как Знаменского переместили в Тобольск и он лишился большого, хорошего и любившего его прихода и нового дома. Из Тобольска о. Стефан в 1840г. перемещен в Ялуторовск, где очень тесно дружил с декабристами, был духовником Нат. Дм. Фонвизиной, помогал Ив. Дм. Якушкину в устройстве ланкастерского училища. В конце 1853г. он перемещен в Омск, где и познакомился с Достоевским, навещал его в остроге. Скончался 2 апреля 1877г., отпевало и хоронило его все омское духовенство.

27 февраля 1830г. Ив. Пав. Менделеев в очередной раз прибыл в Курган ревизовать уездное училище. Кроме того, он предложил учителям принять участие в подписке на сооружение памятника Ермаку в Тобольске. Откликнувшись на этот призыв, учителя и ученики курганского училища собрали 10 рублей 20 копеек. После испытания учеников и присутствия на уроках Менделеев характеризовал Гольстрема как «к должности отлично усердного, поведения похвального и обществом уважаемого». Об учителе 1-го класса Иване Карповиче Эрне он отозвался так: «старателен, поведения хорошего и имеет все нужные качества наставника молодого юношества». Эрн был выпускником тобольской гимназии. Не всегда спокойно выслушивал замечания зрителя и между молодыми людьми довольно часто возникали конфликтные ситуации, которые вынудили Эрна просить о переводе. Прошение это было удовлетворено и 1 марта его перевели в тюменское уездное училище. За успешное ведение училищных дел Гольстрем 29 июля 1832г. был награжден бриллиантовым перстнем, казалось, его ждет большое будущее на педагогическом поприще, но в конце 1833г. у него начала развиваться скоротечная чахотка и он вышел в отставку. Умер 9 апреля 1834г. в Кургане. Младший брат его, Иван, умер 30-ти лет от горячки 4 мая 1842г.

Новым смотрителем училища стал учитель ишимского уездного училища Тимофей Корнилович Каренгин. В должность он заступил 9 февраля 1834г. и был

на этом посту до 10 июля 1854г. О нем остались противоречивые мнения. Составители исторической справки по уездному училищу Ещенок и Глуховцев, учителя того времени, утверждают, что Каренгин пользовался большим уважением и почетом между чиновниками и гражданами. Декабрист А.Ф.Бригген писал, что не доверяет ему. В отношении своих обязанностей Каренгин был чрезвычайно исполнителен, чистота и порядок у него всегда были на первом месте, этого он требовал от учителей и учеников. В Курган он приехал со всем семейством - женой Анной Ивановной, трехлетним сыном Никанором, который с 1858 по 1870гг. будет преподавать историю и географию в курганском уездном училище и скончается 15 февраля 1874г. от водянки; с ними приехали родители - Корнил Екимович и Евфимия Панфиловна, с ними дочери Татьяна, Марфа, Александра., которых выдадут замуж в Кургане за местных мещан. Корнил Екимович был отставным помощником вахтера провиантской части. Смотрителю предоставлялся дом против училища, по Береговой улице и сначала все семейство поселилось в нем, но со временем Корнил Екимович купил отдельную усадьбу, а Тимофей Корнилович остался в служебной квартире и после выхода на пенсию был ее лишен и доживал на съемных . В Кургане у него родилось три дочери – Мария, Елизавета, Екатерина и сын Апполоний, умерший в младенчестве. Старшая дочь Мария 26 октября 1853г. обвенчалась с Иваном Александровичем Асламовым, учителем истории и географии, преподававшим в курганском училище с 1851г., но еще до свадьбы, 7 апреля 1853г. , перемещенный в ялуторовское уездное училище учителем арифметики и геометрии. В 1854г. Каренгин вышел в отставку, ему была назначена пенсия 28 руб.02 коп. сер. Казенной квартиры он лишился и оказался, по неизвестной нам причине, на золотых приисках. 3 августа 1857г. горный исправник 2-го округа частных золотых промыслов Оренбургского края написал удостоверение для курганского казначейства следующего содержания: « Проживающий в Оренбургской губернии, Верхне-Уральского уезда на Александровском золотом прииске госпожи Баженовой, коллежский ассессор Тимофей Корнилиев Каренгин в настоящее время находится в живых, на службе не состоит, случаям, лишающих его права на получение пенсионна, не подвергался. В чем и удостоверяю надлежащим подписом с приложением казенной печати». Потом Каренгин вернулся в Курган, с ним жили сын Никанор и дочь Елизавета. 9 апреля 1885г. умирает его жена от водянки, 12 мая 1887г. умирает сам Тимофей Корнилович.

За свою 20-летнюю деятельность на посту смотрителя училища Каренгину не раз приходилось конфликтовать с учителями. Он еще застал в Кургане о. Стефана Знаменского и прекрасного математика Александра Гавриловича Худякова. Но в конце 1835 - начале 1836гг. они покинули Курган. Вместо Знаменского законоучителем стал протоиерей Яков Матвеевич Зудилев, преподавал с апреля 1836 по июнь 1844гг. Уроки он посещал регулярно и начальством всегда рекомендовался исполнительным. На самом деле к урокам он не готовился, на уроках заставлял просто читать Евангелие или Катехизис. Зудилев был выпускником тобольской духовной семинарии и был определен к курганскому Троицкому собору в 1830г. Родился в 1791г. в семье священника село-

Черемуховской Петропавловской церкви Матвея Ивановича Зудилова В течение 18-19вв. Зудиловы служили во многих храмах Курганского округа. В 1834г. о. Яков Зудилов был перемещен ко вновь строящейся Богородице-Рождественской церкви и хозяйственные хлопоты постоянно отвлекали его от училищных дел. В декабре 1835г. Дирекция тобольских училищ направила в Курган вместо Худякова Петра Александровича Лукина с характеристикой: «знающий и немало исполнительный, но в обхождении с учениками довольно строг, в выражениях весьма несдержанный и нередко употреблявший бранные слова» Ко всему, Лукин любил выпить.

В июле 1836г. в училище произошел крупный скандал. Кочурин, бывший курганский смотритель училища, будучи назначен инспектором тобольских училищ, возвращался из С-Петербурга в Тобольск и 10 июля заехал в Курган. Каренгин и Лукин явились к нему с визитом. Кочурин потребовал у Каренгина представить ему подробные сведения об училище, но Тимофей Корнилович отказался, мотивируя тем, что от Директора не имеет на это предписания. Кочурин пришел в училище и начал испытывать учеников, делая при этом учителям замечания и указывая на недостатки в недопустимо резкой форме. Лукин попросил его удержаться от своих замечаний, следовать которым он не собирается. Кочурин оскорбился и, не стесняясь присутствия детей, до того разгорячился, что велел сторожу вывести Лукина из класса. Лукин хладнокровно объявил ученикам об окончании классов и прочитал ученикам молитву, а сторожу велел подать шинель господину Кочурину. Со временем Лукин сделался более усердным к своим занятиям, Каренгин старался его образумить, поощрял малейшие благовидные поступки, выхлопотал для него награду -200 рублей, которые Лукин и получил 30 июля 1836г. И все-таки за неприличное поведение он был перемещен в тюменское уездное училище.

8 августа 1836г. курганское уездное училище было преобразовано по Уставу 8 декабря 1828г. , согласно которому было введено новое расписание штатов и новое жалованье. Смотрителю-1000 руб., законоучителю-500 руб., учителям – 750 руб. Был открыт третий класс. Предметы преподавания: Закон Божий, священная и церковная история, русский язык, арифметика, геометрия до стереометрии включительно, но без доказательств, география, история русская и всеобщая сокращенная, чистописание, черчение и рисование. По Уставу должности преподавателей могли занимать молодые люди, окончившие полный курс гимназии и предварительно подвергнутых в Педагогическом Совете гимназии установленному испытанию на звание учителя уездного училища. Если в округе не утверждена должность инспектора народных училищ , то смотритель является начальником всех училищ уезда. От преподавателей не требовалось буквального или машинального изучения предмета, но вменялось в обязанность, чтобы ученики понимали то, что им рассказывают и могли бы объяснить это своими словами. Для соблюдения строгой нравственности между учениками и для усиления этого надзора были введены очередные дежурства для учителей. В обязанности дежурного входило придти за полчаса до начала учения, прочитать

детям главу из Евангелия, выслушать общую молитву и разместить учеников по классам, отметить всех не явившихся в училище и на следующий день требовать от них объяснения. В присутствии дежурного ученики должны были выходить из училища, во все воскресные и праздничные дни ученики собирались в училище и под надзором дежурного ходили в церковь. Все учителя должны были давать подписки о непринадлежности к тайным обществам.

8 ноября 1836г. в училище появился новый преподаватель русского языка Петр Матвеевич Алякринский. Уроженец Симбирской губернии, из духовного звания, окончил казанское духовное училище, немного учительствовал в Чердыни, затем переведен в Курган. Человек молодой, но очень болезненный и в училище появлялся не каждый день. Каренгин даже донес Директору об этом, на что последовал отзыв « если Алякринский не представит законных причин о своей болезни, то вычесть из жалованья его, сколько следует». Но учитель был действительно болен и 4 октября 1840г. скончался от чахотки. Алякринский жил в Кургане один, без родных и хоронили его сослуживцы. На похороны из сумм училища было израсходовано 14 руб.28 коп. Деньги решено было вернуть училищу, продав оставшееся имущество, оцененное в 25 руб.62 коп. На торги были выставлены: шинель темнозеленого сукна на фланеле, мундирный фрак и брюки темнозеленого сукна, синий фрак с шелковыми пуговицами, два жилета-шелковый и суконный, три ситцевых рубашки, исподнее платье, четыре пары носков, четыре пары карпеток, три воротничка, манишка, зонтик, шляпа треугольная, фуражка, шпага с серебряным темляком, бритва с ремнем, печать яшмовая, два медных подсвечника и одни съемы, постель с тиковой наволочкой, одна простыня, кровать с двумя ящиками и три книги: Руководство к переводам с русского на латинский, Всеобщее землеописание и Естественная история. Вот такое имущество имели молодые учителя. Зонтик, шляпу, фуражку, подсвечники и съемы, а также книги купил Каренгин, шпагу и бритву с ремнем купил секретарь окружного суда Василевский, яшмовую печать – городничий Антон Антонович Соболевский, были ли проданы остальные вещи и кому – неизвестно.

Почти одновременно с Алякринским пришел в училище учитель истории и географии Григорий Васильевич Колмогоров.. Происходил из мещан, обучался в тобольской гимназии. В Кургане женился на 16-летней Елизавете Игнатьевне Ещенковой, дочери умершего курганского лекаря. Венчались 22 января 1841г. в Троицком соборе, обряд совершал коллега по училищу о. Яков Зудилов. Поручителями по жениху были городничий Соболевский и коллежский секретарь Иван Гольмстрем, брат умершего смотрителя; по невесте – окружной судья Александр Забелин и титулярный советник Дмитрий Убытков. В сентябре 1843 г. Колмогоров был определен в штат Общего Тобольского Губернского Управления. Позже служил секретарем канцелярии томского, а затем тобольского гражданских губернаторов. Одновременно с Колмогоровым училище покидает о. Яков Зудилов. Состав преподавателей обновился.

Большой радостью не только для училища, но и для города был приезд в феврале 1837г. Александра Гавриловича Худякова. Он был из тобольских мещан,

окончил тобольскую гимназию, немного служил по вольному найму в Главном Управлении Западной Сибири, потом учителем в Тюмени и Тобольске. В курганском училище он впервые появился в марте 1831г. вместо Эрна и служил до 1836г. Уже тогда он был одним из лучших преподавателей Тобольской Дирекции. В 1831г. с ним приехала вся семья - родители Гавриил Алексеевич и Наталья Андреевна, брат Петр и сестра Дарья. Дарью Гавриловну в Кургане выдали замуж за кондуктора 1-го класса Омской инженерной команды Михаила Васильевича Панаева. За невесту ручался Александр Гаврилович, за жениха-местный лекарь Евлампий Алексеевич Малинин и обер-офицер Константин Васильевич Маев. В Кургане Худяков отсутствовал немного более года. Во второй свой приезд Александр Гаврилович женился . 24 апреля 1838г. он обвенчался с Татьяной Александровной Андрюковой, дочерью умершего титулярного советника. За жениха ручались лекарь Малинин и учитель Алякринский, за невесту - судья Забелин и казначей Соломон Алексеевич Карпинский. 3 января 1842г. родился у них сын Иван, будущий революционер, фольклорист и этнограф. Можно предположить, что после женитьбы Худяковы жили в доме Андрюковых, на Троицкой, 57 (ныне угол Куйбышева и Ленина).

В конце педагогической деятельности Худякова начальство характеризовало его, как человека высокой нравственности. « Скромный характером, исполнительный в обязанностях, он в продолжении всей своей 25-летней службы по Министерству Народного Просвещения не только пользовался доверием и уважением учащихся, но и в среде лучших благородных обществ, где ему приходилось бывать , оставлял по себе приятные впечатления. Скромность и вежливость всегда составляли отличительную черту его характера». Еще в первый свой приезд в Курган Худяков подружился с декабристами. Особенно близко сошелся с Михаилом Александровичем Назимовым, который тоже был отличным математиком, чертежником, просто образованным человеком и у них было много тем для разговоров. Когда Назимова перевели на Кавказ, между ними установилась переписка, оставшиеся в Кургане декабристы почти в каждом письме передавали приветы от Худякова и сообщали подробности его жизни.

Во второй свой приезд Худяков подружился с Александром Федоровичем Бриггеном, который занимался переводами и посоветовал Худякову перевести с немецкого работу Ж.Джерандо « Нормальный курс для первоначальных наставников, или Руководство к физическому, нравственному и умственному воспитанию в первоначальных школах». Этот перевод был издан в Петербурге в 1838г. и обратил на себя внимание Министра народного просвещения Сергея Сергеевича Уварова, который объявил Александру Гавриловичу благодарность . Худяков выслал перевод Назимову на Кавказ. Эта книга помогла Худякову разработать свою методику преподавания. « Бессознательное разучивание уроков наизусть стараниями Худякова было совершенно изгнано, все необходимые арифметические правила выводились из простых примеров, даваемых учителем. Главное занятие по этому предмету во всех трех классах составляли упражнения в решениях несложных задач на счетах, ...для изучения геометрии по настоянию

Худякова училищем были приобретены деревянные геометрические тела и другие инструменты. При изучении географии ученикам вменялось в неперемнную обязанность чертить географические карты». Все это нам сообщает Историческая записка по училищу.

За отличную работу Худяков неоднократно поощрялся, в августе 1837г. он даже получил 250 рублей из общего капитала Гражданских учебных заведений. В марте 1842г. в Курган прибыл декабрист Николай Васильевич Басаргин, который был очарован Худяковым. Он сообщал своим товарищам: « Худяков добрый и хороший человек. Скромнен как девушка. Через него мы иногда можем беседовать мимо Тобольска и он с удовольствием будет нашим посредником. Только надобно быть осторожным, чтобы не навлечь ему какие-нибудь неприятности».. В Кургане Худяков регулярно получал новые чины – губернский секретарь (1838), коллежский секретарь (1840), титулярный советник (1842). К концу жизни он имел надворного советника. В октябре 1842г. Александр Гаврилович был определен штатным смотрителем Ишимских училищ, он уже перерос статус простого учителя. Позже он был одним из Директоров Тобольского губернского комитета, членом Попечительного Совета тобольской Мариинской женской школы, управляющим тобольским детским приютом и управляющим экспедицией о ссыльных. Скончался в 1867г. , жена его и сын умерли в один год, в 1876г.

Отъезд Худякова был для смотрителя Каренгина исключительно нежелательным. Вместо него определили выпускника тобольской гимназии Семена Александровича Васильева, который постоянно болел или сказывался больным и был для училища человеком бесполезным. 25 февраля 1844г. усилиями Каренгина его перевели в ялуторовское училище. Но пришли такие учителя, которых Каренгин называл головорезами и лиходеями. Это были Андреев, Воронов и Рихтер. С их приходом жизнь училища совершенно изменилась. Прежнюю тишину и согласие при Знаменском и Худякове сменили раздор и ябедничество. Учителя постоянно скандалили между собой, подавали рапорты друг на друга. 4 марта по приказанию Павла Александровича Андреева был жестоко наказан розгами сын поселенца Михайлова. Отец ученика засвидетельствовал следы розог у протоиерея Троицкого собора и одновременно законоучителя Иоанна Торопова и у заседателя окружного суда Дмитрия Убыткова. Дело было доложено Директору тобольских училищ, который уже 13 марта предложил Каренгину « за противозаконные поступки предоставить Андрееву возможность просить перемещения в другое ведомство или вовсе уволиться от службы, а в противном случае он подвергнется формальному суду за нарушение служебных обязанностей». Андреев из ученого ведомства был уволен. Начальник межевания казенных земель в Сибири полковник Будберг 7 июля 1845г. уведомил, что учитель Андреев Департаментом сельского хозяйства и государственных имуществ определен исправляющим должность младшего запасного землемера в колонизацию межевания казенных земель в Сибири с 1 июня 1845г.

Другим «головорезом» был учитель арифметики и геометрии Николай Петрович Воронов, из юнкеров морской артиллерии. Он был определен в курганское училище 18 июля 1844г. На торжественном акте в 1845г. Каренгин дал ему такую характеристику: «...Воронов обязанности свои отправляет со знанием дела, но будучи вспыльчив и строптив, мало успевает в искусстве преподавания. Склонен затевать ссоры, несогласием и различным званию наставника делам неприличности. Любит уклоняться от службы под предлогом болезни, приходиться в класс позже надлежащего, выходить из него ранее и вообще...делает неприличные отзывы о своем начальстве с дерзостью». Подстать Воронову был и Николай Петрович Рихтер, который окончил курганское училище в 1831г., потом тобольскую гимназию. Он был сыном бывшего туринского городничего Петра Семеновича Рихтера, майора 18-го егерского полка, который 10 ноября 1809г. обвенчался с дочерью курганского священника Екатериной Ивановной Антоновой, получил подполковника, вышел в отставку, умер в 1823г., оставив вдову и четверых детей. Николай Рихтер был способным артистичным ребенком, хорошо учился, школьником был на виду. В 1828г. Директор тобольских училищ Иван Павлович Менделеев проводил в курганском училище испытания и успехами учеников остался доволен. После испытаний Рихтер, тогда первоклассник, произнес речь, в которой изъявил собранию (а испытания были публичными) благодарность за участие в испытаниях. Через год Рихтер снова на испытаниях держал речь о пользе учения.

Учась в Тобольске, Николай принимал активное участие в ученических спектаклях. Сохранился отзыв Петра Павловича Ершова о таком спектакле: «Один из игравших учеников, если б дать ему надлежащее сценическое воспитание, был бы из первых актеров...Чудо! Каждое его слово, каждый жест, каждое движение лица было комическим в высшей степени. С самого его появления на сцену и до ухода рукоплескания не умолкали. Фамилия его Рихтер». Окончив гимназический курс, Николай Петрович в октябре 1838г. был определен на должность учителя чистописания, черчения и рисования. Но чтобы стать штатным учителем, а не исполняющим должность, нужно было подтверждение императорской С-Петербургской Академии художеств, которое и было получено в марте 1839г. Когда умер Алякринский, Рихтер в 1840г. занял его должность учителя русского языка. Артистические способности Рихтера требовали выхода и, вероятно, именно он был инициатором устройства в феврале 1844г. «театра» в зале училища, за что Каренгину было выражено неудовольствие Дирекции и впредь всякие постановки были запрещены. Каренгин так отзывался о Рихтере: «Учитель русского языка к должности усерден, но поведение его во многом становится предосудительным и даже противным наставнику юношества». Много шума в училище наделала ссора Рихтера с Вороновым, в результате которой в марте 1845г. Воронов вызвал Рихтера на дуэль, в случае отказа грозился убить его. Рихтер испугался и рапортом донес о вызове Каренгину. Тот принял соответствующие меры. Ровно через год, 5 марта 1846г. Рихтер был уволен, перешел секретарем в окружной суд, где служил его старший брат Алексей. Несмотря на дурную репутацию Рихтера с ним вели тесное знакомство

декабристы Бригген и Кюхельбекер, у которых он выполнял обязанности секретаря-переписчика.

Мало уступал Воронову и Рихтеру по скандальной известности Николай Иванович Лыткин, который был определен учителем истории и географии вместо Андреева. Из обер-офицерских детей, окончил тобольскую гимназию и был принят в Казанский университет, но со второго курса отчислен по малоуспешности и направлен в курганское училище. По словам Каренгина «поведение Лыткина неодобрительно во многих отношениях и подвергается нареканию со стороны людей благомыслящих». В октябре 1851г. Лыткин из ученого ведомства уволен. 1842-1846 годы были худшими за все время существования училища. Поддержку смотритель находил в лице законоучителя о. Иоанна Торопова и учителя Александра Егоровича Котельникова. Торопов был из духовного звания, обучался в омском духовном училище и тобольской семинарии, преподавал с 1824г. в тобольском духовном училище, из которого уволен в 1827г. и сразу рукоположен в иереи к градо - петропавловской Покровской церкви. Сан протоиерея получил в курганской Троицкой церкви в 1844г. Активно занимался открытием училищ при сельских храмах, в августе 1847г. возвращен в Петропавловск.

Котельников был из туринских мещан, выпускник тобольской гимназии. 19-летним юношей допущен 27 января 1842г. к исправлению должности учителя черчения, рисования и чистописания в курганском училище. Несмотря на молодость, был примерного поведения и четко исполнял свои обязанности. 6 ноября 1846г. обвенчался в Богородице-Рождественской церкви с Ольгой Ивановной, дочерью заседателя земского суда, титулярного советника Ивана Матвеевича Герасимова. За жениха ручались Каренгин и Воронов, за невесту-почтмейстер Михаил Васильевич Середкин и писец окружного суда Иван Дмитриевич Убытков. В 1852г. Котельников попросился в отставку и в марте был уволен из ученого ведомства. В 1859г. вернулся в училище на ту же должность, 24 июня 1872г. по прошению был определен в штат курганского окружного казначейства.

В начале 1840-х гг. перед Каренгиным встал вопрос об открытии приходского училища, т.к. уездное училище не могло принять всех желающих. Тем более, по губернии катилась слава об ялutorовском училище с ланкастерским методом обучения, открытом усилиями Ивана Дмитриевича Якушкина. 17 февраля 1844г. Тимофей Корнилович пишет о. Стефану Знаменскому, бывшему курганскому законоучителю: « При помощи Божьей и добрых людей в скором времени надеюсь в богоспасаемом Кургане открыть приходское училище, т.е. преобразовать пригготовительный класс. По этому случаю должен к вам явиться учитель мой...Усерднейше прошу...растолковать ему хорошенько весь ход методы». Учитель, о котором писал смотритель, Клементий Иосифович Воротынский, из семьи ссыльного поляка Иосифа Адамовича Воротынского. Окончил курганское училище в 1841г. и в нем же начал по предписанию Дирекции от 14 октября 1841г. вести пригготовительный класс, т.к. предыдущий

учитель Петр Иванович Спирев умер 1 августа. Воротынский и стал первым учителем Богородице-Рождественского приходского училища, открытого в сентябре 1844г. Через десять лет его перевели к заводу-Успенскому приходскому училищу, а за усердную службу в Кургане ему уже вдогонку 6 февраля 1855г. было отослано от имени Дирекции 25 руб. сер. На место Воротынского из тарского приходского училища был перемещен Иван Алексеевич Михайлов. Прослужив десять лет, он попросился в отставку по состоянию здоровья. На его место был допущен 17-летний учитель белозерского училища Никтополион Ильич Кыштым, женившийся в 1870г. на Ольге Яковлевне Софоновой, учительнице мендерского приходского училища. Ее брат Максимилиан в 1864г. служил в курганском училище. Приходское училище подчинялось смотрителю Каренгину.

После перемещения Андреева, Воронова, Рихтера моральная обстановка в училище постепенно стала налаживаться. 19 февраля 1847г. пришел Александр Иванович Немцов, учитель русского языка и в декабре того же года из березовского училища перемещен в Курган учитель арифметики и геометрии Дмитрий Иванович Летешин. На несколько лет они стали опорой Каренгину. Немцов увлекался всякими наблюдениями и описаниями и 23 января 1853г. получил отношение об утверждении его «Господином управляющим Министерством Финансов в 19 день января корреспондентом Главной Физической обсерватории». С 1847г. дела училища пошли на лад, успехи были замечены Дирекцией, и Каренгин ежегодно стал получать различные поощрения. В 1849 и в 1851гг. Русское географическое общество объявило благодарность Тимофею Корниловичу за присланные сведения о климате, флоре, этнографии Курганского округа. Но 3 апреля 1854г. «штатный смотритель курганских училищ, коллежский асессор Тимофей Каренгин от должности уволен за выслугу более пяти лет против срока, определенного законом для чиновников учебного ведомства в Сибири».

Вместо Каренгина в Курган был перемещен штатный смотритель тарских училищ Михаил Иванович Костя, который пробыл на этой должности до 1858г. В апреле 1857г. смотритель Костя, учителя Немцов и Летешин были пожалованы бронзовыми медалями в память войны 1853-1856гг. на Владимирской ленте для ношения в петлице. При Косте было получено распоряжение о замене для чиновников Министерства Народного Просвещения мундирного фрака однобортным темнозеленого сукна полукафтаном. В 1854г. в уездных училищах отменили послеобеденные классы, соединив их с утренними. Вместо Кости в 1858г. смотрителем училища был определен Александр Иванович Немцов, учителем же русского языка был назначен студент 1-го разряда тобольской духовной семинарии Александр Андреевич Абрамов. Он имел курганские корни, его отец служил в местном окружном суде, мать была дочерью рядового курганской инвалидной команды Михаила Сидоровича Базанова, Александр в 1849г. окончил курганское уездное училище, потом семинарию и не удивительно, что он был определен в Курган. Дед Базанов завещал ему дом в центре города на

Дворянской улице, который и перешел к нему в 1862г. Абрамов 13 ноября 1863г. женился на дочери московского удельного крестьянина Александре Малаховне Бобковой. Учителем он оказался нерадивым, как говорит его характеристика «большую часть года был одержим разными болезнями, вследствие чего не мог бывать в классах. Если же он сам был здоров, то получал известие, что кто-нибудь из его близких родственников, проживающих в городах Ишиме и Тюмени, лежит на смертном одре, почему он и должен был отлучаться из города Кургана, чтобы успеть застать их в живых, которых и заставлял, как было доказано впоследствии, не только живыми, но и совершенно здоровыми». Все эти уловки Абрамова стали известны Дирекции, откуда поступило распоряжение вычитать из жалованья за пропущенные дни. Наконец, 26 марта 1864г. Абрамов был перемещен в ялуторовское училище, а ялуторовский учитель Максимилиан Яковлевич Софонов – в курганское. 18 августа 1866г. Софонов по прошению был перемещен в тюменское уездное училище, а на его место по приказу от 15 сентября того же года был перемещен из ишимского уездного училища учитель русского языка Михаил Филиппович Глуховцев.

Порядок в училище и дисциплина учителей во многом зависели от смотрителя. Александр Иванович Немцов оказался слабым руководителем, апатичным, медлительным, отчеты в Тобольск отправлял после двух, трех, а иногда и четырех запросов. 3 июня 1859г. Директор училищ сделал ему письменный выговор: «В отвращении на будущее время несвоевременного предоставления книг и отчетов, равно и других срочных представлений...я вынужденным нахожусь поставить вам на вид таковую Вашу замедлительность и ...рекомендую быть исполнительным во всех предписаниях начальства и тем оправдать прежнюю к себе доверенность, в противном случае необходимость заставит Дирекцию принять более решительные меры». Такое равнодушие Немцова происходило, возможно, из-за развивающейся чахотки, от которой он и умер 3 мая 1861г., 34-х лет. Еще при Немцове преподаватели училища были обрадованы новым штатным расписанием и новым жалованьем. До декабря 1859г. учителя получали небольшое жалованье, которое скудно обеспечивало их существование и не соответствовало их положению в обществе. Приходилось искать дополнительный заработок, давая частные уроки, либо занимаясь хлебопашеством и прочими занятиями, которые шли в ущерб училищу. По докладу министра народного просвещения император утвердил годовое жалованье, за вычетом в пенсионный фонд, смотрителям – вместо 280р.20к. сер. - 441 р., учителям искусств и законоучителям – вместо 142р.35к. – 200 р., учителям – предметникам – вместо 214р.43к. – 343 р.

Следующим смотрителем училища стал учитель арифметики и геометрии Дмитрий Иванович Летешин, с 31 мая 1861г. А на его место учителя 26 июня был перемещен из тобольского училища 20-летний Петр Петрович Фоняков, очень усердный молодой человек, часто отмечаемый благодарностями и денежными вознаграждениями. Летешин, в отличие от Немцова, был хорошим смотрителем и заботливым начальником. Ему пришлось много хлопотать в связи

с покупкой для училища каменного дома купчихи Фелицаты Васильевны Пелишевой, его достройкой, переездом в 1863г. из старого деревянного здания в новое каменное, в котором всякие незначительные поправки производились довольно часто на его собственный счет. Летешин принимал горячее участие в судьбе своих учеников - вносил деньги за право учения бедных мальчиков, снабжал их учебными пособиями, а четверых крестьянских мальчиков воспитал на собственный счет - двое из них стали учителями, один служил в полицейском управлении и один занимался торговлей. В конце 1864 - начале 1865гг. при участии Летешина были открыты 9 сельских училищ, для которых предварительно была изготовлена класная мебель и необходимые учебные пособия, куда были определены учителями воспитанники курганского уездного училища, окончившие полный курс.

В 1865г. в Тобольске состоялся педагогический съезд, на котором присутствовали от курганского училища Летешин, Фоняков и Софонов. Летешин был назначен председателем одной из комиссий, а его учителями – секретарями отдельных комиссий. После окончания съезда всем троим была объявлена благодарность. Дмитрий Иванович Летешин в 1866г. получил орден Св. Станислава 3-й степени, осенью того же года он выслужил 20 лет по Министерству Народного Просвещения, т.е. на полную пенсию, но генерал-губернатор Западной Сибири разрешил оставить его еще на пять лет в учебной службе. С 30 октября 1871г. Летешин был уволен в отставку с правом ношения мундира. Умер 53-х лет от рака печени 23 марта 1888г., похоронен на приходском Богородском кладбище. После Летешина смотрителем училища был определен Петр Петрович Фоняков. В свой первый приезд он прослужил в училище шесть лет и, хорошо себя зарекомендовав, был 18 июня 1867г. перемещен исправляющим должность смотрителя ялуторовских училищ, а 30 октября 1871г. возвращен в Курган уже штатным смотрителем. За усердие 7 апреля 1879г. пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени и отправлен в отставку.

Фонякова на должности смотрителя заменил Александр Григорьевич Ещенко. Первый раз он преподавал в курганском уездном училище с 1867г., когда Фоняков был перемещен в Ялуторовск. Ещенко в это время был сверхштатным учителем арифметики и геометрии в тюменском уездном училище. Он окончил тобольскую гимназию, там же в Педагогическом Совете выдержал испытания на звание учителя. В Кургане женился на учительнице 1-го класса женской прогимназии, дочери коллежского секретаря Любови Федоровне Говорухиной. Венчались 9 ноября 1873г. в Богородице-Рождественской церкви. От рождения невеста была связана с уездным училищем - ее воспитателем при крещении 26 сентября 1849г. был А.И.Немцов. В 1872г Говорухина становится учительницей 1-го класса и допускается к исправлению должности начальницы женской прогимназии. Только жизнь ее оказалась короткой – 5 января 1875г. она умирает. Ее свекровь Федосья Ильинична Ещенкова в 1897г. внесла 400 руб. на учреждение в прогимназии стипендии имени ее снох – Любови и Пелагеи

Ещенконых. После смерти молодой жены Александр Григорьевич попросил о переводе и 8 апреля 1875г. был перемещен в ишимское уездное училище, потом назначен учителем-инспектором в петропавловское училище и уже оттуда летом 1880г. переведен в Курган штатным смотрителем курганских училищ, в том числе женских.

В последней четверти 19 века в Кургане уже было несколько учебных заведений и учительский корпус значительно расширился, повысился их образовательный и поведенческий уровень.

ЮНЫЕ НАЧАЛЬНИЦЫ ГИМНАЗИИ

Торжественный акт открытия курганской Александровской женской гимназии состоялся 31 августа 1903 года. До этого она 30 лет существовала как прогимназия, но этот новый рубеж был очень важен для всего народного образования города. Ученицы были в белых пелеринах, родители принаряжены, учителя торжественны, священники серьезны, и только начальница гимназии Мария Матвеевна Волкова, обычно строгая, была возбужденно-радостной. Она немало труда положила, чтобы добиться этого преобразования. Перед молебствием речь держал законоучитель о. Иоанн Лапшин. В конце он обратился к девочкам: «Дети, будьте достойны забот и трудов правительства и граждан, ведите себя скромно и прилично, радуйте своих родителей и наставников добрыми успехами и прекрасными надеждами на будущее». После молебствия говорил протоирей о. Иоанн Волков, который был первым законоучителем еще женской школы и прогимназии. Волков был уже стар, его знал и уважал не только весь Курган, но и вся округа. Когда он заговорил, стало очень тихо. «Открытие гимназии, - сказал он, - это счастье для нашего города, которого лишены многие другие города, даже губернские, например, наш Тобольск».

Речей было много. В заключение начальница гимназии М.М. Волкова прочла историческую справку о материальном развитии курганской Александровской женской гимназии. Вечером, оставшись одна в своей квартирке, которая была тут же на первом этаже гимназического здания, Мария Матвеевна вспомнила свой приезд в Курган. Ей – восемнадцать лет, и она только что окончила омскую женскую гимназию с серебряной медалью. Сначала она пять лет вела арифметику и геометрию в первых трех классах, в 1894 году ей доверили четвертый класс. В ноябре 1895 года молодая учительница назначается исправляющей должность начальницы прогимназии, а в 1897 году утверждается в этой должности. Когда стало известно, что с первого июля 1903 года прогимназия преобразуется в гимназию, собрались вместе Попечительский совет и

Педагогический совет для выбора начальницы гимназии. Единогласно остановились на кандидатуре Марии Матвеевны. В протоколе общего собрания 19 июня так и записали, что «за все время служения она умело вела вверенную ей часть и своим добросовестным и ревностным отношением к возложенным на нее обязанностям много способствовала развитию учебного заведения».

Сидя у лампы, Волкова вспоминала своих предшественниц – начальниц прогимназии. Женская школа в Кургане как самостоятельное заведение существовала с 1858 года. В 1872 году она была преобразована в прогимназию, хотя торжественный акт открытия состоялся лишь в феврале 1873 года. Первой начальницей была назначена Любовь Федоровна Говорухина, начавшая преподавать в женской школе с 1868 года. Она стала начальницей в 23 года, но пробыла в этой должности только один год и подала прошение оставить за ней лишь место учительницы первого класса. В ноябре Любовь Федоровна вышла замуж за преподавателя уездного училища Александра Григорьевича Ещенко и была совершенно счастлива. Внезапно через год она умирает. Ее свекровь Федосья Ильинична в 1897 году внесла 400 рублей в фонд прогимназии на учреждение стипендии имени ее снох Любви и Пелагеи Ещенко.

Двадцатичетырехлетнюю Говорухину-Ещенко на посту начальницы сменила двадцатилетняя Надежда Ивановна Попова. Дочь чиновника, она окончила курс в омской женской гимназии. На должности начальницы пробыла два года. Ее сменила Александра Дмитриевна Шалабанова, которой вообще было девятнадцать лет. Она происходила из обер-офицерской семьи, окончила с серебряной медалью тобольскую Мариинскую женскую школу и шестнадцатилетней девочкой была определена в 1872 году в курганскую женскую прогимназию учительницей арифметики, геометрии и рисования. Ее девичья фамилия была Основина. В Кургане Александра Дмитриевна вышла замуж за полицейского надзирателя Ивана Семеновича Шалабанова и уже в качестве замужней дамы получила должность начальницы, в которой пробыла десять лет.

Следующей начальницей прогимназии была Александра Ивановна Притчина. Во многом ее биография похожа на биографию Шалабановой. Из унтер-офицерских детей, тоже окончила тобольскую Мариинскую женскую школу, получила звание домашней наставницы. Начала преподавать в курганской прогимназии девятнадцати лет как раз в то время, когда Шалабанова стала начальницей, а через десять лет сама сменила ее на этой должности. Вела она уроки русского языка. Жалованье получала 500 рублей в год. В 1895 году вышла на пенсию с двадцатилетним стажем.

Вот ее-то и сменила Мария Матвеевна Волкова, которой в тот момент было двадцать четыре года. Вся ее жизнь принадлежала гимназии – ни мужа, ни детей у нее не было. Вообще в те времена учительницы очень часто не выходили замуж, если кто и выходил, то ожидая рождения ребенка учительница должна была подать в отставку. В курганской женской гимназии в 1915 году, например, из числа 21 учителя и 9 членов Попечительского совета детей имели только трое: законоучитель отец Иоанн Редькин (4 сына и 2 дочери), учитель рисования Вадим Матвеевич Мизеров (сына) и врач Николай Семенович Коган (сына и дочь).

Какое-то время с Марией Матвеевной жила ее младшая сестра Лизанька, Елизавета Матвеевна, которая была учительницей 2-го женского приходского училища. Но в январе 1901 года она вышла замуж за заведующего двухклассным железнодорожным училищем Дмитрия Анатольевича Кучковского и переехала к нему.

Мария Матвеевна была хорошим учителем, хорошим организатором, начальство ее ценило. В 1900 году попечитель Западно-Сибирского учебного округа избрал ее в число кандидаток для поездки на Парижскую выставку. К ней присоединилась учительница младшего отделения пригготовительного класса Антонина Александровна Трифонова, которая изъявила желание ехать за свой счет с правом воспользоваться всеми преимуществами, предоставленными учителям. Трифонова тоже была замечательной наставницей. Кстати, в курганском архиве хранится интересный документ, в котором сказано следующее: «Государь император 6 декабря 1902 года Всемилостивейше соизволил на награждение за отлично-усердную и полезную деятельность по Министерству народного просвещения, с надписью «За усердие» – золотую грудную медалью на Станиславской ленте начальницу Курганской женской прогимназии Марию Волкову и серебряными грудными медалями на Александровской ленте за труды по народному образованию учительниц названной прогимназии: старшего отделения – Александру Дмитриеву и младшего отделения – Антонину Трифонову».

6 мая 1910 года Мария Матвеевна была награждена золотой медалью на Анненской ленте. И еще она имела медаль в память царствования императора Александра III и медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых. В 1916 году она получала жалованье 1300 рублей в год. Этого ей вполне хватало, чтобы в семи верстах от города, в дачной местности «Ключи» иметь свой домик в березовом лесу. После 1917 года благосостояние учителей резко пошло на убыль. «Курганская свободная мысль» писала в 1918 году о том, что пенсия бывшей начальницы прогимназии Притчиной составляет 610 рублей и «этого так мало при современной дороговизне, что прожить на нее не представляется возможным». Мария Матвеевна Волкова лишилась своей должности в 1919-1920 учебном году, когда гимназия была преобразована в школу 2-й ступени. У нее отобрали казенную квартиру, изгнали с работы и даже не дали пенсию. Пришлось перебиваться репетиторством, тем более, что она была хорошим математиком и учеников хватало. Своей квартиры у нее уже не было никогда, и она ютилась по углам и снимала комнаты у разных людей. Несмотря на всевозможные жизненные коллизии, Мария Матвеевна продолжала пользоваться горячей любовью и глубоким уважением простых курганских жителей до конца своих дней.

КУРГАНСКИЕ ПРИЮТЫ 1920-Х ГГ

Первый детский приют в Кургане был открыт 9 ноября 1890г. стараниями известного благотворителя Дм. Ив. Смолина. В память посещения Сибири наследником цесаревичем Николаем Александровичем решено было присвоить приюту наименование Никольское детское убежище, на что и получили согласие Великого князя. С 1 октября 1891г. оно так и стало называться и эта дата стала считаться временем открытия приюта. В бурный период гражданской войны убежище какое-то время функционировало. В 1919г. в него стали помещать престарелых, обитавших в приюте наравне с детьми. Во время летних сражений за Курган от обстрела города здание было повреждено и долгое время стояло без употребления, пока горсовет в 1926г. не принял решение « произвести капитальное восстановление деревянного двухэтажного дома № 2 по Рабочему переулку (бывшее Никольское детское убежище) с приспособлением на шесть квартир.»

К этому времени в городе была уже целая сеть детских приютов. В 1919г. на Пушкинской улице существовал приют подкидышей, который со временем стал называться Домом ребенка. Какое-то время Дом ребенка существовал в одном помещении с туберкулезным диспансером, а в 1927г. был переведен на Советскую, 83, в дом Колпаковых на углу улицы Ленина. Здание освобождалось в связи с ликвидацией курганского отделения Промбанка и оно позволяло разместить не только Дом грудного ребенка, но и консультацию и молочную кухню. Заведовала Домом ребенка врач Ребекка Вениаминовна Кауфман. Кроме нее в штате были завхоз, шесть медицинских сестер, четыре няни, две прачки, кухарка и уборщица. Дом ребенка был рассчитан на 30 человек, главным образом, подкидышей. Дети поступали часто недоношенные и всегда сильно истощенные. Конечно, была высокая смертность, которая в большой степени зависела от отсутствия грудного молока. Врач боролась за жизнь каждого ребенка, если в 1924г. смертность составляла 40,5%, то к 1927г. она сократилась до 26%. Содержание одного ребенка в день стоило 1 руб. 15 коп. С 1 ноября 1927г. по 1 ноября 1928г. на Дом ребенка было израсходовано 13107 руб. Часто бывали случаи, когда к подкидышам приходили их беспризорные юные матери, которых из жалости оставляли пожить и немножко подкормиться. За указанный период беспризорными матерями проведено в Доме ребенка 607 койко-дней.

В связи с массовой беспризорностью пришлось срочно организовывать многочисленные детские дома в городе и в сельской местности. Содержание детей и оборудования домов находилось на бюджете округа, который был исключительно скудным. Сразу стали искать шефов и вот уже « Красный Курган» 30 ноября 1920г. публикует сообщение о том, что « сельскохозяйственная коммуна « Просвет» для детского дома № 1 пожертвовала десять четвертей

молока и другие сельскохозяйственные продукты. Эта коммуна каждую неделю оказывает свое внимание детям. Недавно предложили детскому дому № 1 починить обувь». Та же газета в 1922г. сообщала о коллективе возчиков груза, пожертвовавших в пользу детских приютов и домов 6,5 сажень дров. Приказом председателя губернского исполкома заведующий курганским отделением социального обеспечения П.С.Сидоров был назначен уполномоченным по приведению в порядок детских приютов в Кургане и снабжению их по возможности всем необходимым.

В Кургане были созданы два дошкольных детских дома. Для детей постарше 19 сентября 1920 г. приступили к организации детского дома имени 3-го Интернационала, для которого курганским отделом народного образования был взят дом Смолина, одно из лучших помещений города, правда, задержаться в этом здании детскому дому не удалось. К 1923г. в городе было уже 10 школьных детдомов и 2 дошкольных, в которых жили 839 детей и работали 38 педагогов. Кроме того, были устроены два детдома-изолятора: трахоматозный (заболевание глаз), в котором жили 73 ребенка, в том числе 32 из них были дошкольного возраста; венерический- на 72 человека.

В целях сокращения расходов по содержанию детских домов города с 6 мая 1924г. все дети школьного возраста были вывезены в Илецко-Иковский совхоз (бывшее имение Льва Смолина), где из них создали трудовую детскую коммуну, к которой прикрепили все хозяйство бывшего совхоза и водяную мельницу, доход с которой поступал на нужды детской коммуны. На зиму часть ребят вернулась в город, а три детдома остались в коммуне. Пока летом ребята находились в совхозе, при окружном исполкоме работала комиссия по улучшению быта детей. До 1 сентября комиссией было собрано 5574 рубля. Сюда входили поступления от продажи марок, от проведения спектаклей, лотерей, базаров, от обложений и налогов, от добровольных пожертвований. Комиссия выделила из собранных средств 1500 руб. народному образованию на улучшение положения детей в детских домах и 1500 руб. здравоохранению на организацию санатория для детдомовцев, больных туберкулезом.

В 1924-1925 учебном году на детские дома города, а к 1 апреля 1925г. их осталось девять, было израсходовано по окружному и городскому бюджету 70558 руб. или в среднем на каждого воспитанника 89 рублей. Для детдомов было отпущено пальто – 419 шт., сапог и ботинок 140 пар, рубашек для девочек – 140, платьев -250, рубашек для мальчиков – 212, брюк и штанишек – 314, шапок и фуражек – 572, простыней – 90, наволочек – 172, коек – 276, матрацев – 109, одеял – 69. Эти вещи должны были быть распределены среди 644 воспитанников, из которых были 265 мальчиков и 379 девочек. На 9 детских домов было 30 педагогов и 42 технических служителя. Среди педагогов один человек имел высшее образование, 12 человек – среднее, 6 человек – ниже среднего и 10 человек имели низшее образование. Зарплата заведующих детскими домами составляла 48 руб. 40 коп. На 1925г. известны адреса некоторых детских домов. Дошкольный детский дом №1 размещался в двухэтажном доме на углу

современных улиц Горького и Савельева, детдом №2 – в деревянном одноэтажном доме на углу Советской и Пролетарской, бывшая типография Федора Ивановича Шубина, позже была начальная школа №6; детдом №3 – на углу Советской и Красина, в деревянном одноэтажном доме врача Георгия Шубского (дом сохранился); детдом №4 – по Гоголя , 17, двухэтажные каменные дома Кропаниных, сохранившиеся донныне ; детдом №5 - по Советской , между улицами Пролетарской и 1-й Заводской, в двухэтажном каменном доме, сохранившимся донныне; детдом №8 (изолятор для венерических больных) – на заимке Гольдстона.

После 1925г. беспризорность детей стала сокращаться, поэтому новых детдомов в Кургане в последующие годы не открывали. В уже существующих приютах за 1925 – 1926 учебный год число детей сократилось на 200 человек, за счет выхода подростков в самостоятельную жизнь, передачи детей в крестьянские хозяйства и к родственникам. В 1926 -1928гг. детские дома города взяли с улицы 157 беспризорников, 141 человека отправили к родственникам, выпустили в самостоятельную жизнь, отдали на патронат, передали в крестьянские семьи. Изъять всех беспризорных и поместить их в существующие детские дома было невозможно как за отсутствием мест, так из опасения разлагающего влияния новеньких, если их будет много. Вопросам воспитания в детских домах уделялось недостаточное внимание. Самоуправление было поставлено слабо, довольно частыми были случаи краж, хулиганства. Красных уголков, читален не было ни в одном приюте, только в некоторых работали кружки , да при детдоме №6 были две мастерских – жестяная и переплетная. Приютские дети посещали общегородские школы и только при трахомном и венерическом изоляторах было создано нечто вроде домашних школ. При 1-м и 2-м детдомах существовали пионерские отряды, в которых слишком часто менялись пионервожатые.

В 1928г. в Кургане осталось 4 детдома и 2 изолятора. Теперь детдом №1 размещался в Чало- Чаусово. Приют в Мало- Чаусово возник еще до революции, там помещались дети воинов, павших на фронтах Первой мировой войны или потерявших работоспособность от ран и увечий. Это были трехлетние малютки и 13-летние подростки. Зимой в приюте бывало до 80-ти детей, летом поменьше, ибо крепких подростков крестьяне разбирали на полевые работы. В приюте детей не только кормили и одевали, но старались дать и нравственное воспитание. 20 мая 1919г. при приюте был освящен домовый храм во имя Святителя Иоанна Тобольского. Благотворители из местных крестьян, отчасти горожане и даже беженцы, снабдили храм всем необходимым, а потом приходили сюда молиться вместе с детьми. После революции приют остался на месте, его включили в городскую систему детских домов. В « Красном Кургане» 19 января 1924г. совпартшколец Прокопенко ставил в известность общественность, что « детей детдома №4 в деревне Мало- Чаусовой воспитывают ненормально, кормят ржаным горьким хлебом, не водят в баню и не кипятят воду, что может отразиться на их здоровье.» 16 апреля 1929г. было проведено его обследование и составлен акт , в котором была отражена вся жизнь детдома. Месторасположение

дома было удобным, кругом поле, пыли нет, близко протекает река. В детдоме было 86 ребят, из них 24 - из рабочих семей, 54 – из крестьянских и 8 – из других сословий. По возрасту ребята делились так: 9 лет – 5 человек, 10 лет – 15 чел., 11 лет -21 чел., 12 лет – 13 чел., 13 лет – 12 чел., 14 лет – 12 чел., 15 лет – 5 чел., 16 лет – 3 чел., 19 лет – 1 человек. Из них десять человек уже работали на производстве, остальные учились в школе. Обслуживающий персонал состоял из заведующего, трех воспитателей, одной учительницы, одного пионервожатого и четырех технических работников. В теплом, сухом и светлом здании была довольно большая площадь. В детдоме было три спальни, зал для игр, столовая, рабочая комната, изолятор, дежурка, две кладовых, две раздевалки и две комнаты для заведующего и технической. В доме была большая и удобная кухня. Стены были оштукатурены, полы окрашены, освещение керосиновое, вода поставлялась из реки. Но детдом был совершенно не обеспечен мебелью. Не было ни табуреток, ни столиков, ни шкафов – одни скамьи. Не было даже кружек и дети пили чай из мисок. На 86 ребят было только 60 пальто.

Чтобы как-то организовать детскую среду, ребята были разбиты на семейки – хозяйственную, бельевую, санитарную, библиотечную; семейки выбирали руководителей, составлявшие Совет детдома. Составлялись семейки на две недели или на месяц. В конце своей работы отчитывались перед собранием. Летом ребята сажали огород возле дома на участке в 3,5 гектара, работали кружки по вышиванию, вязанию, драматический, организовали мастерскую по дереву, выпускали стенную газету. Для физических занятий были приобретены ракетки, мячи футбольные и простые, другой спортивный инвентарь. Получали журналы и газеты – Вожак, Вожатый, Дружные ребята, Пионер, Юный натуралист, Выходы коммуны и Красный Курган. Ребята принимали активное участие во всех кампаниях, проводимых в Мало-Чаусово, будь это Первомайские праздники, 60-летний юбилей Н.К.Крупской или посевная, во время которой ребята сортировали и протравливали зерно. Совместно со школой детдом принимал участие в организации агитационных постановок, спектаклей. Над детдомом шефствовала комсомольская ячейка консервного завода, которая выделила двух девушек для обучения девочек вышиванию и вязанию. Шефы иногда наезжали в детдом с постановками, с живыми газетами, устраивали хороводы, игры, проводили воспитательную работу с переростками, которые разлагали коллектив.

Детский дом №2 находился в городе по улице Советской, 108, бывшая усадьба Федора Смолина. Здание было каменное, одноэтажное, внутренняя планировка отвечала требованиям детдома. Но площадь для 63 человек, которые жили в этом доме, была недостаточной, не было даже отдельной столовой, ели на кухне, которая одновременно была и прачечной. После долгих хлопот детдому передали соседний деревянный дом, бывшую типографию Федора Шубина. Ребята в детдоме были собраны от 12 до 19 лет. Младшие дети учились в школе, переростки работали на производстве. Давно пора была им выйти в самостоятельную жизнь, но низкие заработки не обеспечивали даже прожиточный минимум. В 1927-1928гг. на питание одного воспитанника отпускалось 15 коп., на

следующий год сумма увеличилась до 18 коп. этого было недостаточно, не хватало денег на жиры и сахар. Воспитанники второго детдома держали во дворе в сарае свинью, от которой была грязь, запах, но и надежда на относительную сытность зимой. Ребята здесь сами расходовали продукты, без надзора заведующего. Воспитательная работа была поставлена из рук вон плохо, старшие обижали младших, девочки ссорились с мальчиками, все позволяли себе грубые выходки, небрежно относились к имуществу. А ведь здесь, как и в мало-чаусовском детдоме, были семейки, работали кружки, выпускалась живая газета. Деньги же, отпускаемые на воспитательную работу, использовались неумело, газеты и журналы не выписывались, спортивный инвентарь почти не приобретался, летних игр не было.

В соседнем квартале, на Советской, 117 располагался детдом №3. В нем было всего 31 воспитанников, жизнь их не отличалась от жизни во 2-м детдоме. Детский дом №4 находился в бывшем женском приходском училище, известном в Кургане как «Гоголевское», расположенном на улице Ленина, 23. В документах его расположение характеризовалось следующим образом: «детдом с западной стороны граничит с Ленинским парком, с северной – строящимся Народным домом имени Ленина (сейчас драматический театр), с южной стороны в ограде имеется цветник. Свободная часть двора покрыта травой, где на открытом воздухе ребята могут проводить игры, а в зимнее время – катушку». Проживали здесь 65 человек от 13 до 21 года. Обслуживающий персонал состоял из заведующего, трех воспитателей, кухарки, прачки, двух нянечек, которые были и полумойками. Помещение требовало ремонта, даже летом в комнатах пахло сыростью. Было довольно тесно - всего две спальни, зал для игр, столовая, рабочая комната, изолятор для больных детей. Две комнаты занимали заведующая и техническая. Подсобных помещений не было, кухня вообще помещалась в подвале. На фоне других детских домов 4-й был сравнительно обеспечен инвентарем, постельного белья имелось две смены, приобрели в 1929г. двадцать новых матрацев и перовые подушки. Кровати были железные, застелены белыми покрывалами, что придавало спальням чистоту и опрятность. Здесь тоже были семейки, вожатые которых каждую неделю отчитывались перед общим собранием за свою работу. Хозяйственная семейка ведала выдачей продуктов питания и составляла таблицу их ежедневного расхода. Весной ребята занимались очисткой двора, высаживали сирень и калину, делали клумбы под цветы. Зимой активно работали кружки по рукоделию, для малышей была организована своя мастерская, в их обязанности входил выпуск стенной газеты. Выписывались Красный Курган, Следопыт, Смена, Искра и Мурзилка.

Воспитатели и заведующая домом Золотова Софья Александровна прилагали все усилия, чтобы сделать жизнь интересней. Детей возили на экскурсию в лес и на заводы, летом ребята должны были зарисовать увиденное; была установлена связь с конвойной командой и красноармейцы охотно приходили в детдом с гармошкой, хором пели и проводили совместные игры. Детей привлекали к предвыборной кампании горсовета. В детдоме даже поставили самостоятельный

спектакль, отразивший эти выборы. Часто старшие девочки ходили нянчиться в ясли. В четвертом детдоме царила чистота, питание было удовлетворительное – каждый день давали мясной суп, а иногда и жареное мясо, постоянно было молоко, изредка масло, чего в других домах не было. Несколько девочек в 1928г. вышли в самостоятельную жизнь со специальностями – три токаря, две стенографистки, слесарь, сортировщица льна, повар. Шефом детдома был Союз совторгслужащих.

В центре города, по улице Свободы (ныне Куйбышева), 46, в бывшем доме Марка Дунаева помещался трахомный изолятор, в котором в разное время бывало от 20 до 40 воспитанников. На 17 апреля 1929г. в нем было 20 девочек и 5 мальчиков от 7 до 14 лет. Дом изолятора деревянный, одноэтажный, с полуподвальными помещениями. По внутреннему расположению здание пригодным для детского дома считать было нельзя, так как нижний этаж дома и надворные постройки невозможно было использовать. В доме для ребят было три спальни, столовая, зал для игр, тут же были квартиры обслуживающего персонала. В доме царила чистота, ежедневно изолятор посещал врач и осматривал детей. Дети были полностью обеспечены кухонными принадлежностями, койками, матрацами, полотенцами, но умывались одним куском мыла из одного умывальника, что давало возможность повторного заболевания. В изоляторе часто бывали случаи использования детей техническими работниками как рабочей силы. Прачка заставляла детей носить воду из Тобола, полоскать белье; кухарка заставляла мыть посуду, помогать на кухне. Если дети не подчинялись, их оставляли без обеда. Для учебно-воспитательной работы отводилось три часа в день, чтобы не утомлять глаза. Игры на свежем воздухе не проводились, дети были предоставлены сами себе и ничего не делали. На содержание трахомного изолятора уходило немногим более шести тысяч в год.

Венерический изолятор был вынесен на окраину города, на заимку Гольдстона, где размещался его кожевенный завод на берегу Быструшки, против паровой мельницы Смолиных. На начало 1929г. в венизоляторе было 26 воспитанников, которые жили в деревянном одноэтажном доме, с трудом приспособленном под приют. В доме было три спальни, чтобы разбить детей на небольшие группы, столовая, прихожая, зал для игр, рабочая и дежурная комнаты. Дети ежедневно наблюдались врачом. При детдомах-изоляторах было создано нечто вроде домашних школ, в то время как остальные воспитанники посещали городские школы.

Количество детских домов зависело от размеров беспризорности. Статистические данные говорят, что в 1929г. по Курганскому округу насчитывалось всего 42 беспризорника, но брать их не хотел ни один приют, потому что они разлагали коллектив. Тогда было решено открыть в городе детприемник специально для детей с улицы, который бы стал подготовительным учреждением для передачи маленьких бродяг в детские дома нормального типа. В то же время три детских дома были реорганизованы в школу-коммуна, которая

была создана на территории бывшего сельскохозяйственного техникума в районе станции Юргамыш. Существует решение горисполкома от 6 ноября 1929г. в котором говорится: « В связи с переездом сельскохозяйственного техникума в город, признать необходимым перевод детских домов №№ 1, 2, 4 из города в Юргамышский район, в бывшее поместье Шмурло, образовав из них школу-коммуну. Закрепить за школой-коммуной земельный участок, который до сих пор использовался сельскохозяйственным техникумом, и строения, обеспечивающие нормальное размещение воспитанников и хозяйство школы». В городе было оставлено два детских дома и 1 ноября 1929г. открыт приемник на 35 человек.

Оба детдома были на городском бюджете. В первом детдоме были собраны дошкольники и школьники 1-й ступени, во втором – старшекласники или как их еще называли – второступенцы. Старших ребят было 50 человек – 16 мальчиков и 34 девочки. Помещение детдома было мало пригодным для жилья, холодным и сырым, не было раздевалки, комнаты для занятий, вся жизнь проходила в столовой и спальнях. Поскольку вся кружковая работа велась в школах, в детдоме были организованы только кружки помощи, в которых сильные ученики помогали слабым. За 1929-1930 учебный год детдом второступенцев выпустил 48 человек, из них пошли учиться в сельскохозяйственный техникум - 5 человек, в педагогический техникум - 6 человек, в инструментальный - 4 человека, в техникум связи - 1 человек, в медицинский техникум – 2 человека, на агрофак – 1 человек, на землеустроителя – 1 человек, на птицеводов – 2 человека, в ФЗУ – 16 человек, на служащих прилавка – 2 человека, на курсы красных педагогов – 4 человека, на курсы трактористов 4 человека. В течении 1929-1930г. за грубое отношение и издевательство над детьми лишены по суду родительских прав 3 человека, дети которых взяты в детские дома, но родителям присудили платить за их содержание. Усыновили за год 17 человек, утверждена опека в четырех семьях.

Детприемнику было отведено непригодное холодное помещение за городом. В нем находилось 35 детей от 8 до 16 лет. Пребывание беспризорников там было кратковременным, поэтому за год через него прошло 226 человек, из которых 15 человек отправлены к родственникам, 16- устроены на работу, в детские дома определены 35 человек, пятеро определены на самостоятельную жизнь. В детприемнике была организована школа, имелось комсомольское ядро, велась пионерская работа, для обучения профессии имелась столярная мастерская. Основное количество беспризорников поступало с вокзала, они были оборваны и грязны. В детприемнике не достовало нательного и постельного белья, пальто, обуви. Заведующая, Лаврова Анна Ивановна, пыталась в различных инстанциях добыть необходимое. Лаврова имела 26-летний учительский стаж, в том числе семь лет в детском доме. В детприемник пришла 19 марта 1930г. на зарплату 70 рублей. В ее характеристике было отмечено: « 47 лет, дочь крестьянина, окончила двухклассное училище и специальные курсы, член Рабкоопа с 1924г. Читает периодические издания – Учительскую газету и Красный Курган.» В 1930-е гг детприемники были переданы в систему НКВД.

ТРЕВОЖНЫЙ ЗАПАХ БАГУЛЬНИКА

На сопках цвел багульник и сиреневым дымом окутывал круглые вершины. Запах стоял одуряющий. Было тепло. Такое бывает только в мае. Лошади шли неторопливо, колеса вязли в песке. Петр Филиппович полулежал, прикрыв глаза, но не дремалось. Горный Зерентуй скрылся из вида. Он больше никогда его не увидит, и все-таки с этим каторжным местом будет навсегда связано одно из самых светлых воспоминаний – о запахе багульника и венчании с Розой, которая сейчас сидит рядом и мечтательно улыбается... Вспомнилось сельцо Исаево, где прошло его детство, новгородская гимназия, оконченная с блеском, увлечение поэзией Некрасова, ее отзвук потом слышался в его собственных стихах. Позже, в столичном университете, он писал лирику, которая все больше и больше приобретала революционный оттенок. Стихи одобрил Салтыков-Щедрин, их печатали в журналах «Отечественные записки», «Дело», «Слово» под инициалами «П.Я.».

Бледный, красивый, с сияющими глазами, он предстал перед друзьями-единомышленниками «Народной воли» на ее излете. Всем было очевидно, что дни ее сочтены. И он, как капитан тонущего корабля, покинул свой пост последним. После ареста Германа Лопатина он фактически остался во главе всего петербургского революционного подполья. Организовал в Дерпте тайную типографию и успел еще выпустить в ней десятый номер «Народной воли». Именно в это время среди бесконечного движения, азарта столкнулся он с юной Розой Франк... Его арестовали и заключили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости в 1884 году. Там он вспоминал своего предка – пылкого декабриста Александра Ивановича Якубовича, тоже сгинувшего в Сибири. Вначале ему дали три года одиночного каземата, и только позже состоялся суд, который приговорил к повешению. Но император заменил смертную казнь восемнадцатью годами каторги.

В цепях, с обритой головою шел он по немеренным дорогам Сибири на Кару, куда и прибыл 20 февраля 1888 года. Карийская каторга находилась в 100 километрах от Читы, на берегу золотоносной реки Кары, которая и длиной-то была всего 25-30 километров. Здешние золотые прииски считались тогда самыми богатыми в Восточной Сибири, и на них работали исключительно каторжане. Карийская каторга состояла из семи тюрем, которые размещались в четырех деревнях, расположенных по берегам реки. В них содержалось более двух тысяч уголовных и политических преступников. Политические – отдельно, в специально для них построенной тюрьме неподалеку от поселка Нижне-Карийского.

В сентябре 1893 года Петр Якубович был выпущен в вольную команду на Акатуй, в Кадаинский рудник. С него сняли цепи, и он мог жить, как вольный

человек, не в каземате, а на частной квартире. Но каждое утро был обязан являться на переключку «вольных арестантов». По вечерам надзиратель обходил избы, чтобы посмотреть, вся ли вольная команда налицо. Вначале Петр Филиппович работал молотобойцем, потом бурильщиком в шахте. Ревматизм, заработанный здесь, с годами осложнился тяжелым сердечным недугом, который преждевременно и свел его в могилу. А в те времена он был еще здоров, серые глаза лучились от счастья. Счастьем был приезд невесты Розы после отбытия ею четырехлетней каторги и поселения. Но вот незадача – на руднике не было церкви, и пришлось молодым венчаться в Горном Зерентуе.

Якубович был общительным, экспансивным человеком, великолепным товарищем, но его духовные запросы не получали удовлетворения среди соузников. Вокруг не было никого, кто бы так глубоко разделял его интересы, увлечение литературой, поэзией, философией. И только с женой он мог поделиться своими думами. Именно ей он читал главы из книги, которую писал карандашом на листах махорочной бумаги еще в Акатуе. Назвал книгу «В мире отверженных». Рукопись конспиративно была отправлена в Петербург, но она погибла на иркутской таможне. Поборов отчаяние, Якубович вновь восстановил рукопись и отправил с оказией брату Василию, подписав «Л. Мельшин».

Вскоре каторгу заменили поселением. В апреле 1895 года объявили о переводе Якубовича в Курган. И вот едут они в Нерчинск, потом в Читу, аромат багульника и лиственницы обволакивает возок, полосатые бурундуки смотрят с кедров. В Чите Якубович задержался, чтобы встретиться со старым товарищем Василием Ивановичем Сухомлиновым, с которым вместе проходили по процессу Германа Лопатина, вместе шли по этапу. Теперь Василий Иванович уже вольный поселенец. Рядом верная жена, последовавшая за ним на каторгу, трое детей...

Да, уже лето. Становилось жарко. Петр Филиппович чувствовал, как тяжелеет сердце. Проехали Верхне-Удинск, Иркутск. Решили отдохнуть в Красноярске. Тем более именно здесь у них была такая... встреча! А дело было так. Находясь в Петропавловской крепости, Якубович не знал судьбы своей невесты, но вот по дороге на каторгу, в Тюмени, до него неожиданно доходит известие, что Розу отправили в административную ссылку в Якутск и сейчас она где-то на этапе. Уже в Томске Якубович воспользовался проездом генерал-губернатора Восточной Сибири графа Игнатьева и обратился к нему с просьбой задержать Розу Франк в Красноярске. Граф согласился и Розу в Красноярске снял с этапа, о чем ее товарищи очень жалели. Ведь она была арестована на пятом курсе медицинского факультета, везла с собой аптечку и успешно лечила уголовных, которые питали к ней громадное доверие. Роза находилась в красноярской тюрьме, тогда лучшей из сибирских тюрем, до прибытия туда Якубовича. Впоследствии тот же Игнатьев разрешил им пожениться, но продолжить их совместное путешествие до Кары было не в его власти, и в Иркутске им пришлось расстаться. Именно в это время из-под пера вылились вот эти строки:

Семь лучших жизни лет губя,
Иаков ждал своей Рахили.

Я трижды семь прожду тебя!

Но ждать пришлось меньше. Через пять лет Роза Франк отбыла ссылку в Якутске и приехала к нему в Акатуй...

В Красноярске Якубович с женой с лошадой пересели на поезд. Пока дробили породу и мыли золотишко, и в Сибирь пришла цивилизация. Курган встретил их оживленными нарядными улицами. В тот год в уездном городе проходила большая сельскохозяйственная выставка. Народу понаехало со всей России. Квартире не найти. Кое-как сняли флигель на Канавной улице. Раньше ее называли Солдатской, а год назад прорыли по ней глубокую канаву, куда стекала дождевая и талая вода со всего города, и стали называть улицу Канавной. В Кургане Якубович узнал, что журнал «Русское богатство» начал публиковать главы из его книги, а в 1896 году вышло отдельное издание. Для эмоционального Якубовича это был праздник. Книга с интересом была прочитана русской интеллигенцией. Антон Павлович Чехов прислал в Курган свою книгу «Остров Сахалин» с дарственной надписью: «Петру Филипповичу Якубовичу от его почитателя, искреннего друга его симпатичной книги. Антон Чехов. 96.21.XI». В ответ Якубович послал свою книгу и тоже сделал надпись: «Уважаемому писателю Антону Павловичу Чехову в знак искренней признательности за сердечный и ободряющий привет от автора». Успех первой книги заставил Якубовича торопиться с завершением второй части, несколько глав которой были написаны еще в Акатуе. Розалия Федоровна помогала мужу править черновики, переписывала набело, делилась своими воспоминаниями о жизни ссыльных в Якутске. Связь с Якутском для нее не прерывалась. Оттуда шли письма от поэта и народника Павла Грабовского, который находился в ссылке с 1880 года, и она теперь подходила к концу. У него даже была мысль выйти на поселение в Курган.

Однако Якубович в ответных письмах не очень-то лицемерно отзывался о нашем городе. «Курган – это одно из самых поганых мест в Сибири – зимой здесь постоянные ветра, летом невообразимая пыль. Я сам прихожу в ужас от мысли, что мне остается провести здесь еще двенадцать лет». Впрочем, есть основания полагать, что особенно Якубовичу некогда было любоваться красотами Кургана. Уже в 1897 году в том же «Русском богатстве» печатается второй том книги под заглавием «Еще из мира отверженных», а в 1898 году – «Конец Шалаевской тюрьмы. Из мира отверженных». Псевдоним остается прежним – Л. Мельшин. У Якубовича вообще было пристрастие к псевдонимам: стихи он печатал под именем М. Рамшев, критические статьи подписывал «П. Гриневич», литературные беседы, которые он вел в газете «Восточное обозрение», шли под псевдонимом Аквилон. Наконец оба тома книги «В мире отверженных» в 1899 году выходят отдельными изданиями. Чехов, прочитав второй том, отзывается о нем в частной переписке: «Мельшин стоит особняком. Это большой, не оцененный писатель, умный, сильный... хотя, быть может, и не напишет больше того, что уже написал».

Петр Филиппович, действительно, уже не написал другой книги, занялся переводами, из которых наиболее известен перевод «Цветов зла» Бодлера, писал критические статьи, поэзию. Из Кургана он выслал в журналы около 30

стихотворений. Особенно легко писалось в деревушке Крюковой, где семья проводила каждое лето. В 1897 году родился сын Дмитрий. Малыш был слабенький, болезненный. Жизнь в деревне для него была особенно полезна. Вообще 1897 год для Якубовича был счастливым. Нежданно-негаданно в Курган приехал со всем семейством Василий Иванович Сухомлинов. Его мать, Мария Михайловна Сухомлинова, еще в 1896 году начала ходатайствовать о разрешении для своего сына поселиться в Кургане или Омске. Ходатайство отклонили. Тогда она стала просить отпустить сына на 3 месяца в Херсонскую губернию для свидания с нею – и опять отказ. Наконец, решили просить свидания в Кургане, тем более что к этому времени здесь жили кроме Якубовича еще двое каторжан – М.Р. Гоц и М.Н. Чикоидзе.

Михаил Рафаилович Гоц приехал в Курган почти одновременно с Якубовичем. Встреча была радостной, особенно для Розалии Федоровны, которая знала Гоца еще по Якутску. Он был арестован по делу Богораза и весной 1888 года выслан в Якутск. Там-то они и познакомились, но уже через несколько месяцев Гоц принял участие в вооруженном сопротивлении властям и был приговорен к бессрочной каторге. Однако в 1895 году по Манифесту из каторги вышел и поселился в Кургане, куда к нему приехала жена. Гоц не бедствовал. Он снял хорошую квартиру на Береговой, в доме Васильевых. Его отец, богатый московский чаеоторговец, слал сыну деньги на каторгу, в Курган, после 1898 года – в Одессу, после 1900 года – в Париж, Женеву, Берлин, где Михаил Рафаилович умер после операции в 1906 году.

Михаил Николаевич Чикоидзе, тифлисский дворянин, учился в Петербургском артиллерийском училище и первый раз был арестован в 1875 году, в 1877 году по процессу 50 - ти был приговорен к ссылке в Сибирь и водворен на поселение в Киренск. В 1881 году ему удалось бежать, вернуться в Петербург, где он примкнул к «Народной воле», но вскоре был снова арестован и за побег приговорен к трем годам каторги, которую отбывал в Каре. На поселении в Якутской области познакомился с Гоцем, жил в Иркутске, а в 1896 году прибыл в Курган. К этому времени Чикоидзе уже был смертельно болен. Туберкулез, полученный им на приисках, был в такой стадии, что жить без постоянного ухода и помощи он уже не мог и поэтому поселился в семье Гоца.

Сухомлиновы съехались в Кургане в июле. Мария Михайловна привезла с собой семнадцатилетнюю дочь Ольгу, которая только что вернулась из Парижа. В Кургане она познакомилась со старшим братом и его детьми, а невестка Анна Марковна вызвала у нее восторг своей красотой и преданностью мужу. Якубович в лице Ольги нашел благодарную слушательницу. Она сама пробовала писать стихи, переводила французских поэтов. Незадолго перед тем в журнале появилась статья Петра Филипповича, в которой он писал о Бодлере как об огромном таланте, и они без конца говорили о нем.

Иногда всей компанией отправлялись на Береговую, к Гоцу. Чтобы развлечь теряющего силы Чикоидзе, Сухомлинов рассказывал ему смешные истории о рассеянности и непрактичности Якубовича, как тот однажды чуть не подвел своих товарищей на этапе. Дело было так. Поскольку каторжанам на

остановках не давали горячей воды, они вскладчину купили себе в Красноярске самовар. Как-то раз, будучи дежурным, Якубович поставил самовар за дверями этажного помещения и погрузился в чтение стихов. Когда товарищи стали требовать горячего чаю, он вскочил и в ужасе закричал: «Что я наделал! Ведь самовар, наверное, распаялся!» Но, к счастью, оказалось, что он забыл разжечь самовар и тем самым спас его. В начале сентября Сухомлиновы стали собираться в обратный путь. Решили перед разлукой сфотографироваться. Пошли в фотографию Алексея Кочешева, которая славилась в Кургане. Гоц заболел и не пришел. А Якубович и Чикоидзе пришли, и это был последний снимок Михаила Николаевича. Через несколько месяцев он умер. Похоронили его на Соборном кладбище, а на могиле Гоц и Якубович поставили небольшой гранитный обелиск с надписью на одной стороне: «Какое сердце биться перестало».

Постепенно, едва ли не вопреки своему желанию, Якубович опять стал втягиваться в подпольную работу. Все началось с разговоров о литературе с местными учителями, затем пошли рассказы о каторге, о «Народной воле», брали читать его книгу «В мире отверженных». Все политические, проезжающие через Курган, считали своим долгом навестить Якубовича. Все это привело к тому, что за его квартирой установили нелегальный надзор, брали на заметку всех гостей. Начальник Тобольского жандармского управления 28 апреля 1898 года прислал своему подчиненному в Курган предписание «...Предлагаю лично переговорить с начальником учителя Белоногова о наведении сим последним предосудительных знакомств... и постараться достичь отклонения Белоногова от посещения сборищ Петра Якубовича. О результатах мне донести, вместе с фамилией волостного писаря, посещающего названные сборища. За сборищами иметь строгое негласное наблюдение с целью выяснения, насколько таковые имеют преступный характер».

В начале января 1899 года в Курган прибыл Иван Михайлович Зобнин, отбывший верхоленскую ссылку, но получивший запрет на жительство в его родном городе Челябинске и приехавший в Курган как в ближайший пункт. Зобнин сразу явился к Якубовичу для знакомства и стал бывать у него почти ежедневно. Здесь он свел знакомство с учителями Тимофеем Павловичем Белоноговым и Павлом Ивановичем Русановым, которых привлек к переписке прокламаций. Зобнин вел слишком откровенную агитацию. За домом, где он снял квартиру, велось постоянное наблюдение.

В самом начале февраля Якубович и Гоц одновременно получили телеграммы от Владимира Германовича Богораза, по процессу которого Гоц был выслан в Якутск, а сам Богораз отправился на 10 лет в Колымск. Розалия Федоровна знала Богораза по Якутску, куда он навещался и даже там временами жил. Десять лет истекло. Владимир Германович ехал в Петербург и на больших станциях встречался со старыми друзьями. Не забыл и курганцев. И потому неслучайно пожелал пойти на вокзал и Зобнин, который тоже знал Богораза. Здесь 6 февраля Иван Михайлович был арестован, у него сразу сделали обыск и нашли большое количество фотографий политических заключенных, похорон Н.Е. Федосеева, в кружок которого Зобнин входил во время учебы в

Казани, материалы о верхоленской ссылке, прокламации, квитанции на письма, отправленные в Сибирь, в том числе в Шушенское Владимиру Ульянову.

На следующий день был произведен обыск и у Якубовича на Канавной. (ныне – М.Горького) Присутствовали помощник прокурора Омельченко, полицейский надзиратель Карамышев и понятые. Вся квартира из трех комнат, передней, кухни с подполом и чуланом была тщательно перерыта, но в протоколе пришлось записать, что «ничего явно преступного или прямо относящегося к предмету настоящего обыска не сыскано. Взяты для ближайшего просмотра рукописная тетрадь «Социализм в Англии» Сиднея Вебба, перевод с английского, рукопись на 11 листах под заглавием «Исповедь в каторжном лазарете» и два письма»...

Обыск был произведен у всех, кто ходил к Якубовичу. Белоногова арестовали после того, как нашли у него прокламации, остальных допрашивали как свидетелей. Жандармскому ротмистру Вонсяцкому хотелось получить компрометирующий материал на Петра Филипповича, но никаких улик не было. На допросе 11 февраля Зобнин признал только факт знакомства с Якубовичем. В протоколе допроса записано: «... О Якубовиче больше ничего показывать не буду. Относительно того, куда я отлучался из квартиры Парышева и кто ко мне туда приезжал, я показывать не буду». Белоногов тоже ничего не рассказывал. 2 мая 1899 года Якубович пишет товарищу прокурора Омельченко Георгию Захаровичу: «Из допроса учителя уездного училища Русанова... я узнал, что относительно меня существует подозрение в устройстве разных общих чтений противозаконного характера; означенный Русанов показал, что единственное общее чтение, происходившее в моей квартире, было посвящено чтению известной комедии Гоголя «Женитьба», причем назвал и всех бывших у меня в тот день лиц, между прочим, и находящегося в настоящее время под арестом Белоногова... Я покорнейше прошу, пока он не выпущен еще на свободу и не имеет возможности сговориться со мной и другими, допросить его обо всех подробностях...».

Для Якубовича было очень важно пройти по делу Зобнина не участником, а только свидетелем. 27 марта 1895 года он из разряда ссыльно-каторжных был переведен в ссыльно-поселенцы, и если в течение четырех лет не был бы замечен ни в чем предосудительном, то его должны были бы приписать к любому мещанскому обществу, снять с него полицейский надзор и дать свободу передвижения. К счастью, он остался свидетелем, хотя допрашивался лично Вонсяцким неоднократно.

В августе 1899г. Петр Филиппович подал прошение о причислении его к курганскому мещанскому обществу. Исправник Иван Яковлевич Трофимов направил бумаги тобольскому губернатору, который как раз получил депешу из департамента полиции МВД от 8 августа. В ней сообщалось, что «квартира названного ссыльного является местом конспиративных собраний поднадзорных и лиц, привлекаемых к дознаниям политического характера, вследствие чего начальник Тобольского жандармского управления возбудил ходатайство об удалении Якубовича из г. Кургана... Дальнейшее оставление его на жительство в

Кургане представляется нежелательным, и равным образом признается нежелательным разрешение названному лицу приписаться в курганские мещане, в случае возбуждения им о том ходатайства». Так и случилось, что ходатайство Якубовича и полицейская депеша сошлись на столе губернатора. Естественно, губернатор отказал Петру Филипповичу. Но тот настаивал и 15 сентября написал новую бумагу с просьбой пересмотреть решение. Опять отказ! Тогда Якубович просится в Казань для лечения и 21 октября наконец-то получает согласие министерства. 29 октября 1899 года ему уже выданы проходные свидетельства, и супруги покидают Курган навсегда. Из Казани они уедут на станцию Удельную, что под Петербургом, где Петр Филиппович и скончается 17 марта 1911 года. Похоронили его на «Литераторских мостках» Волкова кладбища. На свежий могильный холмик кто-то из близких друзей положил несколько веток любимого им багульника.

ПОЧТА, ТЕЛЕГРАФ, ТЕЛЕФОН.

Регулярное почтовое сообщение в Сибири началось в 30-е годы 18 столетия. В 1768г. объявили новые правила, определяющие порядок провоза почты, места ночевки курьеров, разборки корреспонденции. По Сибирскому тракту почтовые станции размещались через 25-35 верст. На каждой станции держали по две тройки лошадей. Ямщики на тройках были не моложе 18 лет. Позднее почту и курьеров стали возить не на тройках, а на паре лошадей. Скорость передвижения полагалась в среднем 7 верст в час. Долгое время Курганская слобода находилась в стороне от больших дорог и была известна как крепость, в которой стоял драгунский полк. Военный гарнизон всегда получал почту – приказы, распоряжения, но доставлялась она фельдъегерями, которые скакали по бесконечным дорогам огромного государства. Гражданские власти тоже получали почту с нарочными. В 1782г. слобода обретает статус города с именем Курган. В 1799г. при городничем Чикунове была учреждена почтовая экспедиция. Приехал экспедитор Михайла Рябухин, который вместе с общественным старостой занялся поисками квартиры для почтовой экспедиции. Нужен был большой дом, в котором можно было бы вместе с конторой поместить в отдельных комнатах экспедитора, почтальонов, ямщиков, чтобы был большой двор для содержания лошадей и завозня для поклажи. Договорились с купцом Иваном Обрядовым. 16 января городничий объявил жителям Кургана, чтобы все почтовые отправления, т.е. казенные конверты и частные письма приносились в почтовую экспедицию по четвергам, дабы в пятницу утром их можно было без промедления отправить. В день отправки никакая корреспонденция не принималась. Почта из Кургана отправлялась в губернский город Тобольск по Ялutorовскому тракту и уже оттуда рассылалась дальше, согласно адресу.

Содержать почтовую экспедицию в своем доме было очень хлопотно, поэтому почти каждый год экспедиторам приходилось искать новую квартиру. В те времена в городе не было общественных зданий, даже городническая помещалась в наемном доме. Только титулярная советница Екатерина Петровна Середкина долгое время содержала почтовую контору со всем штатом в собственном доме. Усадьба ее находилась на Троицкой улице, на углу переулочка, позже названного Бакинским, впоследствии это место будет занято женской гимназией. Дом Середкиной был деревянный, одноэтажный, состоящий из пяти комнат, двух кладовых, двух сеней и в дом вели два крыльца. На дворе еще была изба с перегородкой и сенями, два амбара, завозня, конюшня с сенником, скотный двор, погреб, баня с горенкой и сенями. А сдавала свой двор Екатерина Петровна потому, что ее муж с 1822 по 1853 год был курганским почтмейстером. Звали его Михаил Васильевич, вступил он в эту должность 28- летним молодым человеком и прослужил в ней всю жизнь. Через год после отставки он умер.

При Середкине был учрежден новый почтовый тракт между Курганом и крепостью Пресногорьковской. Первое отправление почты по этому тракту состоялось 4 декабря 1843г. – это была суббота. Корреспонденцию, не только простую, но и денежную, принимали в тот же день с утра до 12 часов пополудни, а потом почтовая тройка отправлялась в путь. К 1864г. из Кургана шли почтовые и коммерческие дороги на Ялуторовск, Ишим, Петропавловск и Челябинск.

Главным оставался Ялуторовский тракт, который проходил в пределах Курганского округа через деревни Кошкина, Ново – Ачикульская, Белозерская, Сладкий Лог и Боровлянское, далее шел Ялуторовский округ, там тракт проходил через деревню Красногорскую (потом Исетскую слободу) и Бешкильскую слободу. Все расстояние составляло 186,5 верст. Почта из Кургана в Ялуторовск к концу 19 в. отправлялась по понедельникам и пятницам в 8 часов вечера и находилась в пути 21 час 5 минут. Почта в Ишим отправлялась по коммерческому, а потом земскому тракту в 306 верст, проходившему по населенным пунктам: Курган, Сычевская, Моревская, Арлагульская, Елошанская, Моршихинская, Казаринская, Долговская, Частоозерская, Беляковская, Бердюжская, Пегановская, Локтинская, Быкова, Ишим. На почтовом тракте из Кургана в Челябинск находились села: Введенское, Медвежье, Чинеевское (Большое Белое).

Почтовые услуги в 1869г. были дополнены учреждением телеграфа, связавшего Курган с Шадринском. Известный благотворитель, прогрессивно мыслящий купец Дмитрий Иванович Смолин пожертвовал на развитие телеграфа 800 рублей. Содержание телеграфной станции, которая тоже размещалась в частном доме, обходилось в 14 руб.89 коп. в месяц. Переулок, в котором находилась станция, вскоре официально стал называться Телеграфным (ныне улица Красина). В 1878г. курганская городская дума начала ходатайствовать об открытии почтового тракта между Курганом и Шадринском. Вопрос этот решался несколько лет. В 1882г. дума повторила свое ходатайство, которое увенчалось успехом. От Шадринска уже был открыт почтовый тракт на Екатеринбург.

Именно в этом году шадринская земская управа заказала 50 тысяч почтовых марок у известного петербургского издателя Нейбюргера.

После проведения железной дороги в 1893г. телеграф связывал Курган уже не с Екатеринбургом, а с Челябинском. Плата за слово составляла 10 коп., а на Томск через тот же Челябинск – 5 коп. за слово. В июне 1894г. возбуждено ходатайство об открытии в городе телефона, сеть которого равнялась бы 1 версте 200 сажням и соединяла бы квартиру исправника с полицейским управлением, тюрьмой и пожарным депо. Быстро были установлены столбы и натянуты провода, появился телефон. Вначале в частные дома телефон не ставили, им пользовались только учреждения и должностные лица. Почтовая контора была соединена с телеграфом. Почтово-телеграфная контора разместилась в здании вновь выстроенного вокзала. Но помещение было небольшое, народа всегда много, иногда приходилось ждать несколько часов, чтобы отправить корреспонденцию, особенно в почтовые дни. Ведь тогда не было почтовых ящиков, вся почта регистрировалась в журнале.

С 1895г. открыт прием и выдача почтовых корреспонденций всякого рода на семи станциях Западно-Сибирской железной дороги, в т.ч. на станциях Зырянка и Мишкино. С 1 апреля 1896г. по разрешению Главного управления почт и телеграфов открыт прием и выдача всякого рода корреспонденции на сумму не свыше 200 рублей (кроме закрытых и открытых ценных пакетов и корреспонденции с наложенным платежом, а также международных посылок и пакетов с объявленной ценностью) в волостных правлениях. К 1914г. волостных почтовых отделений стало уже 40. Почта из Кургана и мелких железнодорожных станций отправлялась уже ежедневно: в Сибирь – с поездом № 4, в Россию – с поездом № 3, с этими же поездами и получали почту. По трактам почта отправлялась два раза в неделю: по Ялуторовскому – по понедельникам и пятницам в 8 часов вечера, по Пресногорьковскому – по вторникам и пятницам в 8 часов утра. Получали почту в Кургане с Ялуторовского тракта по воскресеньям и четвергам в 7 час. 40 мин. утра, с Пресногорьковского тракта – по средам и субботам в 11 час.5 мин. вечера. К 1911г. в крупных селах почтовые отделения преобразованы в почтово-телеграфные конторы: в Боровлянском – начальник М.Н.Путиков, в Белозерском – начальник Г.А.Синицын, в Лебяжьеvском – начальник Я.Ф.Пермин, в Петуховском – начальник А.И.Смирнов, при нем чиновники 6-го разряда Е.Г.Тимофеев и И.Я.Плотников, в Шатровском – начальник И.П.Быков и надсмотрщик Я.К.Костоломов.

К этому времени прочное место как средство связи завоевал телефон. В Кургане телефонная связь была установлена в 1894г. Кроме официальной линии быстро возникла частная сеть. О ее существовании известно из донесения начальника Омского почтово-телеграфного округа тобольскому губернатору от 22 марта 1907г. « В Кургане существует обширная частная телефонная сеть свыше чем на 80 абонентов, из числа коих некоторые абоненты, как видно из донесения начальника Курганской почтово-телеграфной конторы , пользуются телефоном за плату, тогда как открытие и пользование телефонным сообщением

дано в разное время лишь в общем на 26 абонентов. Разрешения эти Главным управлением почт и телеграфов даны: 1. Западно-Сибирской железной дороге в 1898г. на 3 абонента в городе и на 3 – на вокзале железнодорожной станции. 2. Курганскому исправнику в 1894г. в городе и дополнительно к ним в 1898г.- 9 станций. 3. Купцам Смолину и Дунаеву в 1898г. в их усадьбах и в городе- 7 станций, а всего их разрешено к открытию и пользованию 26 станций. ..Прошу распоряжения о приостановлении функционирования столь обширной частной телефонной сети, устроенной к общему пользованию частными предпринимателями без установленного на то разрешения...» . В результате в Кургане было оставлено 20 бесплатных телефонов. Конфликты были разрешены и в 1911г. телефонная сеть насчитывала 230 абонентов. В январе 1913г. начальник местной почтово-телеграфной конторы попытался брать плату со всех абонентов, и 22 января городская дума рассмотрела этот вопрос. Пришли к решению оставить бесплатные телефоны у чинов полиции, пожарных частей, в больницах. Брать плату с телефонов: у вокзала, директора гимназии, механика пожарных машин, ремесленной школы, податного инспектора, городского врача и врача Папуловой.

Плата за телефон зависела от расстояния: если оно было не свыше двух верст по прямому направлению от центральной станции, плата составляла 40 руб. в год. Если свыше двух верст, то за каждые 100 сажен расстояния добавлялось 3 рубля. За установку добавочного аппарата в том же доме – еще 10 рублей в год, за перенос телефона в другое здание – 6 рублей единовременно. С каждым годом плата за телефон росла. На заседании городской думы 7 февраля 1913г. обсуждалось отношение курганского исправника о необходимости постановки телефона на вокзал за счет города, который бы играл роль в поимке преступников и в других случаях полицейской службы, направленных к охранению безопасности граждан. Телефонные провода потянулись во все стороны от города. В январе 1914г. « Курганский вестник» опубликовал следующее сообщение: « За последнее время обнаружено, что в различных от города местах неизвестными лицами перерезаны и похищены телефонные провода. Так, по линии Илецко-Иковской лесной дачи похищены провода на четырех пролетах, по линии на городские дачи один из тонких проводов совершенно снят и похищен вплоть от города и до дачи. Крестьяне из проводов выют тяжи для телег». На расширение телефонной сети в бюджет города на 1914г. было заложено 2 297 руб. 50 коп.

КУРГАНСКИЕ САДЫ И ПАРКИ

Когда декабрист Андрей Розен прибыл в Курган на поселение, он был поражен тем, как мало зелени в городе. Купив усадьбу окружного судьи Александра Григорьевича Иванова, Розен получил в свое распоряжение кроме дома и надворных служб довольно большой сад с аллеями и кустами. Будучи прирожденным агрономом, он очень радовался саду. Михаил Александрович Назимов дал ему для разведения махровые левкои, резеду, жасмин и много других цветов. Уже в январе 1833г. Розен начал готовить рамы к теплице, ждал посылку с семенами из украинской Каменки от шурина Ивана Малиновского. В посылке оказались не только цветочные семена, но желуди и зернышки яблок. Из 200 желудей взошел только один, сеянцы яблонь взошли и в дальнейшем благополучно зимовали. Уже в 1835г. Андрей Евгеньевич писал в Каменку, что сад его красуется, но в 1837г. курганские декабристы были отправлены на Кавказ и сад осиротел. Розен просил поляка Воронецкого, который временно поселился в его доме, обратить особое внимание на сад. « Если зима сурова, то прошу приказать завалить пушистым снегом мой дуб и мои яблони. Этим средством я сохранил их в 1834г., а в следующие зимы они зимовали без всякой искусственной помощи. Если где перила или заборик зашатаются или изломаются от сильных весенних ураганов, то надо все поправить и даже очистить главные дорожки три раза в лето. Часто я вспоминаю мой сад...». Когда в 1839г. приближался конец каторги Ивана Пущина и он ждал поселения в Западной Сибири, Розен советовал ему проситься в Курган и предлагал поселиться в его доме, который все еще не был продан и славный сад стоял без надзора. « Ты рад будешь саду и крытой аллее из акаций длиною в 120 шагов; боюсь, что все это запущено за два года», - писал Розен.

Действительно, сад Розена был запущен. До 1865г. усадьба была в пользовании ссыльного поляка Эразма Клячковского, потом врача Никодима Баландовича, а Баландович продал ее под городовую больницу. Учительница Евдокия Марковна Делинина в своих воспоминаниях писала, что больница была окружена сосновым садом и девочки из прогимназии, в том числе и она, на переменах бегали туда играть. И только когда усадьба была куплена городом и отдана в аренду Общественному собранию, в саду начались работы по благоустройству, чтобы дать возможность членам Общественного собрания совершать прогулки и отдыхать в тени деревьев. Посторонним вход в сад был запрещен. В 1913г. даже ребята, определенные на лето на Детскую площадку, были допущены в сад за 50 рублей, да и то на ограниченное время.

В этом саду в 1895г. была размещена первая в Сибири сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, павильоны которой были расположены вдоль аллей. 21 февраля 1895г. Совет Старшин Общественного собрания заявил выставочному Комитету, что по постановлению общего собрания уступает принадлежащий клубу сад и « считает себя свободным с 1 марта от найма садовника, предоставляя клубному садовнику г. Муравьеву войти в соглашение по устройству сада и по вознаграждению за труды с выставочным Комитетом». В преддверии выставки в саду было высажено много молодых деревьев, которым очень вредила засуха в это лето, и садовник Муравьев занимался поливкой

ежедневно. Воды даже из двух колодцев не хватало. Кроме того, в распоряжение Комитета на правах аренды отдали оранжерею и теплицы, чтобы вырастить цветочную рассаду для клумб. Для летних гастролеров в углу сада на стыке улицы Солдатской (Горького) и Бакиновского переулка (Володарского) выстроили театр, в котором во время выставки спектакли шли каждый день. После захвата города белочехами Общественное собрание переименовали в Гарнизонное или Офицерское собрание. Газета «Курганская свободная мысль» писала 25 июня 1919 года: «Благоустроенный сад Гарнизонного собрания, служащий единственным в Кургане местом, где можно подышать свежим воздухом, укрыться от несносной пыли и грязи города, провести час-другой в кругу близких и знакомых, благодаря платному входу в него (три рубля с персоны), доступен людям состоятельным, для которых выбросить лишних 90 рублей в месяц ничего не стоит. А между тем в Кургане наберется несколько тысяч интеллигентных тружеников, масса беженцев с Поволжья, которым свежий отдых крайне необходим».

После окончательного установления советской власти, в 1920г. сад Общественного собрания получает официальное название « Рабочий отдых», которое продержалось не очень долго и сменилось на обыденное « городской сад». В 1927г. этот сад был передан профсоюзам, которые развернули бурную деятельность по подготовке следующего сезона. Решили открыть детскую и спортивную площадки, библиотеку-читальню, выстроить вместо обветшавшего новый летний театр на 540 человек, где будут выступать синематисты, демонстрироваться фильмы, ставиться спектакли, работать драмкружки. В саду ежедневно играл духовой оркестр. Вход был платный, но взяв билет в кино или театр, платить за вход в сад не надо. 6 сентября 1928г. состоялось грандиозное гулянье с факельным шествием и « бриллиантовым фейерверком», что вызвало протест местных пожарных. В 1929г. появились детские кружки велосипедистов, юных натуралистов, друзей сада, музыкальный. В тот год открытие нового сезона летнего театра было 16 мая. В репертуаре спектакли – Рельсы гудят, Голос недр, Когда поют петухи, Огненный мост, Сигнал и др. В 1937г. сад по улице Советской был отдан под детский парк имени Красина.

Вторым по старшинству был сад Вольно-пожарного общества. Само общество было создано в августе 1896г. Для изыскания средств обществом был построен клуб, именуемый иногда театром, сформирован оркестр духовой музыки, посажен сад. Клуб на зиму сдавали в аренду 2-му Общественному собранию. В саду устраивали гулянья, там была танцевальная площадка, стрелковый тир, закрытая веранда для оркестра, фонтан, но больше всего гуляющих привлекал большой пруд, на котором можно было кататься на лодках. 29 апреля 1917г. газета « Известия курганского совета рабочих и военных депутатов» извещала: « Курганский совет военных депутатов знаменуя восстановление личности солдата открывает Солдатский сад в помещении бывшего 2-го Общественного собрания. Открытие сада состоится в 7 часов вечера 30 апреля, в воскресенье. При открытии сада будет играть полный полковой оркестр». Гулянье обычно начиналось с 5 часов вечера, танцы – с 8 часов. В

1927г. кино-комиссия при Окрполитпросвете начала подготовительные работы к открытию второго кинотеатра в помещении клуба Вольно-пожарного общества для обслуживания рабочих, живущих в районе мельницы, кожевенного и винокуренного заводов. Кинотеатр получил название « Рабочий», иногда его называли « Рабочее кино». Увеличившийся поток посетителей сада привел к негативным последствиям. Аллеи сада забросали мусором, пруд покрылся плесенью и издавал зловоние, в биллиардной нередко возникали драки, в которых принимали активное участие официанты. На столиках в буфете на грязных скатертях стояла грязная посуда и пивные кружки. Тем не менее, правление Вольно-пожарного общества весной 1929г. просит у городского отдела коммунального хозяйства оформить право на владение участком земли размером 74x132 метра для расширения сада между улицами Советской и Свободы (Куйбышева). Дополнительная площадь сада давала возможность устроить стадион, а зимой заливать каток. Через некоторое время сад Вольно-пожарного общества был передан промкооперации, под ведомством которого сад превратился в притон хулиганов.

В 1900-е годы в Кургане нарезали новые кварталы между Телеграфным переулком (Красина) и Соборным кладбищем (Парк Победы). На углу Пушкинской улицы и Шавринского переулка (Тобольная) было оставлено обширное место под торговую площадь и здесь разместился Новый базар. Весной 1918г. в городе решили организовать новые сады. Посадочный материал был выписан из Омска и саженцы были доставлены на открытой платформе, да и выгружены были через неделю после прибытия, отчего многие деревца оказались засушенными и потом четверть высаженных деревьев погибла. К посадочным работам были привлечены безработные, состоящие на Бирже труда. Сады были устроены на Соборной и Александровской площадях, на Троицкой улице рядом с домом купцов Меньщиковых (аптека №1) и на Новом базаре. Работы велись под руководством специалиста-садовода, чеха по национальности. Он посоветовал оставшийся посадочный материал в количестве 10 000 деревьев хранить зарытым в землю в саду около Нового базара. Осенью саженцы использовали для замены погибших, посаженных весной. Саду на Новом базаре в 1925г. было дано имя Осокина.

Анатолий Григорьевич Осокин один из первых комсомольцев Кургана. Работал на железной дороге, быстро выдвинулся на руководящую работу, был одним из первых ответственных секретарей райкома РКП, потом-заместителем секретаря окружкома РКП. 15 мая 1925г. Осокин был убит на охоте 16-летним жителем деревни Речкиной Михаилом Коротовским с целью завладения его охотничьим ружьем центрального боя. Схоронили Осокина рядом с братской могилой на площади Урицкого, состоялся многолюдный митинг, на могиле был установлен деревянный обелиск со звездой. Вскоре его имя было присвоено молодому саду, одной из улиц вблизи станции и одному из пионерских отрядов. В 1928г. сад был передан в распоряжение рабочих железной дороги, и постепенно имя Осокина перестало фигурировать, горожане стали называть его просто железнодорожным садом. В июле в этом саду обычно проходили массовые

гулянья, приуроченные ко Дню железнодорожника. В 1939г. 21-23 июля прошел кинофестиваль, на котором демонстрировались фильмы « Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», « Случай на полустанке», « Честь». 30 июля состоялись не только гуляния, но и спортивные соревнования, был дан спектакль по пьесе В.Гюго « Мария Тюдор» силами артистов драмтеатра. Была сделана выставка фотопортретов лучших людей транспорта. Перед войной в саду работал летний театр, танцевальная площадка, бильярд, читальня, стояли три новых павильона, где продавали прохладительные напитки. Решением горисполкома от 12 февраля 1958г. железнодорожный сад был преобразован в Детский парк, официальное открытие которого состоялось 1 июня того же года.

Садик на Соборной площади скорее можно назвать сквером, он занял всю Соборную площадь между улицами Береговой (Климова) и Свободы (Куйбышева), подходил вплотную к церковной ограде. За садом никто не следил и « Красный Курган» поместил крик души какого-то горожанина, который писал: « В парке около собора проституция и ширмачество свили порочное гнездо. Ограда парка во многих местах раздергана, в парке пасется скот, объедает и топчет кусты, а ширмачи выламывают деревья». Садик при аптеке, против пожарной части, был весь в кустах, среди которых стояла одинокая беседка, там летом проводили свои сборы первые курганские пионеры. Но постепенно и этот садик приходил в запустение. Горсовет в 1931г. предложил горкомхозу сдавать садик в аренду какой-нибудь торговой организации для продажа кумыса или фруктовых вод, но при условии содержания садика в надлежащем виде и использования его для бесплатного отдыха горожан, как днем, так и вечером.

Площади всех этих старых и новых садов и садиков были небольшими. Горсовет обратил внимание, что вокруг старого городского кладбища независимо друг от друга возникло несколько садиков. В 1903г. при Саманном доме МОСХа было начато разведение сада под наблюдением лесничего Николая Николаевича Костомарова. По разрешению Лесного департамента для сада были отпущены саженцы из питомника при курганской лесной школе и учащиеся этой школы принимали участие в работе по производству посадок. Для поливки сада, а также для других надобностей МОСХа устроили большой колодец с насосом. На закладку сада было израсходовано 83 рубля 52 копейки, на колодец – 142 рубля 17 копеек. В 1914г. Общество попечения об учащихся возбудило перед городской думой ходатайство об использовании закрытого кладбища для разведения там сада и устройства детской площадки. Дума отказала, но через полгода Леонид Иванович Дирдовский, директор мужской гимназии, которая находилась в Бакиновском переулке, вблизи Александровской церкви, тоже обратился в думу за отводом участка земли под небольшой садик и площадку для игр и физических упражнений. Обещал все устроить силами учащихся. Дума рядом с гимназией участка не дала, а предложила разбить сад на старице Битевке, чтобы им могли пользоваться учащиеся всех городских училищ. Гласный Федор Смолин высказал пожелание, чтобы в устройстве гимназического сада была планомерность и, чтобы директор представил план в городскую управу. Все кончилось тем, что гимназисты посадили возле училища несколько кустов и деревьев.

«Красный Курган» 8 мая 1924 г. писал: « В центре города среди рабочих кварталов мы имеем обширную площадь почтит естественного сада... Это закрытое Александровское кладбище, ограниченное с запада насаждениями Александровской церкви, с севера - садом бывшего духовного училища, с северо-востока – садом Саманного дома, с востока - тенистым садом бывшего 3-го училища и усеянное по всей площади, хотя и нечастыми, тополями.. Кроме того, с запада сюда примыкает площадь сада бывшей мужской гимназии и вновь открытый сквер с памятником борцам революции. Вся эта территория составляет около 8 десятин земли. Здесь наиболее уместно разместить новый сад». В июне 1924г. горсовет « приняв во внимание совершенное отсутствие основательных садов-парков в городе Кургане, где бы рабочие могли отдохнуть от дневной работы на свежем воздухе», постановил организовать Центральный сад-парк вблизи братских могил, объединив садики бывшего женского Гоголевского училища, МОСХа и кладбище.

Братские могилы – захоронения курганских комиссаров, расстрелянных в 1918г. и жертв кулацких мятежей. В апреле 1921г. уездный исполком объявил конкурс по разработке проекта памятника на братскую могилу и дал неделю срока. Из нескольких предложенных проектов выбрали, вероятно, коллективный проект, предложенный 206 полком, стоявшим в это время в Кургане. Закладка памятника состоялась 1 мая, сразу после демонстрации, открытие было 7 ноября того же года. На трех гранях обелиска были высечены надписи: « Павшим за дело коммунизма.1917год». « Павшим от меньшевиков и эсеров.1917 год». « Павшим за власть советов. 1921 год». Памятник поставили не на месте захоронений, а немножко в стороне, предполагая в будущем сделать перед ним центральную аллею. И эта территория площади Урицкого, как стала именоваться бывшая Александровская площадь, была включена в будущую территорию сада-парка. Площадь Урицкого должно было озеленять Общество краеведения, возникшее 28 сентября 1924г.

Весной 1925г. начали равнять территорию кладбища – срывать бугорки могил, засыпать ямы провалившихся могил, вести планировку аллей, поставили ворота, сделали 94,75 погонных метров садовой ограды, обнесли невысоким штакетником братские могилы. В 1926г. уже были устроены дорожки, клумбы, в западной части насадили молодых сосенок. На следующий год наметили соединить кладбищенский сад с садиком « Братские могилы» и продолжить оборудование всего парка скамейками, беседками, закончить посадку молодняка и навозить песку для подсыпки дорожек. На все работы планировалось потратить одну тысячу рублей. В эти годы высадили много кустов сирени и желтой акации.

Садовником был принят некто А.И.Комогоров, который всей душой болел за курганские сады, писал докладные записки в коммунальную секцию горсовета, просил помощи. Этот полуграмотный человек был настоящим патриотом города и честно исполнял свои обязанности. 24 марта 1927г. он снова обращается в горсовет. (орфография сохраняется – А.В.) « В коммунальную секцию горсовета от садовника Комогорова А.И. Докладная записка. В своих ранее поданных докладных записках я достаточно точно обрисовал все состояние в

подведомственных мне садов, в размере площадью 5 десятин, которые для охраны посадки, цветов, чистики, поливки и ухода за фруктовыми деревьями и другими необходимыми работами все сады огорожены слабо. Кроме выше указанных садов под моим наблюдением находится новая парк который требует много средств и хлопот, а сметы отпущено всего 1000 рублей построить одну музыкальную икстраду только может хватить этих смет а на выше указанные сады отпущено не одной копейки, предложено мне поддерживать на самокоупавносу. На цветы и другие растения ежегодно дают не более 300 рублей при хороших условиях. Все мешают развить в полном порядке сады. При хорошем загороде и охране садов возможно бы эксплуатировать сады ну из сметы нечего не сделать. А поэтому я прошу коммунальную секцию помочь мне выйти из трудного положения сохранить сады, изолировать пионерские отряды от молодых садов а также детские дома и дать распоряжение в школы пососетству находящиеся садами и все это поможет сохранить сады. С моей стороны необходимо бы дать наобразу известную площадь земли одну или две десятины за баней комхоза набитевке вблизи города для практических упражнений. Посадки деревьев разных пород и цветов и хлебных других злаков, где бы дети были заинтересованы своей работой и подышали бы свежим и чистым воздухом кругом близко вода где бы дети могли произвести детскую работу заливкой а также необходимо принять меры к посещаемости садов со взрослой публикой чтобы не нарушали садов чтобы всякому гражданину было известно, что нарушать народное достояние нельзя затем необходимо принять меры против бродящего скота погороду бесхозяйственного надзора а тем боли козлов, которые очень вредят деревья погороду и проникают в сады. Если коммунальная секция окажет мне ту помощь примет меры по возможности проведет в жизнь те мероприятия то наши сады будут сохранены только при наших усилиях мы можем это сделать. Садовник Комогоров. 1927 года 24 апреля».

Учтя замечания садовника, горсовет решил сад-парк, получивший имя В.И.Ленина, закрыть на все лето, оставив проход с улицы К.Маркса к зданию окрисполкома, сад у собора и сад им. Осокина оставить открытыми, для всех трех садов нанять постоянных сторожей, исправить ограды. 13 мая 1928г. лесной отдел ОКРЗУ проводил в Кургане День леса. Горожане дружно вышли на озеленение улиц. Горкомхоз запросил ОКРЗУ отпустить для сада-парка им. Ленина для посадки саженцев: клена-300, тополей-700, вязов – 300, акации-2000, яблони-дички – 200, березы -200, ясеня -200 и других пород 1000 штук. До того, как сад-парк был не засажен окончательно, Совет физкультуры обратился в горсовет с просьбой выделить в саду место для окружного стадиона, но получил отказ ввиду того, что молодые посадки могут быть погублены. Было предложено оставить место под спортивную площадку в западной части сада в зависимости от выбора места постройки летнего театра.

Несмотря на все попытки сохранить городские сады, горсовет в 1929г. вынужден был отметить, что «за нынешнее лето козы съели все, что было рощено годами». Было принято решение еще на год закрыть правую часть сада-парка, считая от входа с улицы К.Маркса, усилить охрану всего сада от поломки

деревьев и от бродячего скота. Опять наняли сторожей, которым платили 40 рублей в месяц. И только в 1930г. сад был открыт полностью. Деревья и особенно кусты акации и сирени разрослись, дорожки и центральная аллея, на которой стоял памятник борцам революции, были засыпаны песком, поставлены скамейки. Вход в горсад был платный, его открывали в 6 часов вечера и гулянье продолжалось до часа ночи. Танцы под духовой оркестр начинались с 10 часов. Часто посетители были чем-нибудь недовольны и даже писали жалобы в газету: «В саду царит хулиганство, пьянство, деревья охраняются плохо. Дети до 12 часов играют в прятки в саду, ломая деревья и топча газоны. Игр никаких нет, хотя можно было бы организовать качели, городки, крокет, теннис, волейбол, кегли и целый ряд других игр. В саду темнота, нет радио, кино, негде даже купить пачку папирос, четыре ларька торгуют исключительно спиртными напитками, единственный ларек, который торгует квасом, расположен где-то в конце сада».

На спортивной площадке горсада, оборудованной между окрисполкомом и Народным домом, которая громко именовалась стадионом, в июле 1934г. была проведена первая в городе спартакиада, включавшая бег, прыжки в длину и высоту, метание гранаты, толкание ядра, бег в мешках, городки и стрельбу. Состоялись спортивные игры - футбол, волейбол, баскетбол. После этого спартакиады здесь проводились ежегодно, пока не построили стадионы Медик, Локомотивный, Динамо. На этой спортивной площадке в 1956г. был разбит Фестивальный сквер.

В 1941г. открытие городского сада состоялось 3 июня. В летнем театре и на открытой эстраде выступал специально приглашенный коллектив свердловского мюзик-холла. Через две недели в саду был большой праздник, посвященный окончанию учебного года. Веселились более двух тысяч учащихся. А 22 июня репродукторы сада известили гуляющих о начале Великой отечественной войны. Но даже в тяжелые военные годы горсад активно посещался, городские власти уделяли внимание его сохранности. 31 марта 1943г. на заседании горисполкома был снят с работы директор сада Дальский, который «имея двух сторожей в течение зимнего сезона допустил чрезвычайно большие разрушения изгороди. Убыток составил 7920 рублей. Из-за отсутствия изгороди и халатности руководителя оказалась поломка части деревьев и кустов сада. Кроме того, самой охраной сада систематически сжигались и уничтожались ценнейшие декорации театра. Дальский, зная виновных, не принял надлежащих мер. Возместить убытки за его счет.»

Город заботился не только о садах, озеленялись улицы, создавались небольшие скверы. В 1944г. на улицах было высажено 4 тысячи деревьев, среди них американский клен, тополь и акация. Годом раньше в 7 километрах от Кургана студентами и преподавателями сельскохозяйственного института был заложен самый большой на то время в области фруктовый сад. На Чигириме уже был плодовый сад, принадлежащий горкомхозу и заложенный в 1936г. садоводами Ивановым и Кондрашиным. Он занимал 20 гектар, росли там яблони, сливы, малина и виктория. В самом городе за базарной площадью на берегу Тобола был фруктовый сад на одном гектаре земли. Но уже перед войной за ним

никто не наблюдал и сад дичал. Саженцы для фруктовых садов брали из питомника горкомхоза, заложенного в 1929г. на улице Пушкина.

КУРГАНСКИЕ ПОЖАРНЫЕ ЧАСТИ

Первое упоминание о крупном пожаре в Кургане, тогда еще Царевом городище, относится к 1691 году, когда в июле степняки напали на слободу, частично сожгли ее и забрали много пленных. Такие пожары повторялись во время набегов и на новом месте, когда слободу перенесли вниз по Тоболу. Часто слобода горела по вине крестьян, которые сушили зерно в овинах с примитивными глинобитными печами, топившимися по-черному, искры сыпались на солому и пожары полыхали один за другим. Курганский комиссар Михайло Лебедев в 1760-е гг. в своих овинах стал строить кирпичные печи со сводами и трубой. Это послужило примером для других и овины стали гореть реже. После получения Курганской слободой статуса города забота о пожарной безопасности легла на плечи городничих. На городские суммы стали приобретать инвентарь, необходимый при тушении пожаров: черпаки сосновые, ведра из кошмы и кожи, ломы железные, пилы, лопаты, лестницы деревянные, багры, ухваты. Все это хранилось в деревянных ларях на городской площади возле церкви. В тушении пожаров должны были принимать участие все домохозяева.

Во время пожаров инструмент сгорал, приходил в негодность и Хозяйственное управление ежегодно вносило в смету статью «на поправку старых и заведение новых пожарных инструментов». Так, в 1822г. было выделено 532 рубля, в 1823 году - 73 рубля 49 копеек. Кроме того выделялись деньги от 30 до 40 рублей на наем лошадей под пожарный инструмент. В 1823 г. купили огнегасительную машину с пожарными рукавами, несколько летних и зимних ходов, на которые устанавливались дубовые бочки, а когда приобрели еще две огнегасительные машины и общая стоимость всех трех машин составила 875 рублей, то оставлять все это имущество под навесами уже было невозможно. Городничий Федор Иванович Бурдзенкевич добился от Хозяйственного управления выделения 1600 руб. на строительство пожарного деревянного здания с каланчой, которое и было возведено в 1830 г., правда, его строительство обошлось в 2048 руб. 30 коп. Через год были пристроены навесы, которые обошлись в 449 руб. 90коп. В 1839 г. потребовался уже первый ремонт здания, на который из сумм Хозяйственного управления израсходовали 32 руб.

Как только построили пожарное здание, начали создавать постоянный обоз. В 1841 г. пожарная часть имела 8 собственных лошадей, 9 летних ходов, 13 - зимних, полный набор инвентаря. Была создана пожарная команда из 10 человек, которая объединялась с полицейской командой и пожары они тушили общими

силами. В 1841 г. в пожарной и полицейской командах Кургана было 16 человек, в том числе 2 унтер-офицера и 14 рядовых. В обмундирование команд обязательно входили для часовых на каланче и на постах полушубки и шубы овчинные, крытые сукном, которые выдавались на 4 года. Срок службы шинели и фуражек с медными бляхами был 3 года, кителей холщовых, мундиров суконных, рейтуз суконных, панталон суконных – 2 года, панталон холщевых, рубашек, полусапог смазных, рукавиц кожаных, галстуков суконных – 1 год. Дольше всех должны были служить кожаные ремни с пряжками - 8 лет. Часовой на каланче присутствовал неотлучно, его обязанностью было бить в набат, завидев дым пожара. В 1857г. для каланчи были заведены флаг, постоянно водруженный на шпиле и фонарь, который выставлялся во время ночных пожаров. Усилий пожарной команды, которая находилась на дежурстве не всегда в полном составе, обычно не хватало для тушения больших пожаров, тем более ночных. Примером может служить ночной пожар гостиного двора в 1860 г., который полностью уничтожил все деревянные лавки и нанес торговцам убытку на 79 319 руб.70 коп. Да само здание гостиного двора стоило 4000 руб. В 1864 г. страшный пожар уничтожил центральную часть города, 8 декабря 1865 г. случился еще один большой пожар, который удалось локализовать. Тобольский губернатор Александр Иванович Деспот-Зенович объявил « свою глубокую благодарность курганскому городничему Михаилу Авенировичу Карпинскому, а также всей пожарной команде с особенною ревностью, самоотвержением и сознанием своего долга, выполнявшим обязанности свои...»

27 июля 1860 г. министр внутренних дел издал циркулярное предписание об создании в городах пожарных команд на средства местных жителей.. ! 7 октября в Кургане состоялось общее собрание купцов и мещан, которые в своем приговоре постановили : « 1) Пожарную часть как-то: служителей, лошадей и прочее поставлять по наряду и содержать их на собственный счет мы средств не имеем и по местным обстоятельствам города считаем для себя неудобным. 2) В нашем городе состоит пожарных служителей 7 человек, при них трое вольнонаемных; лошадей - 8, машин - 2, все это содержится на счет городских доходов; сверх этого из нас каждый обыватель обязан явиться на места пожаров с предписанными снарядами и исполняется в точности. 3) Городских источников на покрытие расходов достаточно, а потому, если и нужно будет в последствии увеличить пожарную часть, то на это мы предполагаем употребить сумму из городских доходов, а в настоящее время мы находим в нашем городе пожарную часть в хорошем состоянии...» И тем не менее, перестройка пожарной части все-таки состоялась. Вероятно, во время какого-то большого пожара пострадало и здание самой пожарной, так как в конце 1863 г. Хозяйственное управление заключило контракт с мещанином Матвеем Легких на постройку «пожарной» и 31 декабря выдало ему задаток 300 рублей. Возможно, здание было просто расширено, ведь первоначально оно занимало площадь всего 27 кв. саж.

Согласно описи имущества, составленной в 1869 г., временное пожарное здание состояло из одной казармы, в которой было две двери, четыре окна и одна

каменная печь. На каланче висел медный колокол в 16 фунтов. В здании помещались 5 огнегасительных машин среднего калибра и одна – большого калибра, все - Невьянского завода, 6 дубовых бочек на 38-33 ведра, заполненные водой и служители. Справа от казармы выстроили подсобное помещение, «крайник», в котором хранились инструменты, слева от казармы стояла конюшня для 8 лошадей, около конюшни был тесовый сенник для набивки сена для лошадей. Каждая лошадь имела имя: Буян, Сокол, Быстрый, Лебедь, Храпун и т.д. Не было ни одной лошади моложе 8 лет. Хозяйственное управление 1 сентября 1873 г. заключило годовой контракт с мещанином Дмитрием Никтополеоновичем Евграфовым « быть ему старшим рабочим или в должность брандмейстера при пожарных снарядах», с выплатой ему ежемесячно 15 рублей. Каждое упущение брандмейстера расценивалось, как подрыв благосостояния города. Под его началом было 11 служителей пожарной части.

С учреждением городской думы ее гласные сразу стали уделять большое внимание пожарной безопасности города. Был заказан проект, смета и план на постройку нового каменного с деревянной каланчой здания. Первый проект был рассмотрен на думе 12 июня 1877 г., второй проект – 27 ноября 1878 г., и 29 января 1879 г. управа представила в думу проект договора на заключение контракта с подрядчиком Волковым на это строительство. В 1880 г. дума приняла обязательное постановление по предупреждению в городе пожаров, а также пресечению краж и грабежей. В каждом квартале учреждался один квартальный и один десяточный старшина, чтобы следить за добросовестным исполнением своих обязанностей квартальными, проверять их в ночное время. Караульный должен был охранять свой участок осенью и зимой с 6 часов вечера до 7 часов утра. Он должен был находиться на улице безотлучно, постоянно обходя свой участок. Заметив дым или подозрительных людей тотчас удостовериться нет ли начала пожара или чего-либо сомнительного, и если подозрения оправдаются, немедленно сообщить хозяину дома, потом соседям и полиции. Квартальными могли быть или сами домохозяева поочередно и за очередь должен наблюдать десяточный старшина, или особый караульный, нанятый домохозяевами по взаимному соглашению. Список караульных и десяточных старшин находился в управе и в полицейском управлении. Караульным выдавался свисток и особый значок с номером квартала, который носился на груди во время ночного караула. Люди порочные, увечные, дряхлые, женщины, а также лица моложе 17 лет и старше 60 лет в караульные не допускались. 4 июня 1883 г. в городской думе состоялось экстренное заседание по поводу принятия мер против частых пожаров и о вознаграждении пожарных служителей за энергичные действия во время пожаров.

Тем временем велось строительство нового пожарного здания. 2 апреля 1881 г. дума возложила наблюдение за постройкой пожарной части на частного городского архитектора Васильева. Заключили контракт, по которому в случае недобросовестности управа могла отстранить его от порученной работы. Строительство началось, но архитектор вместо постоянного наблюдения

отлучился в Тюмень на неопределенное время. В мае дума Васильева уволила и на эту должность пригласила крестьянина Александра Прокопьевича Юшкова. Но Юшков не имел аттестата на производство построек и не был внесен в приказ по МВД в качестве лиц, назначаемых на должности городских архитекторов. Курганская дума добилась оставления Юшкова и он долгое время исполнял обязанности архитектора. 19 мая и 9 июня 1881г. дума рассмотрела акты, составленные членами городской управы и исполняющим должность архитектора Юшковым об упущениях Васильева при постройке пожарного здания. Порицание было занесено в его должностной формуляр.

Здание пожарной части строили быстро, в январе 1882 г.уже состоялись торги на отдачу штукатурных работ. Когда строительство подходило к концу, городская дума 18 ноября 1882 г. передала отчет о расходах для проверки специальной комиссии, которая не нашла больших упущений. В марте 1884 г. уже было принято думой решение о сломе старого деревянного пожарного здания. Для забора воды на городской площади был сооружен колодец, принадлежащий пожарной части. В начале 1890-х гг. в Кургане было несколько крупных пожаров: в 1891 - три пожара домовладений, в 1892 - горел винокуренный завод Смолиных, который нанес хозяевам убытку около 40 тыс. руб., в 1893 - четыре пожара больших. Домовладельцы обязаны были доставлять на случай пожара воду и назначенные инструменты. Для поощрения частных лиц к немедленной доставке воды производился особый расчет, ассигнованный думой на вознаграждение за первые 10 бочек воды.

В 1893 г. по представлению окружного исправника в курганскую пожарную команду был назначен брандмейстером уволенный в запас армии рядовой 10 Туркестанского линейного батальона Михаил Павлович Герасимов, который оставался на этой должности до 1917 г. Брандмейстер имел в своем ведении пожарную команду, лошадей, инструменты и прочие принадлежности и обычно это был полицейский чиновник. В 1909 г. Герасимов был определен на службу в штат курганского уездного полицейского управления с откомандированием для исполнения обязанностей брандмейстера курганской городской пожарной команды. Брандмейстеру платили 300 руб. в год, членам команды 11 руб. в месяц каждому, летом обычно в команде было 15 человек, зимой-12. Дума закладывала в смету деньги для заготовки на лугу сена для пожарных лошадей, на покупку овса, на наем коновала и кузнеца, на ремонт инструмента и экипажей. Содержание пожарной части обходилось городу в 3,5 – 4 тыс. руб. в год.

1895 г. для пожарной части принес много нового. Городское Хозяйственное управление постановило три огнегасительные машины старой конструкции и одну новой конструкции, но маломощную, в виду их неудовлетворительного действия во время больших пожаров, продать и взамен приобрести хоть одну машину, но сильно действующую. В это время в Кургане велась подготовка к большой выставке и городской голова Ив.Ив. Филинов предложил думе принять участие в пожарном отделе и ассигновать для постройки павильона 223 руб.19 коп. Дума деньги дала и поручила устройство павильона городской управе. В

результате городское общественное управление получило Похвальный лист за образцовое содержание пожарной команды.

Был у городской пожарной части и филиал. В 1904 г. между улицами Ново-Запольной и Пушкинской, переулками Богородским и Казарменным начал действовать турбинный завод инженера Сер. Ал. Балакшина. Опасаясь искр, вылетающих из трубы литейки, пожарная часть поставила каланчу и небольшое депо против завода, на углу Ново-Запольной и Казарменного переулка, за двором воинских казарм. Кстати, в этом дворе был хороший колодец, которым могли пользоваться пожарные. Таким образом, к 1917 г. городская пожарная часть имела две каланчи, обоз ее состоял из 30 лошадей при 26 нижних чинах, запряжка была обыкновенная, дуговая, при скорости 50-75 секунд. Было 8 ручных труб, 1 насос «Челенж» фабрики Войтеховой в Екатеринбурге, 15 одноконных на железных ходах бочек, 1 паровая машина фабрики Шанд-менсон в Лондоне, 1 моталка с 500 саженьями рукавов с винтовыми соединениями, 1 возок со щитами, лестницами, баграми и 1 дымовая маска «Кенига». Были уже специальные рукава для забора воды из колодцев. При паровой машине был постоянный машинист с содержанием 480 рублей в год. Брандмейстеру в это время уже платили 720 рублей в год при готовой квартире. Команда формировалась из запасных нижних чинов, с содержанием 240 рублей в год. Предпочитали брать семейных. Весь состав команды был застрахован в обществе «Голубого Креста» на 100 рублей каждый на случай инвалидности или смерти.

В 1893 г. в Курган пришла железная дорога, население начало быстро увеличиваться, возник поселок при станции, нарезали и межевали новые кварталы, участились и пожары. Курган находится на степной равнине, где в течение лета дуют сильные западные и юго-западные ветры, раздувающие даже маленькие пожары в мощное пламя, грунтовые дороги, покрытые слоем песчаной пыли, грязью или снежными заносами, отсутствие водопровода – все это преодолевалось пожарными обозами во время выездов по тревоге. И эти же трудности явились стимулом к дальнейшему усилению и реорганизации пожарной охраны города. С 1896 г. параллельно с действиями городской пожарной команды начали функционировать две пожарные организации, каждая при своих отрядах: Вольно-пожарное общество и частный пожарный обоз Василия Михайловича Серова. До 1890-х гг. вольно-пожарные команды, в основном, были распространены на западной окраине России. Развитие их получило сильный толчок с учреждением в 1893 г. Российского пожарного общества, одной из целей которого было открытие большего числа новых пожарных команд на всей территории страны. Был разработан и в 1896 г. принят Устав городских вольно-пожарных обществ, после опубликования которого в первый же год было создано около 40 новых добровольных обществ.

В первых рядах оказалось курганское Вольно-пожарное общество, возникшее исключительно по инициативе граждан. 14 марта 1896 г. последовало его открытие при 27 членах-учредителях, первым председателем Правления был избран земский исправник Иван Яковлевич Трофимов, членами Правления -

купцы Сем. Фед. Ушаков, Мих. Евгр. Серов, Пав. Вас. Соколов, Александр и Федор Смолины. Деятельность Правления в первые месяцы была направлена на изыскание средств, необходимых для приобретения инвентаря и привлечение лиц, желающих служить пожарному делу. Особенно активное участие при изыскании средств путем сбора пожертвований принимал городской голова Фед. Вас. Шветов. Свои действия Вольно-пожарное общество начало в августе 1896 г. Кроме тушения пожаров в его функции входил надзор за точным соблюдением горожанами пожарных и строительных правил, в случае найденных нарушений общество имело право обращаться к полицейской власти для привлечения виновных к ответственности. Добровольным обществам было предоставлено право содержать особый отряд трубочистов, которые выполняли свою работу за известную плату.

Территория для устройства здания вольно-пожарной дружины была отведена на восточной окраине города, вблизи протоки Быструшки. Пожарное депо было построено на средства Фед. Дм. Смолина, который потом был после Трофимова председателем общества. Строительство обошлось ему в 2000 рублей, на его же средства было приобретено 68 касок для дружинников. Деревянное здание депо с каланчей стояло на углу Дворянской улицы и Абоимовского переулочка (Советская-Кравченко), со стороны Троицкой улицы (Куйбышева) к депо примыкал пустырь, оборудованный дружиной под спортивную площадку и разбит сад. Общество обслуживало восточную часть города, заводы на заимке Смолиных, деревни Вороновку и Мало-Чаусову. Если первое оборудование обоза, постройки, обмундирование дружины приобретались на пожертвования, то позже Общество начало изыскивать свои средства путем членских взносов, дежурств в театрах за плату, очистки дымовых труб, устройством увеселений в своем театре и саду, было исходатайствовано право на расклейку афиш по городу, сформирован духовой оркестр, который тоже зарабатывал деньги. 28 ноября 1915 г. был заключен договор с открывшимся за полотном железной дороги Петроградским консервным заводом войсковых заготовок, где Вольно-пожарное общество несло караулы круглосуточно за 300 рублей в месяц. Караулы состояли из трех дружинников с необходимым инструментом и ручном насосе. За три месяца, до 1 марта 1916 г., караулами было потушено 11 пожаров при самом их возникновении.

К 1914 г. Общество располагало деревянным депо с каланчей, театральным залом с садом при нем, имело обоз, состоящий из 4-х ручных труб, 5 бочек, 1 возка с шанцевым инструментом, 6 лошадей и 5 постоянных наемных служащих. Команда дружинников состояла из 102 добровольцев, разделенных на четыре отряда: лазальщиков, трубников, водоснабжателей и охранителей. При команде имелся санитарный отряд из трех человек при добровольце-фельдшере с санитарными сумками. В 1914 г. в Кургане было большое наводнение, затопило всю восточную часть города. Дружинники Общества приняли самое активное участие в спасении жителей, их имущества и скота. Дружинники были застрахованы тоже в обществе «Голубого креста» на 500 рублей каждый. С

началом 1-й мировой войны многие дружинники были призваны в действующую армию, вольно-пожарному обществу пришлось тесно сотрудничать с частновладельческим обозом Вас. Мих. Серова, вместе в 1915 г. они потушили 44 пожара. Во время отступления колчаковцев в 1919 г. капиталы Общества, лошади и музыкальные инструменты были отобраны и увезены. Через какое-то время имущество было восстановлено.

Городское Хозяйственное управление помогало Вольно-пожарному обществу содержать обоз, выделяя из бюджета ежегодно 1560 руб. Но на 1913 год это пособие бюджетная комиссия совместно с городской управой исключила из сметы, на что Правление Общества уведомило думу, что «не имея возможности содержать прислугу обоза на свои средства вынуждено будет из 5 человек оставить только двоих и снять с каланчи пост часовых». Несмотря на уменьшение средств Вольно-пожарное общество устраивало праздники: для детей дружинников команды и их семей была всегда елка в собственном театре, 6 августа отмечали годовые праздники - либо в форме под музыку собственного оркестра ходили в Троицкую церковь, либо служили молебен прямо в депо, демонстрировали тушение пожара и спасение из огня, показывали любопытным машины и другие приспособления, во время торжественного обеда попеременно играл духовой оркестр и пел соборный хор под управлением Вас. Орловского. Иногда под оркестр дружина в форме и обоз шли по улицам церемониальным маршем. Впереди обычно шли председатель Правления и начальник дружины. В разные годы Председателями были Ив.Як. Трофимов, Фед.Дм. Смолин, Вас.Мих. Серов, из начальников дружины нам известны Блюмберг, Денисов, Вас.Пав. Харламов, Луневский, членами правления были купеческий сын Вас.Пав. Харламов, почтово-телеграфный чиновник Георг.Ив. Змеев, воинский начальник, полковник Игн. Венед. Галицкий. Казначей-купец Алекс. Иосиф. Крылов.

Из доклада Правления Вольно-пожарного общества от 10 июля 1927 г. президиуму курганского горсовета видно, что в 1923 г. было выстроено новое депо, но судьба старого здания не указана, возможно, сгорело. На территории общества стояло театральное помещение, учебная башня, был сад и разные хозяйственные постройки. Все имущество было оценено госстрахом в 15 000 рублей. Продолжал существовать духовой оркестр из 15 человек. Депо обслуживалось 6-ю пожарными профессионалами – по 2 человека на смену. По тревоге общество могло дать одну машину и три бочки. В случае надобности позже могли подать остальные машины и хода. Дружинники вызывались набатом с каланчи и добирались кто как может: пешком, бегом, с попутным транспортом, при больших пожарах пользовались извозчиками за счет общества. По тревоге являлось до 25 человек, на открытые пожары – до 80 человек. Жизнь дружинников была застрахована на 1 тыс. руб. на случай смерти и на 1 тыс. руб. на случай увечья. Средства Вольно-пожарного общества составлялись из субсидии горсовета – 750 руб. в год, из членских взносов по 6 руб. в год, отчислений от выступлений оркестра, за дежурство дружинников в театрах,

эксплуатацию сада и театра, за расклейку афиш, из пожертвований. Наемных служащих не было, все выборные должности не оплачивались.

Василий Михайлович Серов был наиболее профессиональным пожарным. Кроме службы в Вольно-пожарном обществе он имел собственный частный пожарный обоз, содержание которого обходилось ему ежегодно в 1200 рублей. Первоначальное имущество обоза состояло из пожарной трубы старинной конструкции Невьянского завода с наливным ящиком и пары бочек. В 1901 г. обоз пополнился двухрукавной трубой завода «Густав Лист» и легкой трубой «Тверь» завода Ф.Ф.Урлауб. Одновременно с увеличением огнегасительных машин обоз пополнялся различными пожарными приборами и рукавами. В.М. Серов первым начал при тушении пожаров пользоваться длинными составными рукавами и водой из усадебных колодцев. Эти опыты были сначала встречены не только недоверием, но и как всё новое, были осмеяны. Тем не менее, через какое-то время городская пожарная часть и Вольно-пожарное общество перешли на ту же систему. Начальник губернии Ник. Львов. Гондатти, бывший в Кургане в августе 1906 г., посетил отряд Серова и выразил владельцу обоза свою благодарность. Обоз Серова принимал участие в тушении пожаров как в городе, так и в близ лежащих селениях. Его деятельность активизировалась с началом войны. Городская дума в своем заседании 25 декабря 1916 г. отметила, что «пожарный обоз г. Серова имеет особенно большое значение в настоящее время, когда активные силы существующей добровольной организации – Вольно-пожарного общества, по случаю призыва значительного числа дружинников на военную службу, ослаблены. Между тем настоятельно необходимо не только сохранять силы и средства тушения пожаров, которыми город располагал до войны, т.к. в городе Кургане возник ряд новых весьма крупных промышленных предприятий, работающих на нужды государственной обороны».

Активная деятельность пожарных обозов потребовала централизации управления и в 1906г. при городской управе был создан Пожарный Комитет. Комитет избирался думой из лиц, причастных к пожарной деятельности города. Председателю пожарного Комитета при разрешении вопросов противопожарной безопасности было предоставлено право участия в составе управы с правом совещательного голоса. Председателем Пожарного Комитета был избран Вас.Мих. Серов, который оставался в этой должности до самой революции 1917 г. В его обязанности входила организация городской пожарной команды, наблюдение за состоянием пожарных обозов, разработка проектов пожарной безопасности города и пригородов. В состав Комитета входили владелец турбинного завода Сер.Ал. Балакшин, купцы Ал. Иос. Крылов, Вас.Пав. Харламов, мещанин Иван Ильич Никифоров. Комитет определил для каждого пожарного обоза радиус выездов в 3 версты. Город был разделен на 4 пожарных участка, с выделением пригородов в особые районы. Раздел проходил по Солдатской (Горького) улице и Бакиновскому (Володарского) переулку. Кроме городских кварталов в состав 1-й части входили станция Курган и крестьянская больница на Битевке, в состав 3-й части – городская скотобойня и заимки за

полотном железной дороги, в 4-ю часть входили Тихоновка, заимки Смолина, деревня Мало-Чаусово и заимки за Тоболом.

По инициативе Комитета для улучшения быта пожарных служащих в 1912 г. выстроили каменную баню и прачечную при городском депо. Со времени вступления в строй действующих в 1914 г. курганской электростанции пожарные организации перешли на электрическое освещение, на каждой каланче были устроены световые сигналы, которые включались во время пожаров, вместо вывешивания шаров. Каждое пожарное депо имело телефон и четверть сообщений о пожарах поступало по телефону. На содержание пожарных команд город расходовал в год до 20 тыс.руб. В мае 1914 г. в Томске состоялся 1-й Сибирский пожарный съезд. Курган представлял В.М.Серов. Расходы по поездке принял на себя город. На выставке, которая работала во время съезда, были экспонированы картограммы о деятельности курганских пожарных команд и планы городских пожарных зданий. В том же 1914 г. Императорским Российским Пожарным Обществом была возобновлена деятельность Всероссийской передвижной выставки, которая была оборудована в 13 вагонах специального поезда. Выставка отправлялась из Петербурга 5 июня и конечным пунктом был Томск. Поезд делал 78 остановок, в том числе прибыл в Курган 18 августа и стоял два дня. Комитет выставки просил городскую управу и Вольно-пожарное общество принять участие по привлечению всех интересующихся лиц и обществ к посещению выставки и сообщить о ней ближайшим сельским дружинам.

После 1917 г. функционировала городская пожарная часть, сохранившаяся до настоящего времени и Вольно-пожарное общество. Переулок, где располагалось Общество, до 1923 г. именовался Абоимовским, с 1923 г. – Вольно-пожарным. В декабре 1944 г. состоялось решение горисполкома о передаче здания Вольно-пожарного общества ремконторе, а в августе 1945 г. состоялось новое решение – о передаче имущества и штата общества в ведение городской пожарной команды. Так закончился славный путь курганского Вольно-пожарного общества. В апреле 1965 г. и улицу переименовали в улицу Кравченко

СЕЛЬСКАЯ МЕДИЦИНА КУРГАНСКОГО ОКРУГА К. 19 –Н.20ВВ.

Заканчивался 20-й век. Сибирь сотрясали эпидемии – тиф холера, оспа, скарлатина, сибирская язва, чахотка и пр. Только в губернских и окружных городах были небольшие больницы и помощь сельскому населению оказывалась исключительно окружными врачами. При громадных пространствах участков и

большей, чем в Европейской России, частоте судебно-медицинских случаев в силу присутствия ссыльного элемента, времени у этих врачей хватало только на их первую обязанность – судебно-медицинскую экспертизу. Оказывать систематическую помощь сельскому населению окружные врачи не могли. С 1889г. были учреждены должности сельских врачей – по одному врачу на округ. На одного сельского врача в Курганском округе приходилось 20 000 кв.верст и 260 000 населения, в Ишимском округе – 37 000 кв.верст и 290 000 населения. Сельский врач жил в Кургане, но постоянно был в долгосрочных отлучках по округу и крестьяне, пытавшиеся заставить его в городе, скоро убедились, что это почти невозможно. Да и какую систематическую и существенную помощь мог оказать врач крестьянину без больницы?

Масса больных требовала частых посещений и для многих одноразовая помощь равнялась нулю. При разъездах у врача не оказывалось под рукой даже в случае небольшой операции необходимого инструмента. Заразных больных в крестьянской избе невозможно было изолировать. В Сибири сельский врач без больницы был просто чиновником, регистрирующим факты, будучи бессильными перед ними. В 1895г. курганскую сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку посетил министр земледелия и государственных имуществ Алексей Сергеевич Ермолов. На встрече с ним присутствовал курганский сельский врач Петр Павлович Успенский, который с болью говорил о состоянии сельской медицины в Тобольской губернии: « В земских губерниях медицинская помощь подается 29% населения, у нас только 3%; участок врача рассчитывается там на 20-30 тыс. жителей, у нас один врач на сотни тысяч, там имеют возможность установить конечный пункт разъезда в 15-30 верст, у нас сотни верст. Соседка Пермская губерния имеет 65 сельских врачей, у нас их только 10, в каждом из своих уездов она тратит на сельскую медицину столько же, сколько у нас во всей губернии». К этому времени в Шадринском уезде были больницы Ольховская, Шадринская, Нижне-Петропавловская, Далматовская, Теченская, Каргапольская, в Крестах во время ярмарки открывалась временная земская больница. Кроме того в крупных селах были приемные покои.

В 1891-1892гг. Тобольскую губернию постигло два бедствия- голод и холера. Смертность населения резко возросло. После этого стали появляться в волостях больницы для сельских жителей. В 1897г. были введены в губернии новые штаты по сельско-врачебной части и образованы 32 врачебных участка. Число этих участков находилось в прямой зависимости от числа существовавших в то время больничных зданий, не принимались во внимание действительные нужды населения и врачебные пункты во многих участках оказались далеко не в центре участка. Огромное большинство населения было по-прежнему лишено медицинской помощи из-за отдаленности селений от больниц и амбулаторий. Старались этот недостаток восполнить выездами врачей в участок, были заведены определенные дни и определенные пункты, но это отрывало врача от систематической работы при больнице. И большой пользы эти разъезды по-прежнему не имели. При сельских лечебницах не было заразных барачков,

сифилитических отделений, родильных помещений. И лишь некоторые лечебницы благодаря средствам, собираемым крестьянами, имели операционные комнаты с отдельной хирургической палатой, отдельные амбулатории и все необходимые инструменты.

В 1893г. тобольским губернатором был назначен лифляндский вице-губернатор, статский советник Николай Модестович Богданович. 6 февраля он прибыл в Курган, чтобы начать знакомство с губернией с ее южных округов. Здесь у него состоялась встреча с крестьянскими начальниками и сельским врачом Сергеем Ивановичем Дьяконовым. Эти чиновники были наиболее заинтересованы в налаживании сельской медицины в округе. Врач Дьяконов был купеческим сыном, окончил медицинский факультет Казанского университета и 23 декабря 1885г. был исключен из купеческого звания, как чиновник, поступающий на государственную службу. С 1890г. он служил сельским врачом в Курганском округе, в 1895г. эта должность перешла к Петру Павловичу Успенскому, Дьяконов стал окружным врачом. В августе 1894г. он был пожалован орденом Св.Станислава 3 степени.

Среди крестьянских начальников активностью и усердием выделялся Сергей Валерианович Карнович, заведывавший вторым участком. В подопечных селениях он помогал открывать сельские училища, дома призрения, библиотеки, поддерживал театральную жизнь города, ставя спектакли в общественном собрании и участвуя в них как актер. За труды свои в 1898г. был пожалован орденом Св. Анны 3 степени. При первой же встрече с Богдановичем Дьяконов и Карнович заручились обещанием нового губернатора помогать в организации сельских лечебниц. Уже летом 1893г. было решено открыть больницы в семи южных округах Тобольской губернии, в том числе в Кургане, в селах округа Шмаковском, Утятском, Моршихинском, Кривинском открыть приемные покои. Из губернского земского сбора решили отпускать на каждую сельскую лечебницу 840 руб. на содержание и 100 руб. на лекарства, на каждый приемный покой -75 руб. на содержание и 50 руб. на лекарства.

В Кургане начали срочно переоборудовать под сельскую больницу переселенческие бараки, выстроенные год назад на берегу старицы Тобола – Битевке. Бараки обшивали тесом, устраивали двойные полы, клали дополнительные печи, благоустраивали территорию. Курганская сельская лечебница обслуживала ближайшие волости – Введенскую, Дубровскую, Мало-Чаусовскую, Моревскую, Падеринскую, Сычевскую, Черемуховскую и Чинеевскую с 45-ти тысячами населения. Число кроватей в больнице постепенно росло от 10 до 30. Персонал состоял из врача, трех фельдшеров, акушерки, четырех сиделок и одного служителя. Из трех фельдшеров двое постоянно жили по фельдшерским пунктам в селах Моревском и Чинеевском, где проводили ежедневный прием больных. Врач посещал эти пункты раз в месяц - Моревское 1 - го числа, Чинеевское – 15 числа. С 1895г. по 1919г. этой больницей руководил П.П.Успенский. В 1888г. в Томске открылся первый сибирский университет, среди студентов первого набора медицинского факультета был Успенский.

Дипломы молодым врачам вручили 1 ноября 1894г. Большинство выпускников были определены сельскими врачами в сибирские губернии. Нагрузка на Успенского была очень большая. В 1912г. он и фельдшеры амбулаторно приняли 21 487 человек, в стационаре лечились 604 человека. На содержание больницы из губернского правления выделялось 2 000 руб в год, с крестьянского добровольного 20 –копеечного обложения поступало 5 000 руб. Зарплата в 1912г. составляла в год: врачу 2 100 руб, фельдшеру – 500 руб, акушерке – 360 руб. и бесплатная квартира, сиделке – 84-120 руб., служителю – 120 руб. Одной сельской лечебницы, да еще находящейся в окружном городе, было недостаточно. В апреле 1893г. сельский врач С.И.Дьяконов объезжал волостные села с чтением лекции о предохранительных мерах против холеры и ее лечении. Везде склонял крестьян вместо приемного покоя построить свою крестьянскую больницу. За ним С.В.Карнович, который регулярно бывал в своем 2-м участке, говорил о больнице с волостными старшинами и те поддержали эту идею. Крестьяне волостей Башкирской, Черемуховской, Глядянской, Митинской, Чернавской, Меньшиковской, Утятской, Камышевской, Нижне-Алабужской и Плотниковской постановили на своем сходе строить больницу. Объявили сбор денег и за короткий срок от волостей поступило 7 803 руб.68 коп. и это после неурожая и голода предыдущих лет. Купец Ник. Ив. Калмаков пожертвовал 500 руб, купец Дм. Ив. Смолин – 200 руб. В результате оказалось 8,5 тыс. руб. Строить больницу решили в селе Утятском. Местное крестьянское общество безвозмездно выделило в полуверсте от села участок прекрасной сосновой рощи в окружности более версты. а

Для ведения работ была учреждена строительная комиссия под председательством Карновича, состоящая из инженера В.А.Берса, ведущего строительство железнодорожного моста через Тобол, врача С.И.Дьяконова и пяти волостных старшин. Строить больницу из нового леса не позволяли средства. Стали искать подходящий дом, чтобы перевезти его в Утятское. В селе Верхне-Алабужском Плотниковской волости нашли просторный дом из девяти комнат, полученный когда-то Екатериной Березиной в приданое от отца Егора Игнатьевича Папулова. Комиссия постановила купить дом, за 2 500 руб. Фед.Сем. Березин без всякого торга сбавил 500 руб., тем самым внося свою лепту в строительство будущей больницы. Вся постройка больницы продолжалась около семи месяцев под наблюдением специалиста-техника Замаруева, занятого на строительстве железной дороги и с разрешения своего начальства подолгу проживавшего в Утятском.

24 мая 1894г. состоялось освящение и открытие утятской участковой сельской больницы. Карнович приехал накануне, чтобы отдать последние распоряжения и присутствовал на всенощном бдении в местной церкви. Наутро стали съезжаться гости. Приехал губернатор Н.М. Богданович в сопровождении окружного исправника Ив. Як Трофимова, председатель крестьянского присутствия В.И.Лебедев, переселенческий чиновник А.А.Станкевич, крестьянские начальники других участков, волостные старшины, сельские

старосты. Съехались крестьяне из сел и деревень, пришли ученики местного училища. Открывалась первая в Тобольской губернии сельская больница. Стечение народа было так велико, что во время литургии обширный трехпрестольный храм вместил только десятую часть собравшихся. После службы крестный ход отправился к больнице, где священник о. Иоанн Желницкий освятил здания и гости осмотрели больницу. Затем был завтрак для почетных гостей, на котором Богданович отметил заслугу Карновича и передал ему 100 рублей для приобретения хирургических инструментов, а также пообещал с июля месяца назначить в больницу фельдшерицу с жалованьем 420 руб. в год. После завтрака все присутствующие были сняты на фоне больницы прибывшим из Кургана фотографом А.И.Кочешевым. Вечером местным пиротехником был устроен фейерверк, которым и закончился праздник.

Наутро, 25 мая, в больницу приняли уже трех человек, через неделю их было 11 человек. Ежедневно больницу посещало до 40 человек. До назначения постоянного врача прием вел С.И.Дьяконов. В главном здании больницы было три палаты, операционная, кабинет врача, аптека, ванная, умывальня, квартира фельдшера из двух комнат, кухня, под ней огромный каменный подвал, помещение для сторожа. Отдельно были выстроены баня, погреб и заразный барак с двумя палатами и комнатой для сиделки. Против этого барака – дезинфекционная камера в маленьком домике. За месяц до открытия больницу осматривал инспектор Врачебной управы и ко дню открытия прислал значительное количество медикаментов. На устройство больницы было израсходовано 7 604 руб. 53 коп., за первые 10 дней на содержание больницы – 325 руб. 95 коп. На руках утятского волостного старшины на нужды больницы осталось 572 руб. 14 коп.

6 ноября 1895г. сельским врачом в утятскую больницу был назначен окончивший курс на медицинском факультете Томского университета В.П. Сосунов. Молодой энергичный Василий Сосунов оказался хорошим помощником Карновичу. Он вникал в нужды сельского населения, часто посещал деревни и села, делал операции в больнице. Положение в деревнях одиноких стариков, инвалидов ужасало как врача, так и крестьянского начальника. Этих беспомощных людей ежедневно переносили из дома в дом при ропоте домохозяев, кормили их плохо, одевали в лохмотья, спать укладывали на голом полу. Да и сами хозяева не всегда имели кусок хлеба. По совету Карновича и Сосунова 30 марта 1896г. был собран сход восьми волостей 2-го участка, на котором было постановлено: « В память предстоящего в текущем году священного коронавания Их Императорских Величеств построить в селе Утятском четыре здания для призрения дряхлых стариков, калек и умалишенных...На постройку ассигновать по 30 коп. с ревизской души и на содержание ежегодно по 10 коп., что составит около 6 000 руб. постройка и около 2 000 руб. на содержание». Утятское для Дома призрения было выбрано из-за больницы и врача, который мог оказывать несчастным постоянную помощь. В Строительную комиссию вошли Карнович, Сосунов и пять крестьян из

Глядянской, Камышевской, Башкирской, Утятской и Меньшиковской волостей. 14 апреля 1897г. Дом призрения был открыт. Труды В.П. Сосунова не остались незамеченными и в 1899г. он был пожалован орденом Св. Станислава 3 степени.

Чуть позже утятской открываются больницы в селах Белозерском и Моршихинском. Начальник 3-го крестьянского участка Курганского округа, корнет запаса Берг, по примеру Карновича, собрал крестьянские сходы в десяти волостях: Белозерской, Брылинской, Иковской, Марайской, Мендерской, Мостовской, Салтасарайской, Тебеняжской, Усть-Суерской и Шмаковской. Крестьяне на своих сходах постановили на собственные средства строить больницу в селе Белозерском. Торжественное открытие больницы состоялось 16 августа 1895г. в присутствии губернатора Н.М.Богдановича. Перед началом молебна местный священник о. Александр Елеонский держал речь, в которой сказал: « Жители здешней местности с давних пор были заняты мыслию о постройке больницы...Но всем памяты бедственные годы сплошных неурожаев...Теперь наступили времена плодоносные и вопрос о больнице снова выступил на очередь. Дознав горьким опытом, какой страшный урон произвела в народе эпидемия единственно лишь по отсутствию правильно организованной врачебной помощи, жители после сего стихийного бедствия уже недолго колебались в решении намеченного вопроса и вскоре согласились приступить к постройке общественной больницы. Оставалось только найти сведущего человека, знакомого с техникою, которому можно было бы доверить , без опасения излишних затрат, сложное дело построения больницы. К счастью такой человек нашелся в лице своего непосредственного начальника. Под его опытным руководством быстро и дружно закипела работа по всем частям постройки здания и вот оно ...готово к приему и помещению больных». Больницу открыли, но не было ни врача, ни фельдшера. Богданович пообещал как можно скорее прислать врача, а первых больных пришлось принимать сыну священника, Алексею Елеонскому, в то время студенту-медику Томского университета, в дальнейшем военному врачу. Работа Елеонского в белозерской больнице была безвозмездной, но не продолжительной. Вскоре был определен штат больницы – врач, четыре фельдшера, один фельдшер-акушер. Врач, один фельдшер и акушерка находились при лечебнице и проживали в селе Белозерском. Три фельдшера служили на общественных фельдшерских пунктах в селах Брылинском, Мостовском и Усть-Суерском. Врач посещал эти пункты один раз в месяц.

Прошло семь лет и здание белозерской больницы потребовало капитального ремонта. Видимо, плотники так торопились построить больницу, а постоянного надзора за их работой не было, что все было сделано недобросовестно. Полы во всем здании, как чистые, так и черные, были поражены грибок, стены коридора выгнулись внутрь, наружные стены пробивались дождем потому , что были плохо проконопачены, в окнах было мало форточек, двери перекошило. Все это было результатом работы малоопытного подрядчика-плотника. 10 ноября 1910г. здание больницы было осмотрено комиссией в составе курганского уездного исправника Эд.Макс. Каковского, врача П.П.Успенского,

архитектора Н.А.Юшкова и представителей местной администрации. Ремонт был неизбежен. На предстоящие работы составили смету в сумме 1 973 руб. 29 коп. Было предусмотрено расширение здания за счет прируба для помещения заразных больных. И опять работы были произведены за счет крестьян, которые в 1903г. собрали на нужды лечебницы 3 836 рублей.

Осенью 1894г. общества крестьян Кривинской, Обутковской, Лопатинской, Курейинской и Моршихинской волостей Курганского округа постановили в память императора Александра 3-го устроить в селе Моршихинском крестьянскую больницу на 24 кровати, для чего собрать с каждой платежной души по 25 копеек. Все заботы по постройке больницы были возложены на крестьянского начальника 5-го участка Иконникова. В 1895г. больницу выстроили, но только на 13 кроватей. К ее открытию на имя чиновника по крестьянским делам было получено от о. Иоанна Кронштадского (Сергиева) для моршихинской больницы 100 рублей и икона Св. Иоанна Предтечи. Кроме выше перечисленных волостей в моршихинский врачебный участок входили еще волости Арлагульская, Елошанская, Лебяжьевская, Макушинская, Могильская. На 1900г. персонал больницы состоял из врача, четырех фельдшеров, одной фельдшерицы-акушерки, лекарского ученика и трех повивальных бабок. Врач, фельдшер и акушерка работали при больнице, три фельдшера – при фельдшерских пунктах в селах Кривинском, Лебяжьевском и Могильском. Лекарский ученик служил при приемном покое в селе Лопатинском. Врач посещал эти пункты один раз в месяц согласно расписанию. Больницу в Моршихинском ежедневно амбулаторно посещали 20-25 человек, при наличии официальных 13 кроватей бывали недели, когда в палатах лежало 30 человек и более.

В моршихинской больнице долгое время работал один из лучших сельских врачей Тобольской губернии А.А.Кривополянский. Стоит привести отзыв о нем крестьянина Могилевской волости Степана Горева: « В селе Моршихинском есть крестьянская больница, которую осаждают больные. Врач в этой больнице поистине человек, который сознает свою обязанность и трудится не жалея сил. К каждому больному он внимателен, терпению его прямо надо удивляться, как это он может один справляться и всегда быть любезным. Он действительно помогает всякому. О сотрудниках его, фельдшере и акушерке, она же фельдшерица, и не знаю, как их назвать: они готовы всю свою душу положить для больного и, кажется, готовы отдать все свое здоровье. Всюду я побывал, но таких честных тружеников я еще не встречал». Другой корреспондент писал: «Здесь море страданий, здесь вечная днем и ночью работа, работа, работа без конца. Нельзя оторваться, нельзя покинуть больных без надзора. Народ темный – один считает непременно условием лечения «мяться» и не лежит, когда ему предписан покой, а норовит ходить. Тот признает лекарства только наружные и при ревматизме норовит внутреннее лекарство измазать на больную ногу. Но бывают любители внутреннего употребления лекарств. Тут берегись больше всего...»

В палатах рядом лежали тифозные, чахоточные, паралитики, с вывихами, с рваными ранами и пр. В феврале 1906г. Кривополянский донес Врачебному отделению, что на остатки от кредитов, ассигнованных в предшествующие годы волостными сходами из мирского капитала на нужды моршихинской больницы может быть построен заразный барак, чтобы помещать туда сифилитиков и тифозных. План барака был составлен еще в 1898г., но из-за недостатка средств его постройка была отложена до более благополучных времен. Барак деревянный, на каменном фундаменте был выстроен в непродолжительном времени. После Кривополянского моршихинском врачом работал Николай Даршкевич, при нем был опытный фельдшер Копылов. В августе 1909г. Даршкевич уехал, его обязанности временно исполнял П.П.Успенский. 6 февраля 1910г. в эту больницу был определен выпускник Томского университета Владимир Богословский.

Все четыре больницы округа были построены еще до введения в губернии штатов сельской медицины на средства местного населения и эти средства постоянно служили источником их содержания. В 1902г. и 1903г. мужики ассигновали на свои лечебницы: курганской -5095руб. и 4487 руб., белозерской – 2786 руб. и 3836 руб., утятской – 4211 руб. и 4471 руб., моршихинской – 3740 руб. и 5433 руб. Взносы с платежной души были одинаковые, но врачебную помощь получали разную. На деревни, расположенные от больницы за 15 верст, падала треть посещений, свыше 20 верст – 10 %, свыше 30 верст -3 %, а с еще большего расстояния больницу посещали единицы. А за 30-верстовой чертой жила большая часть населения, которая фактически оставалась без медицинской помощи. Фельдшер, посещающий отдаленные волости от 2-х до 4-х раз в месяц не в силах был помочь всем страждущим. Население по-прежнему прибегало к помощи всевозможных бабушек и знахарок. Иногда трагический исход их лечения нисколько не подрывал авторитет знахарок.

В 1911г. крестьянским начальником 5-го участка Курганского округа был определен Н.Н. Салимовский. Ознакомившись с участком, он заметил, что село Лопатинское остро нуждается в больнице, т.к. село Моршихинское, где находилась участковая больница, расположено в 50 верстах и поездка туда на лошадях с тяжело больными очень затруднительна. Салимовским был собран сход уполномоченных от ближайших к Лопатинской волостей, на котором и было решено строить больницу на месте, отведенном лопатинским сельским обществом. Был создан еще один врачебный участок и даже определен врач – Дмитрий Васильев, который ранее служил сельским врачом в Старорусском уезде Новгородской губернии. Но больницы в Лопатинском не было, только приемный покой с лекарским учеником и Васильев не пожелал прибыть на место назначения. В начале 1912г. снова назначен врач – Яков Константинович Лободовский. Он прожил в Лопатинском всего 11 месяцев, но за этот короткий срок открыл в частном доме больницу, которая с первого дня была переполнена больными. Прием в амбулатории нередко доходил до 100 человек в день. Благодаря хлопотам и энергии Лободовского скоро удалось построить здание

больницы на 20 кроватей, с операционным залом, на которое было отпущено около 16 000 рублей казенных денег с расчетом на 16 коек и амбулаторию. Строить было разрешено хозяйственным способом под присмотром строительной комиссии. На сходе представителей близ лежащих волостей было постановлено производить сбор с крестьянского населения по 50 коп. с души на содержание больницы. Торжественное открытие лопатинской больницы состоялось 6 декабря 1912г. Съехались гости из ближайших сел и из города. А 2 февраля 1913г. врач Лободовский уезжал из Лопатинского.

Представители местной интеллигенции во главе с волостным старшиной И.Федоровым устроили прощальный ужин, на котором Лободовскому было сказано много теплых слов и поднесены памятные подарки. После отъезда Лободовского врачом в лопатинскую больницу был определен Н.Н. Юновидов. Салимовский, который принимал самое деятельное участие в строительстве больницы, озаботился и строительством богадельни. 21 февраля 1913г. вступила в строй двухэтажная, полукаменная, вместительная богадельня, приютившая безродных калек, получивших теплый угол и бесплатный стол. Богадельня была выстроена и содержалась исключительно на крестьянские средства. К началу Первой мировой войны в Курганском округе было 5 сельских больниц и 11 фельдшерских пунктов в селах: Байдарском, Брылинском, Кривинском, Лебяжьеvском, Могилевском, Марайском, Моревском, Михайловском, Салтасарайском, Усть-Суерском и Чинеевском

КУРГАНСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

К моменту октябрьского переворота 1917г. в городе было две больницы - городская и сельская лечебница на Битевке, среди населения называвшаяся «крестьянской». Были небольшие больнички при тюремном замке и при духовном училище, два приемных покоя - на станции Курган, против вокзала, и на заимке Дм. Ив. Смолина. В городе работало несколько частных врачебных кабинетов. Во время перехода власти от белых к красным и наоборот 1 августа 1918г. курганский уездный комиссар объявил, что все медицинские работники - врачи, фельдшеры, провизоры, фармацевты, ветеринары - должны встать на учет. Многие из них были мобилизованы в белую армию и с ней ушли на восток, в том числе уездный врач Сергей Иванович Дьяконов и один из лучших врачей города Петр Павлович Успенский. В 1922г. Дьяконов прислал в курганский горисполком заявление: «Будучи эвакуирован в августе 1919г.,... я остановился в городе

Боготолем Томской губернии, состоя на службе при больнице и врачом-экспертом. В настоящее время я освободился от службы, должен и намерен возвратиться в Курган или уезд. Я получал дважды, в 1920 и 1921 гг. сообщения из курганского уездного здравотдела с предложением получить должность врача, но не мог выехать... В настоящее время перед выездом в Курган обращаюсь в курганский горисполком с ходатайством ... вернуть дом мой с землею...» Дома всех уехавших врачей были реквизированы.

Курганский здравотдел обратился к П. П. Успенскому, осевшему в Томске и служившему там в больнице, с просьбой вернуться и занять место врача в 1-й Советской больнице. Он вернулся и оказался бездомным. Ему отдали дом на улице Свобода (Куйбышева), 8, жалованья ему положили по 16 разряду в сумме 36 рублей основного оклада и 7 руб.20 коп. надбавки. В это время в городе было три больницы: 1-я Советская (быв. городская), которой заведовал Алексей Александрович Державин, 2-я Советская (быв. крестьянская), заведовала ею Апполинария Иосифовна Голышева, выпускница медицинского факультета Томского университета, венеролог, 3-я Советская (детская), заведовала ею Зинаида Дмитриевна Еропкина. Она - дочь декабриста Дмитрия Иринарховича Завалишина, окончила с отличием медицинский институт в Петербурге по специальности женские и детские болезни, в Курган попала в годы гражданской войны с детской колонией, в которой она работала санитарным врачом. Она появилась в 1919г., когда почти все врачи были мобилизованы, и Зинаида Дмитриевна оказалась единственным дипломированным врачом. На ее плечи легла организация курганского советского здравоохранения. Она одновременно исполняла обязанности главного врача крестьянской больницы и возглавляла организованную ею детскую больницу, под которую отвели здание по улице Советской, 101, потом ее адрес менялся неоднократно. Кроме того, Еропкина была врачом коммунальных столовых помощи голодающим. 22 сентября 1919г. был организован уездный отдел здравоохранения, а при нем коллегия, председателем которой назначили Еропкину. Зинаида Дмитриевна вернулась в Ленинград в 1925г.

Основным лечебным учреждением была городская больница, помещавшаяся на территории современной больницы скорой помощи в шести деревянных бараках. В двух бараках было хирургическое отделение, в двух - терапевтическое, в одном - родильное и в последнем - заразно-венерическое. В 1925г. 1-я Советская (городская) больница получила статус окружной и 2-я Советская (крестьянская) больница стала ее заразным отделением. В августе 1925г. во дворе кинотеатра «Прогресс» был разобран деревянный амбар и перевезен на территорию окружной больницы, чтобы выстроить новый корпус. В каждом отделении было по одному врачу. Здания были уже старыми, требовали капитального ремонта, белья не хватало, не было вентиляции, водопровода и канализации. Питание скудное, в 1927г. оно было рассчитано на 28,5 копеек койко-день (1400 кал.), что не отвечало средней калорийности, а сверху поступило предложение снизить нормы на основные продукты - сахар, мясо, крупы, масло, что заставило бы больных голодать. Горсовет на снижение норм не

согласился.

В 1928г. больница уже не могла удовлетворять запросы населения в стационарном лечении. Площадь всех зданий позволяла разместить 135 коек, а развернуто было 200: в хирургическом отделении -45, в терапевтическом - 40, гинекологическом - 25, родильном - 25, венерическом - 30. В больнице был еще психоизолятор, с решетками на окнах, в нем днем дежурили один санитар и одна сиделка, на ночь оставался один санитар. Заразное отделение объединяло самые разные инфекции, включая брюшной тиф и дизентерию. В окружной больнице было три высококвалифицированных врача - терапевт, хирург, глазник. Тяжелых больных с другими видами заболеваний отправляли в Свердловск. Встал вопрос о строительстве новой больницы. В январе 1930г. выбирали место. Остановились на двух вариантах: 1. Расширить существующую территорию, присоединив к ней квартал, где расположена тюрьма (Советская-Горького-Красина-Кирова), перекрыв улицу Всевобуча (Горького), тюрьму выселить на окраину города. 2. Занять участок в конце улицы Вокзальной (К. Мяготина), рядом со старым кладбищем. Здания возводить вне черты кладбища, на котором разбить сад-парк. В 1929г. на строительство больницы было отпущено 43,5 тыс. руб. Но оба варианта не были претворены в жизнь.

Городская больница славилась своим хирургическим отделением, в котором А.А. Державин проводил разнообразные операции. Газета «Красный Курган» писала 29 марта 1924г.: «Курганским доктором Державиным проведена уникальная операция по омоложению 64-летнего Е. А. Александрова (перевязка и перерезка семявыводящего яичника). После чего больной стал ходить без палки, лицо сделалось полнее, появилась бодрость». К апрелю 1930г. хирургическим отделением городской больницы за 7 лет его существования было пропущено 6867 больных. Смертность составила только 6%. Ближайшими помощниками Державина были доктора Березин, Пухов, Пантеровский. Отделение имело 50 коек, и очередь на операции расписывалась на два месяца вперед. 10 ноября 1932г. общественность отмечала 10-летие работы Державина в городской больнице, а в ноябре 1937г. Державин был объявлен врагом народа и только П. П. Успенский встал на его защиту. Державин был расстрелян, Успенский - осужден на 6 лет и выслан из Кургана. Им были проведены сотни разных глазных операций, и до осуждения Павел Петрович заведовал глазным отделением городской больницы и в связи с отсутствием окулиста в поликлинике вел в ней приемы по глазным болезням. По истечении сокращенного срока он вернулся в Курган в 1942г., продолжил работу в больнице, где главврачом уже был молодой Я. Д. Витебский. 8 июня 1944г. Успенский умер прямо в больнице, на рабочем месте.

Кроме больницы в городе существовали три амбулатории. 15 декабря 1923г. во дворе 1-й Советской больницы была открыта амбулатория по специальностям, в которой прием вели врачи этой больницы. Там работали хирург А. А. Державин, терапевт Сергей Смирнов, гинеколог Александра Никифоровна Пухова, дерматолог-венеролог Алексей Иванович Великанов (умер в 1941г. на служебном посту), детские врачи В. И. Левина и Александр Поликарпович Мещеряков,

фельдшеры Татьяна Николаевна Державина, Любовь Борисовна Грейман, Емельян Иванович Новолодский. Были еще 1-я и 2-я амбулатории. 1-я сначала разместилась на улице Советской, в бывшем доме И. Андреева, потом ее перевели в двухэтажный особняк красного кирпича на углу Рабочего и Центральной (Комсомольская - Горького). Заведовал амбулаторией Павел Михайлович Исаев, уроженец Латвии, специалист по внутренним болезням. Он получал персональный оклад 125 руб. в месяц. 28 декабря 1927 г. на этом посту его заменил Н. Т. Андрианов, врач 2-й амбулатории, а Исаев ушел на его место. Возможно, это было связано со здоровьем Исаева, который страдал врожденным пороком сердца. В 1-й амбулатории вели прием врачи-терапевты Н. А. Сыромятников, С. Н. Рысева, Н.Е. Великанова, зубные врачи Н. И. Тыжнова и М. А. Шагалова, зубной протезист Певзнер и зуботехник Жаворонков. Оклады врачей были от 80 до 110 рублей.

2-я амбулатория размещалась на улице Центральной (Горького), 130, в доме Данилушкина. Ею заведовала Антонина Алексеевна Папулова. Она начинала свою врачебную деятельность в Кургане еще до революции и была первой дипломированной женщиной - врачом в нашем городе. Ее оклад был 125 руб. в месяц. Вели прием терапевт Н. Т. Андриянов, потом П.Исаев, зубной врач Ольга Григорьевна Краснова, фельдшеры Вера Александровна Кашиева, Капиталина Матвеевна Сыромятникова, Цветинский. В 1928г. была открыта школьно-профилактическая амбулатория, в которой вели прием и выходили для осмотра детей в детских домах Надежда Емельяновна Великанова и Анастасия Петровна Исаева. Находилась амбулатория по улице Советской, 63, рядом с домом Розена.

Бичом города был туберкулез. С 15 апреля 1926г. при 2-й амбулатории был открыт туберкулезный диспансер, в декабре 1926г. при нем открыт ночной санаторий для взрослых на 30 коек с диетической столовой. Несколько позже был открыт костный детский туберкулезный санаторий. Диспансер и санатории располагали годовым бюджетом по 14-16 тыс. руб. Тем не менее, с осени 1928г. уже проводилось лечение туберкулеза искусственным пневмотораксом, туберкулином, кальцием, креозотным маслом и т.д. На повестке дня стояло приобретение кварцевой лампы, расширение детского санатория с 25 коек до 40-45 коек и устройство операционной. В тубдиспансере не было даже рентгеновского аппарата. Его закупили в 1926г. для окружной больницы, долго аппарат стоял в бездействии, только в июле рентгенкабинет был оборудован, и горздраву было предложено подыскать врача - рентгенолога и открыть кабинет. В апреле 1929г. газета «Красный Курган» писала: «За три года тубдиспансер сделал большие успехи. Когда-то он помещался в одной комнатухе - сейчас это самостоятельное лечебное учреждение. В 1926г. тубдиспансер пропустил 887 человек, в 1927 г. – 4956, а в 1928 г. – 9817 человек. При тубдиспансере имеется ночной санаторий, детский дневной санаторий и диагностическое отделение. Своя небольшая амбулатория. Помимо лечебной работы диспансер ведет профилактическую работу».

В городе работала санитарно-просветительная служба при окрздравотделе. Санитарными врачами были Василий Порфирьевич Чернозатонский, Гита

Григорьевна Неменова и Флеров, которого 16 ноября 1927 г. на президиуме горсовета утвердили в должности заведующего горздравом по совместительству. Был еще санитарный фельдшер Яков Осипович Осипов. Чернозатонский был отправлен на 4-месячные курсы в Московский центральный бактериологический институт НКВД и Пастеровский институт. По его настоянию окрздравотдел в 1925 г. приобрел химико-бактериологическую и санитарно-гигиеническую лаборатории, заведовать которыми был назначен Чернозатонский. Лаборатории занимались исследованием пищевых продуктов и питьевой воды. Серологическое отделение производило реакцию Вассермана, осадочные реакции, которые в совокупности с другими признаками давали возможность поставить точный диагноз сифилиса. За три года таких реакций было сделано 1528. Через пастеровский пункт за это же время прошло 706 человек, которым было сделано 10605 прививок против бешенства. Санпросом 6 сентября 1925 г. было проведено карнавальное шествие, целью которого было дать понятие о различных болезнях, в том числе о сифилисе и холере. В карнавале шли изображения этих болезней, изображения воды, воздуха, физкультуры. В сентябре 1929г. был организован Дом санитарного просвещения.

В 1929г. была введена медицинская помощь на дому и организована станция скорой помощи, хотя еще в декабре 1923 г. при городской больнице было организовано Бюро скорой помощи. Оно обслуживалось тремя фельдшерами, которые за январь 1924 г. сделали всего 65 выездов на дом - люди еще мало знали об этом бюро. Но это не было самостоятельное учреждение. В Кургане и уезде две трети венерических заболеваний приходилось на сифилис, в городе существовал даже детский венерический изолятор. В 1927 г. уже открыт венерический диспансер для взрослых, который иногда даже в документах называли Домом сифилитиков. Заведовала им врач Ермилова, фельдшером была Анисья Мамаева. В конце 1920-х гг. в Кургане было две больницы (городская и железнодорожная), туберкулезный и венерический диспансеры, три амбулатории, два зубокабинета, санитарно-гигиеническая амбулатория, Дом ребенка, молочная кухня, женская консультация, детские ясли, три аптеки и оптово-базисный склад Уралмедторга.

СТАНОВЛЕНИЕ КУРГАНА КАК ОБЛАСТНОГО ЦЕНТРА

2 февраля 1943г. отгремела Сталинградская битва. (17.07.1942 - 2.02 1943). В последний день января 1943г. фельдмаршал Паулюс, возглавлявший южную группировку немецких войск, со всем своим штабом сдался в плен командующему 64-й армии генералу Михаилу Степановичу Шумилову, нашему

земляку, уроженцу села Верхняя Теча Катайского района. (Похоронен на Мамаевом Кургане). В Великой отечественной войне наступил перелом. Казалось бы все усилия страны направлены на фронт. Но в тылу тоже происходили большие перемены. 6 февраля 1943г. был опубликован Указ президиума Верховного Совета СССР " Об образовании Курганской области в составе РСФСР". Указ гласил: " Утвердить представление Верховного Совета РСФСР об образовании Курганской области с центром в г. Кургане. В состав Курганской области включить: города Курган и Шадринск, Альменевский, Белозерский, Варгашинский, Галкинский, Глядянский, Далматовский, Звериноголовский, Каргапольский, Катайский, Кировский, Курганский, Куртамышский, Лебяжьеvский, Лопатинский, Макушинский, Мехонский, Мишкинский, Мокроусовский, Мостовской, Ольховский. Петуховский, Половинский, Сафакулевский, Уксянский, Усть-Уйский, Частоозерский, Чапинский, Шадринский. Шатровский, Шумихинский, Щучанский, Юргамышский районы, выделив их из состава Челябинской области; Армизонский, Бердюжский, Исетский, Упоровский районы и Верхне-Манайский, Видоновский, Киселовский, Масальский, Нижне-Манайский, Пантелеевский, Пятковский и Слободчиковский сельские Советы из Ново-Заимского района, выделив их из состава Омской области "

Таким образом, в состав Курганской области вошли 32 района из Челябинской области и 4 района и 8 сельсоветов из Омской области. На территории вновь образованной области оказалось 478 промышленных предприятий, 1973 колхоза, 101 МТС, 37 совхозов. Руководить областью были назначены Петр Алексеевич Тетюшев и Сергей Иванович Моликов. Тетюшев был избран первым секретарем обкома ВКП(б). Родился он на хуторе Купоросном под Царицыном (потом Сталинград, Волгоград) в 1906г. Учился на рабфаке, потом в институте Красной профессуры в Москве. Перед назначением в Курган был вторым секретарем Красноярского краевого комитета и в Курган приехал впервые. В отличие от него Сергей Иванович Моликов, назначенный председателем курганского облисполкома, бывал здесь и ранее, потому что с 1941 по 1943 гг. работал заместителем председателя Челябинского облисполкома и по делам службы иногда приезжал в Курган, входивший в состав Челябинской области. Моликов родом был из деревни Тросниковой Орловской губернии, где и родился в 1905г. Тетюшев проработал в Кургане 2 года, Моликов-4 года. На их плечи легли все организационные задачи по становлению области и города Кургана как областного центра.

Вопрос об образовании Курганской области возник еще в 1939г. Обком и облисполком Челябинской области, в составе которой находился Курганский район, дали задание облплану разработать проект организации Курганской области. В августе 1939г. такой проект был готов, согласно которому Курганская область должна была иметь 22 района и 2 города-Курган и Шадринск. Основа экономики - сельское хозяйство. Но все преобразования свелись только к получению Курганом статуса самостоятельного города областного подчинения,

согласно Указу Верховного Совета РСФСР от 29.06.1940 г. Через год грянула война, в разгар которой и возникла новая область. В это время Курган был небольшим провинциальным городом с населением немногим более 60 тыс. человек, промышленность работала на оборону и состояла в основном из заводов, эвакуированных с запада. Из Гомеля летом 1941года прибыл завод сельскохозяйственного машиностроения и разместился на площадке машиностроительного завода. Объединенные заводы стали называться "Уралсельмаш"- № 707. В августе прибыл черкасский машиностроительный завод им. Г.И.Петровского (ныне ЗДС). Вместе со станками и материалами приехали 150 кадровых рабочих и инженерно-технических работников с семьями. Металлорежущее оборудование завода было установлено в бывшем Богородице-Рождественском соборе, ранее занимаемом музыкальной фабрикой. Для литейного цеха завод получил 22 октября бывшую литейную Балакшина на Пушкинской улице. (ныне территория областной больницы) Решением правительства заводу присвоено название «Завод № 709 Наркомата минометного вооружения СССР».

На базе кременчугского завода дорожных машин им . Сталина приказом наркома общего машиностроения СССР от 3 октября 1941г. создан завод № 761 оборонного значения. Завод разместили в обгоревшем корпусе Народного Дома. Основное оборудование вывезти не удалось и в Курган в сентябре прибыло всего 7 единиц оборудования и 26 кадровых рабочих. Техническую документацию уничтожили при эвакуации. Перед заводом была поставлена задача изыскать с помощью Наркомата оборудование и подготовить кадры. К концу 1941г. завод имел 76 единиц и с декабря начался выпуск бензозаправщиков и контейнеров. В начале 1942г. освоили выпуск ручных огнеметов системы Клюева, сам инженер Клюев приехал на завод с группой специалистов московского завода «Компрессор» и некоторое время был начальником механического цеха. Но огнеметы завод выпускал недолго.

На основании Постановления ГКО образован завод № 603 на базе продовольственных складов в северной части города, где разместились несколько десятков единиц металлорежущего оборудования харьковской артели "Производство весов". В феврале 1942г. в состав завода № 603 влился цех московского станкостроительного завода им. С.Орджоникидзе - 14 рабочих и 300 единиц оборудования. В марте 1942г. с московского завода «Манометр» прибыла часть оборудования, на базе которого был образован инструментальный цех завода № 603. В декабре 1941года прибыл цех люберецкого завода сельскохозяйственного машиностроения им. Ухтомского и группа рабочих с оборудованием кировоградского завода «Красная Звезда. " Они вошли в состав завода " Уральсельмаш". Из Одессы в Курган была эвакуирована трикотажная фабрика, которую разместили на улице Береговой, в бывших торговых помещениях, занимаемых перед этим сельхозснабом и типографией газеты «Красный Курган». Одновременно с оборудованием прибыла часть рабочих, ИТР и служащих. В начале существования фабрика была оснащена небольшим

количеством машин, рабочих было до 100 человек. Вырабатывался самый простой ассортимент: свитера, рейтузы, белье самых низких сортов. Преобладал в основном ручной труд, особенно в красильном цехе, отопление было печное. В 1942г. фабрика выпускала в сутки 700 изделий и перерабатывала 300 кг. сырья. В помещениях пивоваренного завода разместились два московских завода: сложных эфиров и терпинеоловый, образовав синтетический завод, выпускающий химические соединения для оборонной продукции. В сентябре 1941г. на макаронной фабрике артели «Пищетруд» размещена днепропетровская макаронная фабрика. В 1943г. в городе организована обувная фабрика по производству обуви на деревянной подошве. Артель «Пищетруд» в 1943г. обязали использовать картофель для добавки при выпечке хлеба.

Зауралье стало местом формирования целого ряда воинских частей и соединений. Одним из первых был создан в Кургане 32-й запасный лыжный полк. Для его снабжения курганская музыкальная фабрика с ноября 1941г. перешла на производство лыж и была переименована в курганскую лыжную фабрику облместпрома. Фабрике были переданы все помещения ранее принадлежавшие промысловой артели «Культура». Требовалось выпускать 15 тыс. пар лыж в год. За время войны полк подготовил и отправил на фронт 15-ю отдельную лыжную бригаду, 5 батальонов, десятки маршевых рот и команд общей численностью до 20 тыс. человек. Почти одновременно на Увале был сформирован 25-й стрелковый полк. В декабре 1941г. формируется 165 стрелковая дивизия, прошедшая боевой путь от Волхова до Берлина. В Кургане были сформированы 1223, 1225, 1227 стрелковые полки, вошедшие в состав 369 стрелковой дивизии. В Курган были передислоцированы несколько военных училищ. С октября 1942г. по август 1945г. здесь находилось Велико-Устюжское пехотное училище; с августа 1942г. по июль 1944г. – Сталинградское военно-танковое училище, с 1941– Лучинская школа авиамехаников, которая в 1943г. была переведена в Шадринск. На основе директивы заместителя Народного комиссариата обороны СССР от 16 апреля 1943г. в Кургане была сформирована авиашкола пилотов первоначального обучения. Школа размещалась в Мало-Чаусово.

В июле 1941г. в Кургане было развернуто несколько госпиталей: на станции Курган - №1729, потом его перевели в бывшее духовное училище, в доме облпотребсоюза - №1728, в железнодорожной школе № 28 - №444, в августе в школе № 11 развернули госпиталь №1130, в октябре в здании бывшей женской гимназии - №3976. Раненые прибывали, под госпиталь заняли сельскохозяйственный техникум по улице Куйбышева. В конце декабря 1942г. госпиталь №444 был свернут. Госпитали и детские дома, в которых были размещены эвакуированные дети, занимали в Кургане самые просторные помещения. Но с образованием области возникли новые организации, их надо было где-то размещать и было принято решение перевести госпиталь №1728 в Каргаполье, №1130 - в Кособродск, №1729 - на место бывшего госпиталя №444, за линию железной дороги, в бывшую школу №28, госпиталь №3976 был свернут 7 сентября 1943г. На месте госпиталя № 1729 разместился обком партии (теперь

администрация губернатора), на месте госпиталя № 1730 разместился облисполком. Это было двухэтажное здание накануне войны выстроенное для школы № 11, но в 1941г. школу перевели в купеческие дома братьев Харламовых, где она и находилась до 1950г. Здание облисполкома, а ранее школы, в 1952г. было передано вновь образованному педагогическому институту.

Вновь образованной Курганской области правительством в апреле 1943г. было выделено на строительство и благоустройство Кургана 12,1млн. руб. Деньги должны были быть использованы на постройку 12 жилых домов, бани на 100 мест, гостиницы на 80 номеров, водопровода протяжением 6,5 км., театра, на мощение улиц и тротуаров, на озеленение и т. д. Рупором новых начинаний была газета «Красный Курган». Она выходила с 31 января 1920г. как городская газета, 10 марта 1943г. она вышла уже в статусе областной газеты. Основное место в газете занимали военные сводки, вопросы подготовки к весеннему севу, итоги всесоюзного социалистического соревнования. Больших успехов в этом соревновании достигли курганские железнодорожники. В июне и сентябре Курганское отделение было награждено переходящим Красным Знаменем наркомата Путей сообщения. Машинист Иван Петрович Блинов 1 августа 1943г. поставил всесоюзный рекорд - провел через Уральские горы состав весом 4600 тонн, это было впервые. За трудовые подвиги ему, первому из зауральцев, 5 ноября 1943г. было присвоено звание Героя Социалистического труда. Красные знамена своих Наркоматов получали мясокомбинат, завод № 707 (ЗДС), за успешное выполнение заданий ГКО по производству вооружения и боеприпасов для фронта Президиум Верховного Совета СССР в 1944г. наградил орденами и медалями группу передовиков ЗДС и Уралсельмаша. Трудящиеся Кургана собирали деньги на танки и самолеты. В апреле 1943г. благодарственные телеграммы от Сталина получили коллективы трикотажной фабрики и мясокомбината. На фабрике собрали 60 тыс. руб. на покупку танка «Трикотажница Кургана», на мясокомбинате собрали 200 тыс. руб. на самолет «Работник курганского мясокомбината».

Город жил под девизом «Все для фронта, все для победы». Но нужно было заняться благоустройством – ведь теперь Курган стал областным центром. В первую очередь надо было строить водопровод. Все, кто жил недалеко от Тобола, ходили за водой на реку. В городе было несколько общественных колодцев, во многих дворах были свои колодцы, но часто вода в них была непригодна для питья. Еще в 1927г. газетой «Красный Курган» был поднят вопрос о питьевой воде и горсовет установил 4 места на Тоболе для набора чистой воды: на 150 саженей выше городской бани, на 75 саженей ниже городского моста, против Троицкого спуска у бывшего Бакиновского моста и против Вольно-пожарного переулка, в Тихоновке. На указанных местах воспрещалось всякое купание людей и лошадей, полоскание белья, водопой скота, мытье и замачивание различных предметов домашнего обихода. Летом воду и хозяйки и водовозы брали бесплатно, а зимой горкомхоз делал проруби и продавал талоны на право пользоваться ими, потому что затрачивали какие-то средства на их поддержание.

В 1929г. делались попытки пробурить несколько скважин и, опираясь на них, провести по городу водопровод. Пригласили из Свердловска профессора Клера, он сказал, что скважины должны быть не менее 150 саженей глубиной и вопрос сам собой заглох, потому что не было нужных механизмов. С началом войны потребность в воде усилилась- за счет эвакуированных население почти вдвое увеличилось, детдома, госпитали, заводы требовали воды. Горсовет в 1942г. вышел с инициативой строить водопровод силами жителей города. В октябре 1942г. около тысячи горожан вышли копать траншеи, ставилась задача, чтобы больницы, госпитали и ряд предприятий уже к 25-й годовщине Октября получили воду. Прокопали целый километр и на 15 октября наметили кладку водопроводных труб, но тут ударили морозы и работы пришлось остановить.

Летом 1943г. опять начались воскресники, на которые в обязательном порядке должны были являться рабочие, назначенные приказом директоров заводов. В октябре начали действовать 9 временных водоразборных точек, из которых можно было брать воду только по талонам. На один талон давали два ведра воды. В декабре водопроводная магистраль достигла 4-х км., вода была подведена к областной и городской больницам, к хлебозаводу, к облисполкому и обкому партии, к электростанции и трем столовым. Это была заслуга общественности города – за 1943г. было проведено 32 воскресника, в которых приняли участие 18358 человек. Воду подавали через старую водокачку, которая была построена в 1902г. для казенного винного склада. Такой водопровод совершенно не удовлетворял нужды города и начали прокладывать трубы от продольного водопровода Южно-Уральской железной дороги. Но и этого было недостаточно. В 1947г. ежедневно на душу населения приходилось только 5,5 литров воды. Руководители области неоднократно обращались к правительству с просьбой выделить деньги на строительство водопровода.

Только в 1965г. вопрос сдвинулся с места. В 1947г. в Кургане было большое наводнение, вода поднялась до уровня 10,5 м. Вся восточная часть города была затоплена до улицы Пролетарской. Через 10 лет наводнение повторилось, вода дошла до улицы Савельева. Железнодорожное полотно в районе завода Кургансельмаш было смыто, для восстановления насыпи был сброшен даже вагон муки для вязкости. Требовались срочные меры по строительству в Кургане плотины и ограждающей дамбы. Московским институтом «Гипрокоммунстрой» был разработан проект строительства бетонной плотины. За основу был взят русловый метод. Главное при этом методе - отвод воды по новому руслу и сложная работа по перекрытию старого русла. Осенью 1957г. приступили к работе по созданию нового русла Тобола, используя старицу Чигирим, где был смонтирован земснаряд, который проделал новое русло. Чтобы обеспечить устойчивость плотины, забивали металлический шпунт, который врезался в берега Тобола на 30 м. На шпунте устраивался короб и заливался специально подготовленной бетонной мастикой.

За 4 года выстроили плотину и ограждающую город дамбу до железнодорожного моста. Было создано водохранилище полезным объемом воды

22 млн. кубов и 22 тыс. кубов бетона прошло через руки строителей. Плотина на Тоболе вступила в строй 3 ноября 1962г. , одновременно с промышленным водопроводом. Вода в реке до плотины поднялась на 6 м. В 1965г. приступили к реконструкции существующего продольного водопровода, имевшего мощность подачи воды 16 тыс.кубов в сутки. Довели его мощность до 60 тыс. кубов в сутки. Но и это не спасало город. Начали строить Арбинский водозабор мощностью первой очереди 125 тыс. куб. воды в сутки. Госплан не давал деньги на прокладку труб по городу. Воспользовались приездом в Курган первого зам.министра Нефтегазстроя СССР Юр.Пет.Баталина. Договорились с ним не только о выделении труб, но и прокладке водовода по городу до завода Кургансельмаш и об устройстве двух дюкеров через Тобол. За это разрешили подключить строящуюся этим министерством нефтяную насосную станцию в Юргамыше к Арбинскому водозабору, а потом подключили весь поселок Юргамыш и обеспечили его питьевой водой. Трубы, проложенные от Арбинского водозабора по городу Кургану, газовые, с толщиной стенки 16 мм. Они выдерживают при испытании 65 атмосфер.

Еще одной животрепещущей проблемой вновь образованного областного центра были дороги. Не было не только асфальтированных дорог, но даже деревянных тротуаров. Весной и осенью город тонул в грязи. Автомобилей было мало , передвигались в основном на лошадях, но и телеги, особенно с грузом, застревали так крепко, что приходилось сначала снимать груз, а потом вытаскивать телегу. По Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 февраля 1944г. в черту города отошли от Курганского и Кетовского районов населенные пункты Рябково, Смолино, М-Чаусово, Галкино и Вороновка. Территория города расширилась, разбитых дорог прибавилось. Созданный Трест благоустройства в 1946г. приступил к строительству торцовых мостовых. Летом подготовили шлако-песочные подушки на площади около 100 кв.м. и расчистили 400 погонных метров полотна. Заготовили чурки и первой стали мостить улицу Куйбышева.

Осенью того же года в Курган прибывает министр путей сообщения Лазарь Моисеевич Каганович. Он был очень доволен работой курганского отделения железной дороги. Еще до войны несколько наших железнодорожников были награждены значками « Почетный железнодорожник», машинисты имели ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, отделение постоянно побеждало во Всесоюзном социалистическом соревновании. В 1940 г. по заданию Кагановича в Курган был отправлен Ансамбль песни и пляски Московского Центрального Дома железнодорожников, который дал три концерта. В августе 1946г. на реконструкцию депо станции Курган был выделен 1 млн. руб., чтобы расширить его почти на 10000 кв.м., застеклить крышу, в цехе подъемного ремонта установить мостовой кран грузоподъемностью в 10 т. 23 сентября 1946г. появился приказ министра путей сообщения « Об организации Курганского отделения железной дороги».

Чтобы ознакомиться на месте, как идет освоение средств, Каганович едет в Курган. Приехал поездом, с ним привезли его личный автомобиль и шофера. Но дороги еще были грунтовые, прошли осенние дожди и автомобиль министра застрял в курганской грязи. Пригнали с Увала танк и добуксировали машину до обкома партии. По распоряжению Кагановича по нечетной стороне улицы К.Мяготина начали строить деревянные двухэтажные дома для железнодорожников и в городе их долго называли «наркомовскими». О состоянии областного города Каганович доложил на правительстве и 24 марта 1947г. Совет Министров СССР вынес Постановление «О мероприятиях по улучшению городского хозяйства города Кургана». Постановление было подписано Сталиным. Предусматривалось построить с 1947года по 1950год в Кургане 34 многоэтажных дома, две школы по 400 мест, 3-этажный универмаг, Дом связи, телефонную станцию на 2 тыс. номеров, баню на 100 помывочных мест, родильный дом на 100 коек, областную больницу на 300 коек, кинотеатр на 500 мест, прачечную, асфальтовый завод, хлебозавод, парк культуры и отдыха.

В развитие Постановления облисполком принял Решение «О строительстве и благоустройстве Кургана на 1947г». Общая стоимость работ на 1947г. составляла 2,2 млн. руб. Решили в первую очередь строить жилье, баню, гостиницу, школу, родильный дом, благоустроить город, включая строительство булыжных мостовых и деревянных тротуаров, озеленение города, освещение улиц, осушка озер Бошняк и Терпигорье. 11 мая 1947г. был организован первый воскресник по благоустройству города. В нем приняло участие 96 человек, в т.ч. 20 учеников школы ФЗО №1. Подвозили песок, щебень для мостовых на улицы Куйбышева и Рабочую (Комсомольская). Было запланировано строительство булыжных мостовых на улицах Красина и Куйбышева, торцовых - на Советской и щебеночно-дегтярных - на Рабочей.

Разработать проект планировки города поручили ленинградскому институту проектирования городов - Гипрогору. В июне 1949г. бригада Гипрогора в составе архитектора Вертоусова Л.К., инженеров Дилевского С.Д., Злобина И.П., Павловой Л.К.составили эскиз планировки и приехали в Курган для утверждения. Еще до этого проекта вокруг города начинают возникать поселки. За линией железной дороги западнее Северного поселка начал застраиваться Ново-Северный. Получился рабочий район, в котором в основном железнодорожники и рабочие стройтреста №74 строили частные дома, к 1952г. там уже была выстроена школа №75 и кинотеатр им. Матросова. Поселок раскинулся между железной дорогой и озером Черным. На западной окраине города активно строился поселок завода Уралсельмаш. В 1944г. завод решено было расширить и для новых корпусов была отведена площадка за Ленинским поселком. Было предусмотрено, что на новой площадке завод построит свою литейку и свою электростанцию, для которой в 1946г. были получены две турфейные турбины по 2 тыс. квт.

Для рабочих Уралсельмаша начали возводить поселок прямо у завода (завод и поселок строили пленные немцы). Строили 2-заводах и 3-хэтажные дома,

рабочий клуб, школу, медпункт. В 1947г. сдали в эксплуатацию первую очередь завода на новой площадке и открыли автобусное сообщение между старой и новой площадкой. На заводы рабочие, в основном, ходили пешком. Автобусное движение осуществлялось только в центре города. Первый автобус в Кургане появился в 1929г., когда железнодорожное добровольное пожарное общество оборудовало из старого автомобиля автобус на 8 человек и возило пассажиров со станции до базара за 30 коп. Но автобус быстро сломался и попытка перевозить пассажиров повторилась только в 1935г. В то время в городе было 20 грузовых и 6 легковых машин, 4 мотоцикла и около 400 велосипедов. Ни одного специализированного автобуса не было. Опять приспособили грузовик, из кузова сделали салон и пустили этот автобус по маршруту Станция-Машзавод по улицам Куйбышева-Ленина-К.Мяготина-Красина. Рабочим предоставлялось право посадки вне очереди с 5 до 9 часов утра. В апреле 1938г. в городе появилось такси. Плата за проезд была фиксированной-50 коп. Летом 1940г. даже было организовано регулярное движение автобуса Курган-Белозерское. Во время войны опять никаких автобусных маршрутов не было. В 1945г. городу дали один автобус, ходивший по маршруту Вокзал-Спиртзавод, а в 1946г. была организована автоколонна №1855, расположенная по улице Урицкого (ныне р-н к\т «Звездный»), и было получено 4 автобуса. Установили два маршрута: Вокзал-Рынок и Кургансельмаш-Уралсельмаш. 24 ноября 1963г. в городе началось троллейбусное движение, 10 января 1969г. открылся автовокзал.

Распоряжением Совмина СССР от 21 января 1950г. завод Уралсельмаш, расположенный на двух площадках в разных концах города, был разделен на 2 самостоятельных завода: на старой площадке-Кургансельмаш, на новой-Уралсельмаш. Кроме этих заводов в Кургане было предусмотрено строительство нескольких крупных заводов - машиностроительного, автобусного, арматурного, химического машиностроения, медицинских препаратов, ЖБИ и ряда других. Заводы, подобно Уралсельмашу, могли иметь свои электростанции, но это было нерентабельно. Встал вопрос энергоснабжения как города, так и промышленности. В Кургане было две электростанции - одна, построенная в 1914г., была слишком маломощной, и ей в помощь была выстроена на машзаводе (Кургансельмаш) в 1929г. вспомогательная электростанция для нужд завода.

В июне 1937г. в Курган прибыла комиссия московского проектного отдела треста «Коммунэнергострой» для рассмотрения вопроса энергоснабжения города и выбора площадки для строительства городской ТЭЦ. В это время Наркомат путей сообщения начал строить в Северном поселке свою ТЭЦ, для получения энергии для железной дороги и продольного водопровода. Наркомат сразу же предупредил город, что своей энергии он не даст, все пойдет для собственных нужд. Первая очередь железнодорожной ТЭЦ вступила в строй в 1939г., а для городской ТЭЦ только выбирали площадку. Грянувшая война заставила все поступавшее оборудование отправлять на расширение железнодорожной ТЭЦ, в 1942г. вступила в строй ее 2-я очередь и в условиях военного времени ее энергией пользовались город и железная дорога. Работала станция на дешевом

челябинском угле. В 1943г. железнодорожная ТЭЦ питала электричеством 30 предприятий города, железнодорожный узел, продольный водопровод, а также культурно-бытовые учреждения города.

Приходилось ограничивать потребление электричества, особенно в вечернее время. В диспетчерской висел график - сколько энергии должно потреблять каждое предприятие и если был перерасход, диспетчер звонил и предупреждал. Если это не помогало, электричество заводу просто отключали. Это часто прерывало технологический процесс и получался брак целой партии продукции. Чтобы хотя бы частично решить проблему нехватки электроэнергии в начале 1950-х гг. в Курган с Дальнего Востока пригнали энергопоезд американского производства (электростанция на колесах). Поезд нельзя было оставлять под открытым небом и для него в железнодорожном тупике был выстроен « туннель» из шлакоблоков. В течение нескольких лет энергопоезд наряду с железнодорожной ТЭЦ снабжал город электричеством. Обходился он невероятно дорого - почти как сама железнодорожная ТЭЦ. Когда на Уралсельмаше была запущена своя электростанция на базе трофейного немецкого оборудования, энергопоезд был остановлен. С пуском в 1956г. курганской ТЭЦ поезд, по слухам, был отправлен на Колыму.

25 апреля 1951г. выходит приказ №175 Министра электростанций СССР Д.Г.Жимерина « Об организации курганской ТЭЦ». Площадку для строительства выбрали на западной окраине города и летом 1951г. работа закипела. Одновременно с производственными корпусами строились гидротехнические сооружения, которые должны были обеспечить ТЭЦ водой. Было создано искусственное озеро Орлово, для чего были построены 3 гидротехнические дамбы с глиняным ядром и каменной наброской, а также бетонная водосливная плотина и насосная станция на берегу Тобола. В ноябре 1956г. первая очередь ТЭЦ была введена в число действующих. Расширение и усовершенствование ТЭЦ продолжается по сей день. Сначала ТЭЦ работала только на угле, которого расходовала 450 тонн в час. Потом стали пользоваться мазутом, а в настоящее время и газом. Но сегодня городу и области не хватает мощности ТЭЦ и в 2007г. произошла закладка новой мощной Северной ТЭЦ, в районе Рябково. Начало строительства ТЭЦ в 1951г. положило начало строительству жилого массива, который сейчас называется поселком Энергетиков.

В это же время в городе начинают строить новые линии освещения. Ни о какой технике не было и речи. Вручную копали ямы под столбы глубиной в 1,5 метра, вручную эти столбы устанавливали. Даже бревна для столбов заготавливали сами: ездили на лесную деляну, валили с корня деревья, на месте срубали сучья и сплавливали бревна по Тоболу до лесопристаны (перед Кировским мостом), где их вылавливали, сушили, шкурили и устанавливали. Между столбами натягивали провода, все линии были воздушными. Для обслуживания уличного освещения была выделена специальная бригада электромонтеров: менять лампочки, следить за состоянием линий, включать и выключать освещение. По вечерам, включив свет на улицах, монтеры обходили линии

освещения и если находили перегоревшую лампочку, ставили на столбе крестик, чтобы днем найти эту лампочку и заменить. Сначала линии обходили пешком, потом бригаде выделили велосипеды. Диспетчеры тоже должны были ходить включать и выключать уличное освещение с разных подстанций. Лишь около 1960г. горэлектросеть получила пульт управления для централизованного включения освещения. Мало кто знает, что у станции Твердыш Каргапольского района начиналось строительство курганской ТЭЦ №2. Строители уже приступили к подготовительным работам, но проект был приостановлен. Этот вопрос решался на Политбюро КПСС. Председатель Совмина Косыгин А.Н. настаивал на продолжении строительства в Курганской области, а генеральный секретарь Брежнев Л.И. хотел, чтобы эта ТЭЦ была построена в Казахстане. Сейчас ТЭЦ под именем Курганской ТЭЦ № 2 работает в Экибастузе (центр казахстанской угледобычи)

В 1943г. были образованы не только областные управленческие структуры, но и культурно-просветительные учреждения. Было решено организовать областной драматический театр и областной ансамбль музыкальной комедии, или как в городе его называли - театр оперетты. Драматический театр создавался на базе шадринского городского театра и за отсутствием помещения в Кургане работал год в Шадринске, затем его перевели в Курган, в здание старого городского театра, переоборудованного в 1920-е гг. из кинотеатра « Весь мир» на улице Ленина. Только 29 июня 1944г. театр показал свой первый спектакль в областном центре. Это была пьеса Бориса Лавренева « Песнь о черноморцах», посвященная обороне Севастополя. Тем временем готовилось новое помещение для театра-бывший актовый зал женской гимназии, откуда был эвакуирован госпиталь №1728. К зданию была пристроена сцена со всеми закулисными службами. Сценическая коробка была 17м. в глубину, 18м. в высоту и ширину. Украшением зала был зеленый плюшевый занавес.

17 февраля 1945г. театр на новой сценической площадке дал первый спектакль - « Горе от ума» А.Грибоедова. В репертуаре были « Вишневый сад» А.Чехова, « Гроза» А.островского, « Давным-давно» А.Гладкова. В марте 1945г. театр поставил пьесу К.Симонова « Так будет». Согласно постановлению бюро обкома партии от 24 апреля 1950г. для театра стали восстанавливать бывший Народный дом им. Ленина, который горел в 1937г., а в годы войны там размещался завод Дормаш. В апреле 1953г. театр перешел в это здание, о котором « Красный Курган» писал: « Театр-одно из красивейших зданий города с классическим восьмиколонным портиком по фасаду. Внутри здания подковообразный зрительный зал с амфитеатром . балконом и ложами, на 750 зрителей. Лепные украшения, хрусталь люстр и стенных бра, обитые бархатом кресла, паркет, натертый до сияющего блеска, плюшевые и шелковые гардины- все вызывало восхищение послевоенного зрителя». В труппе театра недоставало профессиональных актеров и первый секретарь курганского обкома партии Геннадий Федорович Сизов в 1955г. обратился к министру культуры с просьбой

направить в Курган выпускников театральных вузов, что привело к расширению труппы.

Ансамбль музыкальной комедии разместился в 1943г. в бывшем общественном собрании (дом Розена) по улице Советской. Здание было подвергнуто реконструкции-расширен зрительный зал, вход перенесен в центр фасада, сделано фойе. Наряду с профессиональными актерами, находящимися в эвакуации в Кургане, в ансамбль пришли и самодеятельные артисты, молодые и с хорошими голосами. Ставили «Сильву», «Марицу», «Баядеру», «Роз-Мари», «Холопку», «Коломбину», «Ярмарку невест» - классику. Из советских оперетт - « Свадьбу в Малиновке», « Раскинулось море широко» и др. За 1944г. спектакли оперетты посетили 151 тыс. зрителей. Театр музыкальной комедии давал шефские концерты для рабочих непосредственно на производстве. В декабре 1946г. ансамбль был расформирован. В апреле 1943г. образовался областной кукольный театр. Первыми были показаны пьесы « Как немецкий генерал с поросенком воевал» и « Черт и Гитлер». Кукольный театр постоянно разъезжал по области, потому что не имел собственного помещения. Во время войны проводились сборные концерты и даже поэтические вечера. 28 мая 1943г. состоялась встреча курганцев с писателями: орденоносцем В.Финком, В.Важдаевым, поэтом-фронтовиком Я.Сашиным, поэтессой О.Высотской. 4 июля 1943г. в летнем театре горсада состоялся вечер поэта – фронтовика , уроженца Кургана, Сергея Васильева. Члены литературного кружка при газете « Красный Курган» проводили чтение стихов и прозы в госпиталях.

В 1945г. в Кургане был создан хор русской народной песни, который возглавил Павел Иванович Гороховцев, заведующим музыкальной частью и бессменным баянистом хора стал Леонид Иванович Лапочкин. Занятия хора начали с обучения музыкальной грамоте, почти никто не знал нот. В репертуаре были песни, исполнявшиеся хором им. Пятницкого – Летят утки, Ой туманы мои, растуманы, Расставанье и др. Солистами хора были Серафима Никитина, Виолетта Лапочкина, Мария Джеус, Нина Макарова и Тамара Белова. Хор объехал все районы области. В 1949г. его сократили наполовину и превратили в Зауральский ансамбль песни и пляски. В апреле 1944г. в Кургане началась реконструкция двух рядом стоящих зданий по улице Пичугина: бывшей гостиницы Богданова, в советское время превращенную в офицерскую столовую и ресторан, и жилого дома, стоящего посреди квартала. Их приспособили под кинотеатр и 5 ноября 1944г. на углу улиц Советской и Пичугина открылся кинотеатр им. Ленинского комсомола, показом фильма « Зоя», рассказывавшем о жизни и подвиге Зои Космодемьянской. В июне 1945г. все кинотеатры города показывали киножурналы « Знамя Победы над Берлином водружено» и « Победа над Берлином». В июле смотрели уже фильм « Крымская конференция трех держав».

После войны изменился режим работы предприятий. В 1946г. был издан Указ о переходе на 8-часовой рабочий день и о введении очередных отпусков, отмененных в годы войны. 14 декабря 1947г. вышло Постановление Совмина

СССР « О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Был произведен обмен денег 10:1, т.е. 10 старых рублей обменивались на 1 новый рубль. Большинство горожан в эти годы жили бедно, плохо питались, нуждались в самом необходимом. В магазинах часто не было соли, спичек, керосина. Мужчины донашивали старую военную форму. Женщины нарядные платья шили из парашютного шелка. Самыми лучшими наградами за ударный труд считались отрезки мануфактуры, галоши, валенки, продукты. Вернувшиеся с фронта искали работу, которой в Кургане не хватало.

В 1949г. Сталин подписал постановление Совмина о строительстве в Кургане двух заводов: арматурного и химического машиностроения. В 1950г. вступил в число действующих новый машиностроительный завод. Он был заложен в 1940г. как завод тяжелых мостовых кранов. Но в 1941г. строительство было прекращено и возобновилось только в 1947г. Одновременно с заводом стали возводить жилье. Первые заводские двух и трехэтажные дома были построены в 1948-1949гг. и стоят до сих пор в квартале между улицами Пролетарской-1-й Заводской - К.Мяготина - Пушкина. Потом 4-этажные дома завод строил на улицах Ленина, Пролетарской, К. Мяготина. Первую продукцию крановый завод выпустил в июле 1950г. и эту дату считают днем рождения КМЗ. В 1954г. завод был передан в Министерство транспортного машиностроения, хотя продукция кранового назначения продолжала выпускаться еще какое-то время. С 1955г. завод начал выпускать артиллерийские тягачи, которые во время военных парадов на Красной площади буксировали зенитные пушки. С 1967г. завод перешел на изготовление БМП- боевой машины пехоты. В 1971г. за организацию производства БМП завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 1954г. была введена в эксплуатацию первая очередь арматурного завода. Был проведен 28 декабря митинг, посвященный выпуску первой задвижки. Завод специализировался на выпуске задвижек из серого чугуна, применяемых на трубопроводах для воды, пара, топливного и коксового газа; клапанов обратных, применяемых на трубопроводах холодильных установок для жидкого и газообразного аммиака, на паросиловых установках, на трубопроводах жидкой и газообразной углекислоты; вентилей сильфонных из кислотостойкой и углеродистой стали. Арматурный завод поставлял свою продукцию в 25 стран мира. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16.02.1976г. за успехи в работе по повышению качества, внедрение прогрессивной технологии и досрочное выполнение заданий 9-й пятилетки завод был награжден орденом Знак Почета. После объединения с заводом химмаш Верховный Совет сохранил орден за объединением армхиммаш. В 1980-е гг. объединение выпускало трубопроводную арматуру, спецарматуру для атомных, электро и гидростанций, а также гуммированное химическое оборудование.

17 мая 1956г вступил в строй завод химического машиностроения. Начал с выпуска центрифуг, в 1957г получил задание от министерства обороны на изготовление техники для дегазации, дезактивации и дезинфекции военной

техники. В 1960г. завод приступил к изготовлению химоборудования, работающего под давлением; в 1962г. получен заказ на изготовление установок осушки воздуха; в 1963г. завод осваивает изготовление озонаторных установок. В 1977г. объединяются, в 1989г. разъединяются арматурный и завод химмаш.

В 1953г. принято правительственное решение о строительстве автобусного завода. Весной 1954г. заключенные мужской исправительной колонии, находящейся вблизи, начали возводить производственные корпуса, летом 1957г. начали набирать будущих рабочих и отправили их в город Павлово-на Оке для обучения специальностям. В январе 1958г. без всякой механизации, вручную был собран первый автобус КАВЗ-651. За первый год работы завод выпустил 508 автобусов, за 1959г.-1511, за 1960г.-3484. В 1960г. с конвейера сошел 5-тысячный автобус. Машины поставлялись во все регионы Советского Союза. В 1964г. отправлен в путь 25-тысячный автобус.

В 1956г. началось строительство завода медицинских препаратов. Через год на завод прибыла первая группа молодых специалистов, 15 сентября 1958г. выпустили первую партию продукции – субстанции антибиотиков биомидина, трихотецина и др. В 1961г. заводу было присвоено звание «Коллектив коммунистического труда». С 1974г. завод получил название–комбинат «Синтез». Выпускал антибиотики, типографско-картонные изделия, занимался производством пластмасс. Продукция поставлялась в 14 зарубежных стран. Каждый завод был обязан строить не только жилье для своих рабочих, но Дома культуры, детские сады и ясли, пионерские лагеря, санитарные части и профилактории. Кроме того, они строили и общегородские объекты. Строительство 1-й городской больницы финансировал автобусный завод, 2-й городской больницы - КМЗ, железная дорога строила свою больницу и поликлинику.

В октябре 1950г. был создан строительный трест № 74, который и вынес на своих плечах основной груз дальнейшего строительства. По мобилизации партийных, комсомольских и профсоюзных организаций в этот трест было направлено более тысячи рабочих. В 1950г. началась застройка улиц Ленина и К. Мяготина многоэтажными домами. В 1951г. расширили городской сад и он вышел на улицу Ленина. Здесь выстроили каменный вход в сад и капитальную деревянную решетчатую ограду. В 1952г. сад расширили до улицы К.Маркса, Володарского и Гоголя за счет сноса ряда ветхих строений и прирезки прилегающих к саду озелененных массивов, до того не входящих в его территорию. Вскоре в горсад у поставили несколько парковых скульптур, характерных для 1950-х гг. Появились аттракционы, была выстроена эстрада, летний кинотеатр. В 1953г. в саду открылась первая выставка цветоводства. В 1953г. принялись за озеленение улиц. Вдоль тротуаров было посажено 6 тыс. молодых деревьев и кустарников. На улицах появились поливочные машины. В 1958г. трудящиеся города приняли обязательство отработать по 40 часов на благоустройстве города. Каждому высадить и сохранить 4-5 деревьев, высаживать кустарники и цветы около своих домов, в скверах и газонах города.

В 1950-1960-е гг. был создан тот облик центральной части города, который сохраняется доныне. Быстро развивающийся город в 1955г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР был разделен на Центральный и Промышленный районы, которые через год были упразднены. В июле 1962г. все же произошло разделение на Советский и Октябрьский районы, 22 октября 1980г. образован Первомайский район.

Русские на Тоболе	1
Во времена драгун лихих	4
Купола над городом	6
Чудотворные иконы и святые мощи	
Зауральской земле	10
Вырос город на извилистой речке	14
Природа и деятельность человека в Зауралье	19
Первый ссыльный XIX века	24
Курганское общество и декабристы	26
Декабрист Повало-Швейковский и солдатская	
вдова Розенкова	33
Кюхельбекер Вильгельм Карлович	37
Дочь декабриста и городничий	58
Завалишины в Кургане	63
Первые учителя города Кургана	68
Юные начальницы женской гимназии	81
Курганские приюты 1920-х гг.	84
Тревожный запах багульника	91
Почта, телеграф, телефон	97
Курганские сады и парки	100
Курганские пожарные части	108
Сельская медицина Курганского округа к.Х!Х – н. ХХвв.	116
Курганское здравоохранение 20-х гг .ХХв.	124
Становл	

БАЛАКШИНЫ

Большую роль в экономическом развитии города Кургана и Курганского округа в целом с середины 19 века играла купеческая семья Балакшиных. Уже в 1801 году семейство числилось в купцах по городу Ялуторовск, с 1838 года - по Тюмени, с 1842 года - по Кургану. В Кургане семья состояла из супругов Николая Яковлевича и Енnavы Филипьевны с сыновьями Константином и Петром и четырьмя дочерьми - Анисьей, Елизаветой, Феофанией и Александрой. В Кургане семья прожила недолго и по указу Тобольской казенной палаты от 10 ноября 1844 года Николай Яковлевич Балакшин опять перечислен в ялуторовские купцы 3-ей гильдии. Известно, что там он близко сошелся с декабристами, был их доверенным лицом и только семья Балакшина приглашалась на праздники в узком кругу декабристов. Осев окончательно в Ялуторовске, Николай Яковлевич не прерывал свою связь с Курганом. Он имел рядом с городом, в деревне Курганской водяную мельницу об 11 поставах и такую же мельницу возле деревни Памятной, с августа 1853 года являлся управляющим Илецко-Иковского винокуренного завода Мясниковых, расположенном вблизи Кургана, вел обширную торговлю хлебом.

В 1856 году Николай Яковлевич управление винокуренным заводом передает своему племяннику Ефиму Андреевичу Балакшину, а в 1861 году в Курган переезжает Константин Балакшин, чтобы управлять мельницами отца и следить за торговлей. 8 марта 1870 года Николай Яковлевич умирает в Ялуторовске, завещав все свое имение жене, Енnavе Филипьевне. Константин продолжает жить в Кургане, но в 1872 году управление своими торговыми делами и мельницей возле деревни Курганской, которую он взял у матери в аренду, передал брату Петру. Через год Константин и Пето покидают Курган, но сюда переезжает их младший брат Алесандр.

Александр Николаевич Балакшин родтлся 28 августа 1844 года в Ялуторовске, большую часть своей жизни прожил в Кургане. Желая иметь

собственное производство, он берет у крестьян деревни Старо-Сидоровки (Логовушки) в аренду несколько десятин земли и строит картофелепаточный завод на совместные капиталы со своим другом Андреем Порфирьевичем Ванюковым. Завод был хорошо оснащен, выпускал крахмал и патоку, количество рабочих колебалось от 40 до 60 человек. Сбыт патоки производился на пряничные заведения Тобольской, Пермской и Оренбургской губерний. Конфетная фабрика А.П.Полякова в Екатеринбурге изготавливала карамель только из патоки, приобретенной на заводе Балакшина. Чтобы иметь сырье для паточного производства, Балакшин на арендованных землях высевал различные сорта картофеля и составлял диаграммы средней урожайности и крахмалистости каждого сорта. Одновременно он начинает опыты по орошению. Была сооружена целая система трубопроводов для полива посадок картофеля. Эта система особенно пригодилась в 1891 – 1894 годах, когда Курганский округ был поражен жестокой засухой и небывалым нашествием кобылки. После этой напасти Александр Николаевич установил в Логовушке памятник, открытие которого состоялось в день пятидесятилетия Балакшина, 28 августа 1894 года. Это была гранитная пирамида с венчающим ее крестом, на ней надпись: « С благословения Пресвященного Иустина, епископа Тобольского и Сибирского, поставлен этот крест в воспоминание о избавлении от бедствий голодных 1891 – 1892 годов. Помяни время глада во время сытости, нищету и убожество в день богатства».

Кроме паточного завода в Логовушке был устроен еще небольшой маслодельный завод. Итоги своей деятельности А.Н.Балакшин и А.П.Ванюков продемонстрировали в 1887г. на научно-практической выставке в Екатеринбурге, где были отмечены медалью. Особенный успех ждал друзей на выставке, проходившей в Кургане с 20 августа по 20 сентября 1895г. Они представили здесь большую коллекцию культивируемых ими сортов картофеля, сопровождаемую сводною таблицей и диаграммой средней урожайности за 10лет и выводом крахмалистости разных сортов. Кроме того имея данные своих метеорологических наблюдений за 15 лет, Александр Николаевич представил их в картограммах с характеристиками главнейших метеорологических элементов – температуры, осадков, давления. За выставку Балакшин и Ванюков были награждены Большой серебряной медалью.

Министр Земледелия и Государственных имуществ Алексей Сергеевич Ермолов, посетивший курганскую выставку, обратил внимание на материалы Балакшина, долго беседовал с ним и поддержал мысль Александра Николаевича

об открытии в Кургане Отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства. После подготовительной работы учредительное собрание членов Курганского отделения Московского общества сельского хозяйства (КО МОСХа) состоялось 12 июня 1897г. Председателем Отдела был избран А.Н.Балакшин. В 1898г. при КО МОСХе была учреждена постоянная комиссия по маслоделению и молочному хозяйству. Ведь начиная с 1894г. в Курганском округе начинается быстрый рост числа маслодельных заводов и вывоз сливочного не только в Европейскую Россию, но и за границу. Благодаря усилиям КО МОСХа и его председателя в сентябре 1901г. в Кургане состоялся 1-й Общесибирский съезд маслоделов. В своем докладе на съезде Александр Николаевич высказал идею о создании кооперативных маслоделен.

В результате ходатайства съезда было принято решение Министерства Земледелия и государственных имуществ о создании Правительственной организации по устройству маслодельных кооперативных товариществ, коротко именуемая – Организация. Заведующим этой Организации был назначен А.Н.Балакшин. За пять лет он на общественных началах проделал громадную работу. За это время возникли 271 маслодельных артелей, объединивших 5 200 крестьянских дворов. Бурная деятельность Организации привела к конфликтной ситуации. Частные заводчики и экспортеры, увидев конкуренцию, попытались провалить артельное дело. Являясь председателем КО МОСХа Балакшин испытывал сильное давление с их стороны. Собрания Отдела сделались ареной пререканий, чуть не судебных разбирательств. Это вынудило Александра Николаевича покинуть этот пост и сосредоточиться на организации работы артельных маслоделен.

В 1907г. прекращает свое существование Организация по устройству кооперативных маслоделен. Вместо нее Балакшин создает Союз Сибирских маслодельных артелей (ССМА), которому суждено было стать крупнейшей кооперацией не только в России, но и во всей Европе. Устав Союза был утвержден 27 ноября 1907г., действия были открыты с января 1908г. Разумеется, первым директором стал Александр Николаевич Балакшин. К 1910г. кооперативное маслоделие настолько усилилось, что почти вытеснило частные заводы, а к 1912г. заставило в кургане свернуть работу нескольких заграничных контор. Тем более, что в 1910г. Союз открыл в Берлине собственную контору по продаже масла в Германии. Быстрый рост маслодельных артелей длился до 1915г. Перебои в росте были в 1908г. из-за неурожая трав и в 1911г. из-за засухи и всеобщей голодовки. Союз имел разветвленную сеть потребительских лавок, на приобретение товаров

для которых тратилась треть бюджета. ЭТИ ЛАВКИ С ДЕШЕВЫМИ ТОВАРАМИ ПОМОГАЛИ ЧЛЕНАМ АРТЕЛЕЙ ВЫЖИВАТЬ в голодные годы. Благодаря энергичным действиям А.Н.Балакшина к 1913г. ССМА объединил 560 маслодельных и 500 потребительских артелей – 150 000 дворов. Оборот достиг 14 миллионов рублей. Но многолетняя интенсивная деятельность, постоянная борьба с оппонентами, груз ответственности утомили Балакшина настолько, что он решил уйти на пенсию. В мае 1913г. он слагает с себя обязанности директора ССМА и Правление выбирает на эту должность старшего сына Балакшина – Андрея Александровича. Александр Николаевич уезжает в Англию, куда шли большие поставки масла от ССМА, и уже не возвращается в Россию .28 ноября 1921г.он скончался и был похоронен на Хайгетском кладбище, вблизи могилы Карла Маркса.

Андрей Александрович Балакшин учился в сельскохозяйственной школе в Казани, стажировался в Германии, читал лекции в Народном университете Шанявского. Помогал отцу вести дела Товарищества « Балакшин и Ванюков» , занимался картофелепаточным заводом, плантациями посадок картофеля, входил в состав Правления КО МОСХа, вел лабораторию при заводе. Имел склонность к совершенствованию производства. Ставил опыты по сухому земледелию и по ленточным посевам. Им был изобретен очень простой и дешевый прибор для очистки и стерилизации паром молочной посуды, придуман паровой котел особой конструкции для маслодельных заводов, приспособленный для солоноватой воды. Его руководство Союзом выпало на годы 1-ой мировой и гражданской войн. В 1914г. торговать маслом с Европой стало невозможно , и Андрей Александрович срочно выехал в Петроград, чтобы ходатайствовать о поставках масла для армии. Правительство согласилось на закуп, что удержало ССМА на плаву. После октябрьских событий 1917г. напряжение в работе Союза усилилось. 23 июля 1918г. Совет министров Временного Сибирского правительства постановил считать Омск столицей Сибири, а в конце августа Правление Союза приняло решение о переводе конторы Союза в Омск, как более надежное место. В октябре эвакуация центрального Правления была завершена, в Кургане осталась только типография « Народной газеты», основанной в 1906г. Александром Николаевичем « для служения интересам, нуждам и запросам сибирского крестьянства». В октябре 1919г. Андрей Балакшин уезжает во Владивосток по делам Союза и уже не возвращается в Омск. В 1920г. семья переезжает в Шанхай, в 1925г. – в Канаду, где потомки Андрея Александровича живут по сей день

Младший сын Александра Николаевича, Сергей Балакшин, после окончания в 1900г. Шарлоттенбургского политехнического института в Берлине вернулся в Курган и организовал в имени отца в Логовушке мастерскую под вывеской «Чугуно-медно-литейный завод Товарищества Балакшин, Ванюков и К» Изготовленные на заводе маслбойки «Виктория» и маслообработники датского типа не уступали заграничным образцам. Отдаленность от города не давала возможности быстрого развития производства и в 1903г. начался перенос завода в Курган. Здесь Сергей Александрович становится единоличным владельцем завода и преобразует его в турбиностроительный. В 1904г. он разрабатывает собственную конструкцию гидротурбин для мельниц. В 1905г. изготовлена первая турбина «Богатырь», которая позже выпускалась в семи вариантах. Второй тип турбины, сконструированной Балакшиным, носил имя «Борец» и тоже имел семь модификаций. Кроме того. Завод выпускал турбопоставы системы С.А.Балакшина, запасные части к турбинам и турбопоставам, шкивы чугунные, проводные ремни и пр.

Труды Сергея Александровича были замечены и вознаграждены мировым признанием. В 1908г. в Европе проходили две Всемирные выставки: в Марселе – по применению электричества, в Стокгольме – промышленная. На обе выставки были отправлены турбины с курганского завода, имевшие там большой успех. В Марселе была получена высшая награда Гран-при и золотая медаль, в Швеции – Большая серебряная медаль. На российских выставках в последующие годы были получены две золотые медали и одна бронзовая. Завод Балакшина часто посещали инженеры, профессора, техники, государственные чиновники и все давали превосходные отзывы о его работе, отмечали прекрасное оборудование, а ведь многие станки и приспособления были сделаны по чертежам Сергея Александровича. Последний отзыв, известный нам, относится к маю 1919г. Группа инженеров писала в Книге отзывов: «Это один из лучших заводов Сибири в отношении продуманности производства чугунного литья, а в особенности турбин, которые с каждым выпуском обладают новой конструктивной особенностью... Побольше бы таких заводов и Сибирь стала бы на собственные ноги в отношении возможных оборудований механического характера...».

Будучи гласным городской думы Сергей Александрович в 1910г. впервые поднял вопрос об устройстве в Кургане городской электростанции. Его завод со дня основания работал на собственном электричестве от локомотивов. В августе

власть в Кургане перешла Советам. Балакшин переехал в Томск. Там он приступил к организации специального Управления по использованию водных сил Сибири (Сибисполвод), в 1921г. организовал мукомольную специальность при Сибирском технологическом институте и читал основной курс мукомольного производства и элеваторного дела, работал на нужды ГОЭЛРО. В 1922г. разработал пропеллерную турбину, курганский турбинный завод, который стал именоваться машиностроительным, изготовил несколько таких турбин. В 1929г. Сергей Александрович спроектировал вертикальную турбину, предназначенную для приведения в движение прокатных станов на железнодорожных заводах Урала. Скончался 29 июня 1933г. и похоронен в Томске. Все его потомки живут в Москве.

ОТ АВТОРА

За последние 10-15 лет в Кургане и области наблюдается большой интерес к истории своего края, будь то город или небольшая деревенька, порой уже исчезнувшая с лица земли. Инженеры, журналисты, педагоги, пенсионеры, солидные люди и молодежь ринулись в архивы, в библиотеки, ищут даты основания своих сел и имена их основателей, вступают в генеалогические общества, чтобы найти корни своей родословной. Любители-краеведы работают так тщательно, что порой становятся почти профессиональными историками. Мне кажется, что именно они напишут подлинную историю зауральского края. Большой толчок работе краеведов дало Зауральское генеалогическое общество, созданное Свищевым Пав. Ал. Члены этого общества не только пишут свою родословную, но восстанавливают историю тех сел и деревень, откуда вышли их предки. Энтузиаст общества Варлаков Пав. Вал., так рано ушедший из жизни,

занимался истоками заселения края, первыми его поселенцами, это 17 -18 вв. Бывшая учительница Меньщикова Ек. Вас. изучает историю купцов Мергеновых, своих предков, и публикует историю некоторых волостей Курганского округа, Вахтин Влад. Гр. занимается историей Половинского района, на основе архивных документов исправляет ошибки в публикациях предыдущих исследователей, библиограф Толстых Ник. Юр. пишет историю Варгашинского района, полковник в отставке Серков Вл. Троф. публикует книгу о курганских элеваторах. В Куртамыше директор музея Батуев Ст. Вл. занимается старообрядцами, сплотил вокруг себя местных краеведов, которые составили книгу « Куртамышская генеалогия». Громадная работа ведется шадринскими краеведами, особенно Пашковым Ан. Ал. Перечислить всех невозможно.

Я занималась историей края почти 50 лет. Искала документы не только в курганских архивах, но работала в архивах Москвы и С-Петербурга, в Библиотеке Академии Наук и в Пушкинском доме, искала материалы о декабристах и народовольцах в Чите, изучала архивы Шадринска и Челябинска. Очень много интересного материала по истории Курганского округа мне дали газеты «Тобольские губернские ведомости» и «Тобольские епархиальные ведомости», аналогичные газеты Оренбурга и Перми. Иногда я находила короткие упоминания о Кургане или округе, иногда были большие статьи, иногда одни архивные документы утверждали факты, которые опровергались другими документами, и только кропотливое изучение всего накопленного материала позволяло сделать правильные выводы. Чтобы поделиться своими находками, я сначала писала в газеты небольшие заметки, потом статьи побольше, публиковала свои материалы в популярных и научных изданиях, принимала участие в составлении учебных пособий и в результате написала книгу «Забывтый Курган», которая получила положительный отклик читателей. Но очень многие исторические факты остались вне книги, хотелось их тоже опубликовать и тогда совместно с научными сотрудниками краеведческого музея Тершуковой Ек. Вл. И Скородумовой Ниной Фед. мы выпустили книгу «Курганские хроники». Кроме того у меня накопился материал о купцах, который вылился в двухтомник «Курганское купечество». Мне казалось, что я больше не буду ничего издавать, но просматривая газеты, журналы, сборники прошлых лет я с удивлением отметила, что некоторых своих публикаций я не помню. Кто-то вообще их не читал и может начать искать в архивах то, что уже было найдено мной. В чем-то я ошибалась или сведения мои были ограничены, потому что не хватало информации, но они могут послужить толчком к новым исследованиям, которые расширят и уточнят

наши знания. Поэтому я собрала свои публикации разных лет в одну книгу, которая может оказаться полезной учителям, студентам исторического факультета, краеведам, всем любителям старины. Чем больше мы будем знать о своей малой родине, о своих предках, тем больше мы будем гордиться своим краем и любить его.

А.Васильева.